

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 2 (54)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларию Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Васильев П. В.</i> О понимании начальной стадии существования юридической ответственности в свете изучения правовых последствий.....	7
<i>Зарубина К. А., Чапчиков С. Ю.</i> Судопроизводство по делам политического характера в Российской империи в 1864–1917 годах	22
<i>Львов А. В.</i> Правовая теория И. П. Разумовского	30
<i>Степанов М. М.</i> Создание суда присяжных в Белой Сибири как продолжение Судебной реформы 1864 года.....	41

Публичное право

<i>Дорская А. А., Дорский А. Ю.</i> Способы преодоления кризисных явлений в международном праве: анализ исторического опыта	49
---	----

Права человека

<i>Куракина Ю. В.</i> Теоретико-правовая характеристика права ребенка на игру	60
---	----

Трибуна молодых ученых

<i>Абдиева Д. А.</i> Циклические правовые массивы как нетипичные образования в системе права шестого технологического уклада	68
<i>Газгиреев Н. Ш.</i> Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых прав в гражданском праве России	78

<i>Демкина Е. А.</i> Правовые и этические аспекты крионирования человека в России.....	86
<i>Костина К. А.</i> Конфликт интересов в государственных закупках Российской Федерации и Европейского союза: сравнительно-правовое исследование.....	96
<i>Крупнова Т. Б.</i> Пределы свободы волеизъявления в правотворчестве: детерминанты формирования	106

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2024, № 2 (54).....	118
--	------------

Требования к оформлению статей.....	121
-------------------------------------	-----

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Vasiliev P. V.* On understanding the initial stage of the existence of legal responsibility in the light of studying of legal consequences..... 7
- Zarubina K. A., Chapchikov S. Yu.* Legal proceedings in cases of a political nature in the Russian Empire in 1864–1917..... 22
- Lvov A. V.* I. P. Razumovsky’s legal theory 30
- Stepanov M. M.* Creation of a jury trial in White Siberia as a continuation of the Judicial Reform of 1864..... 41

Public Law

- Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu.* Ways to address crisis phenomena in international law: an analysis of historical experience..... 49

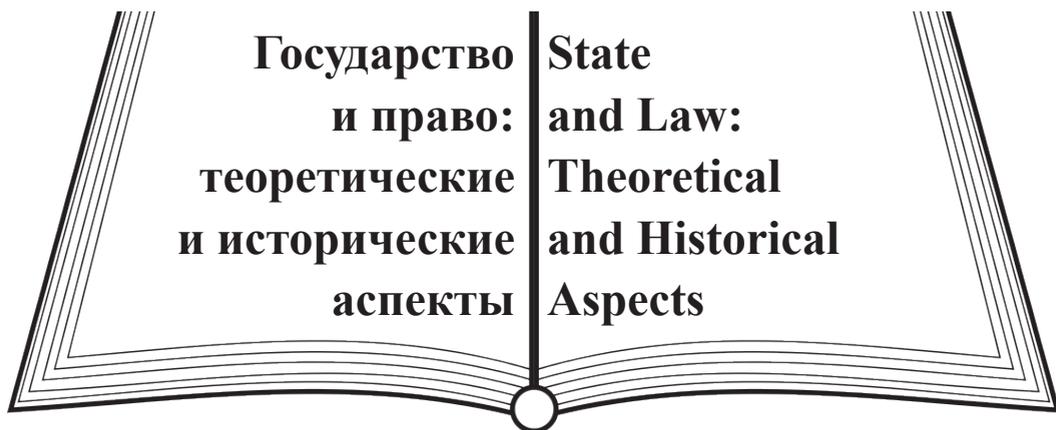
Human Rights

- Kurakina Yu. V.* Theoretical and legal characteristics of the child’s right to play 60

Tribune of Young Scientists

- Abdieva D. A.* Cyclic legal arrays as atypical formations in the system of law of the sixth technological order 68
- Gazgireev N. Sh.* Problems and prospects of legal regulation of digital rights in Russian civil law 78

<i>Demkina E. A.</i> Legal and ethical aspects of human cryonics in Russia	86
<i>Kostina K. A.</i> Conflict of interest in public procurement of the Russian Federation and the European union: a comparative legal study	96
<i>Krupnova T. B.</i> Limits of freedom of expression in lawmaking: determinants of formation	106
Authors of the MCU Journal of Legal Sciences, 2024, № 2 (54)	118
Requirements for Style Articles	121

УДК 340.132

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.01

П. В. Васильев

Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ульяновск, Российская Федерация, vapv22031979@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6941-9390>

О ПОНИМАНИИ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении и описании изменений, возникающих в правовом статусе лица с момента совершения им правонарушения и до начала применения к нему мер принуждения, обусловленных фактом совершения противоправного деяния. Основу методологии исследования составило конструктивистское понимание юридической реальности, позволившее определить объектно-предметную область исследования, а также диалектический подход, в рамках которого формально-юридически и системно-функционально изучены изменения в правовых статусах адресатов охранительных норм, существующих с момента вступления таких норм в силу или прибытия адресата на территорию действия нормы и до прекращения указанных в санкции правовых последствий (например, погашение или снятие судимости). Сделан вывод о том, что юридическая ответственность за совершение правонарушения имеет форму относительного охранительного правового отношения лица, совершившего правонарушение, и субъекта, имеющего право устанавливать его личность и применять последствия. С содержательной стороны юридическая ответственность возникает в составе правового статуса лица, совершившего правонарушение, как потенциальное юридическое обременение. Оно существует в правовом статусе указанного лица с момента совершения правонарушения и до возникновения одного из двух юридических фактов: либо факта начала

применения к лицу необходимых мер воздействия, предполагающих возникновение соответствующих прав и обязанностей, либо до появления обстоятельств, прекращающих существование юридической ответственности. Сам термин «потенциальное юридическое обременение», как и его сокращенный вариант «потенциальное обременение», предложен в качестве одного из возможных для обозначения описанного явления.

Ключевые слова: юридическая ответственность; правовое последствие; относительное охранительное правоотношение; общеохранительное правоотношение; охранительная норма права; правовой статус; потенциальное юридическое обременение.

UDC 340.132

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.01

P. V. Vasiliev

Ulyanovsk branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Ulyanovsk, Russian Federation,
vapv22031979@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6941-9390>

ON UNDERSTANDING THE INITIAL STAGE OF THE EXISTENCE OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE LIGHT OF STUDYING OF LEGAL CONSEQUENCES

Abstract. The purpose of the study is to identify and describe changes that arise in the legal status of a person immediately at the time he commits an offense and that exist before the application of coercive measures against him, due to the fact of committing an unlawful act. The basis of the research methodology was a constructivist understanding of legal reality, which made it possible to determine the object-subject area of research, as well as a dialectical approach, within the framework of which changes in the legal statuses of the recipients of protective norms that have existed since the entry into force of such norms were studied formally, legally and systemically and functionally (or the arrival of the addressee in the territory where the norm applies) and until the termination of the legal consequences specified in the sanction (for example, expungement or expungement of a criminal record). It is concluded that legal responsibility for committing an offense takes the form of a relative protective legal relationship between the person who committed the offense and the subject who has the right to establish his identity and apply the consequences. On the substantive side, legal responsibility arises as part of the legal status of the person who committed the offense, as a potential legal burden. It exists in the legal status of the specified person from the moment of commission of the offense and until the occurrence of one of two legal facts: either the fact of the beginning of the application of necessary measures of influence to the person, implying the emergence of corresponding rights and obligations, or until the appearance of circumstances that cease the existence of legal responsibility. The term “potential legal encumbrance” itself, as its abbreviated version “potential encumbrance”, is proposed as one of the possible ones to denote the described phenomenon.

Keywords: legal responsibility; legal consequence; relative protective legal relationship; general legal relations; protective rule of law; legal status; potential legal encumbrance.

Введение

Феномен юридической ответственности можно считать одним из самых древних, особенно для истории отечественного права. Так, например, Русская Правда, первый нормативный правовой акт и источник собственного писаного права славян в редакции Ярослава Мудрого, регламентировала исключительно вопросы юридической ответственности. Юридической науке юридическая ответственность также хорошо известна.

Однако не все вопросы о природе юридической ответственности можно считать снятыми с повестки научного дискурса. Так, не получившей должное научное освещение можно считать проблему понимания начальной стадии существования негативной юридической ответственности с точки зрения самых первых изменений в правовом статусе лица, совершившего правонарушение. Конкретизируя указанную проблему, можно задать вопрос о том, какие изменения претерпевает правовой статус лица непосредственно в момент совершения им правонарушения. Иначе говоря, речь идет о начальной стадии существования юридической ответственности, когда еще невозможно говорить о возникновении какой-либо процессуальной или материальной обязанности лица претерпевать хоть какие-нибудь неблагоприятные последствия совершенного им правонарушения.

В то же время существующие определения юридической ответственности как комплекса мер принуждения или обязанности их претерпевать явно неадекватны для разрешения указанной проблемы. Они очевидно не соответствуют законодательно установленному правовому статусу лица, начиная с момента совершения им правонарушения и до установления его личности компетентными субъектами (правоохранительные органы, работодатель в рамках трудовых правоотношений и другие компетентные лица).

Отметим, что вопросам юридической ответственности посвящено множество исследований. Различные аспекты проблематики понимания юридической ответственности нашли место в работах таких известных отечественных теоретиков права советского и постсоветского периодов, как С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, М. И. Байтин, В. М. Баранов, С. А. Комаров, В. В. Лазарев, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузов, В. С. Нерсисянц, В. Д. Перевалов, А. С. Пиголкин, В. М. Сырых, В. Н. Хропанюк, А. Ф. Черданцев, В. Е. Чиркин, О. Э. Лейст и др. Однако единства среди авторов по поводу понимания данного явления нет. При осуществлении нашего исследования были проанализированы различные подходы к пониманию юридической ответственности. Принимая во внимание цель исследования, предопределяющую изучение лишь тех юридических явлений, которые влияют на правовой статус лица и могут представлять собой правовые последствия, интересны не все возможные подходы к пониманию юридической ответственности, а только те из них, которые описывают правовое регулирование. Анализ таких подходов к пониманию юридической ответственности в рамках отраслевых

юридических исследований и сопоставление их с наработками теоретиков права позволяют провести их группировку. Так, юридическую ответственность как правовое последствие, способное находить отражение в правовом статусе лица, совершившего правонарушение, в зависимости от специфики проблем и целей исследования принято понимать:

– как реальные меры принуждения, применяемые к лицу, совершившему правонарушение [14, с. 9];

– как обязанность претерпеть неблагоприятные последствия совершения правонарушения [2, с. 132];

– как охранительное правоотношение, возникающее между правонарушителем и государством (или обществом в лице представляющего его государства) [5, с. 21] или между государствами в рамках международных отношений [9, с. 99];

– как политико-правовое состояние правонарушителя, обусловленное фактом совершения правонарушения и предполагающее претерпевание неблагоприятных последствий, обозначенных в санкции нарушенной им нормы права [12, с. 506];

– как диалектическое единство, состоящее из позитивной и негативной частей [7].

Давая оценку указанным подходам, следует отметить, что каждый из них разработан для решения отдельных проблем и не может претендовать на универсальность понимания юридической ответственности. По этой причине для упрощения понимания изучаемого феномена на стадии принятия компетентными субъектами конкретных мер реагирования к лицу, совершившему правонарушение, подходит понимание юридической ответственности как реально применяемых к правонарушителю мер государственного принуждения. Для целей создания теоретической модели симметричных юридических явлений, изучения соотношения негативного и позитивного в правовой системе общества необходимо понимание юридической ответственности как диалектического единства позитивной и негативной ее частей. Не отвергая научного потенциала каждого подхода к пониманию юридической ответственности, для достижения поставленной цели следует выбрать тот, который помогает наиболее точно рассмотреть юридическую ответственность как правовое последствие для лица, совершившего правонарушение.

Степень научной разработанности темы

Анализ разработанности проблематики правовых последствий позволяет констатировать парадоксальную ситуацию. Термин «правовые последствия» можно встретить весьма часто. Однако какой-либо развернутой теории данного феномена в ходе подготовки нашего исследования обнаружить не удалось. Упоминания правовых последствий авторами и законодательством крайне

ситуационно, но юридическая наука и практика располагают теоретико-методологическими основами изучения правовых последствий. Особо отметим, что изучению проблематики правовых последствий посвящено значительное количество различных работ, в том числе выполненных участниками научных конференций [11]. В целом научная общественность соглашается с пониманием правовых последствий как динамики прав и обязанностей в составе правового статуса лица. Так, например, В. Р. Волкова определяет правовые последствия как «изменение субъективных прав и юридических обязанностей адресата правовых предписаний» [3, с. 27]. В рамках настоящего исследования правовые последствия представлены как динамика (возникновение, изменение и прекращение) субъективных прав и обязанностей участников правоотношений. При этом цель исследования предопределяет изучение не всех вообще правовых последствий, а лишь тех изменений в компонентном составе правового статуса лица, которые возникают непосредственно с момента совершения им правонарушения.

Методы

Методологическая основа настоящего исследования представлена концепцией конструктивизма, позволяющей локализовать объект и предмет изучения третьим этапом конструирования правовой реальности [10, с. 20].

В ходе изучения проблемы понимания начальной стадии существования юридической ответственности использован анализ авторских дефиниций данного феномена и последующий их синтез в форме перечня подходов к пониманию юридической ответственности.

Совмещение формально-юридического и системно-функционального толкования охранительных нормативно-правовых предписаний позволило выявить теоретический пробел, состоящий в отсутствии адекватного отражения юридической наукой изменений правового статуса лица на начальной стадии существования юридической ответственности. Решение указанной проблемы по существу основано на диалектическом подходе, позволившем проследить изменения формы и содержания юридической ответственности, начальных и конечных моментов существования ее стадий. Терминологическое решение для обозначения возникающих в правовом статусе лица изменений, начиная непосредственно с момента совершения им правонарушения и прослеживая их до начала претерпевания негативных последствий, получено методом аналогии.

При этом аксиоматическим методом выбран подход к пониманию юридической ответственности только в качестве ретроспективного (ретроспективно-негативного) явления, возникновение которого обусловлено фактом совершения правонарушения. Данный выбор предопределен тем, что предметом исследования выступает исключительно начальная стадия существования юридической ответственности в юридико-техническом смысле. Не отвергая принципиальной возможности рассмотрения философских аспектов диалектического единства

позитивной и негативной частей юридической ответственности, уделять внимание им в рамках настоящего исследования нецелесообразно.

Основное исследование

Наиболее удобным для прослеживания динамики правового статуса лица, совершившего правонарушение, считаем понимание юридической ответственности как относительного охранительного правоотношения. С одной стороны, субъектом его выступает совершившее правонарушение лицо, правовой статус которого должен отражать факт совершения им именно правонарушения, а не любого юридически значимого деяния. С другой стороны, в данное правоотношение вступают государственные органы, а также все иные участники правоотношений, уполномоченные устанавливать факт совершения правонарушения и применять к лицу, его совершившему, соответствующие меры воздействия.

При таком подходе возможно использовать диалектику формы и содержания. Само охранительное правоотношение представляет собой форму юридической ответственности, а ее содержание образуют компоненты правовых статусов участников.

Для иллюстрации теоретической проблемы понимания начальной стадии существования юридической ответственности целесообразно привести одно из распространенных рассуждений на эту тему. Так, А. В. Шидловский, в целом обоснованно выделяя в качестве самостоятельного вида конфликтные уголовно-правовые отношения, характеризует их весьма спорным образом. Он пишет: «Это отношения между лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние, и государством в лице суда, органов следствия, прокуратуры, дознания. Субъекты таких отношений обладают определенными правами и несут соответствующие им обязанности. Так, первый обязан претерпеть неблагоприятные последствия, предусмотренные уголовным законом за совершенное преступление... понести наказание или иную меру уголовной ответственности... Другой субъект — суд (наряду с органами следствия, прокуратуры, дознания и органами, исполняющими меры уголовной ответственности, учреждениями здравоохранения), вправе принудить первого к исполнению этой обязанности» [13]. Приведенный фрагмент текста не вызывает принципиальных возражений, но лишь пока феномен юридической ответственности рассматривается как бы одномоментно (описательно метафизически) и только на стадии реализации правоприменительного акта. Действительно, на этой стадии правовые статусы участников охарактеризованы вполне адекватно.

Если же диалектически рассмотреть возникновение правовых последствий в виде указанной обязанности лица, признанного совершившим правонарушение, то можно заметить, что она возникает отнюдь не с момента совершения противоправного деяния, а только со вступлением в силу правоприменительного

акта. В действующем российском праве нет норм, обязывающих правонарушителя совершить какие-то неблагоприятные для себя действия и обеспечить этим претерпевание каких-либо последствий именно с момента совершения правонарушения. Напротив, ряд положений Конституции Российской Федерации и отраслевого законодательства предоставляют любому лицу возможность защищать свои интересы любым допустимым законом способом, в том числе совершать законные действия для предотвращения возникновения обязанности претерпевать какие-либо неблагоприятные последствия совершения правонарушения. Лицо в абсолютном большинстве случаев даже не обязано оставаться на месте совершения правонарушения. Исключения предусмотрены, например, пунктом 2.6 Правил дорожного движения Российской Федерации для водителя, причастного к дорожно-транспортному происшествию, но необязательно его совершившего. Следует обратить внимание на то, что даже в этом исключительном случае правового регулирования его адресат назван как водитель, причастный к дорожно-транспортному происшествию, а не совершивший правонарушение. Так, причастным к такому происшествию может быть не только водитель-правонарушитель, но и водитель, невиновный в совершении деяния и не ставший по этой причине участником правоотношения юридической ответственности. Таким образом, законодательно не закреплена обязанность лица, совершившего правонарушение, как-либо способствовать привлечению его к юридической ответственности.

Однако общепризнано и реализовано в законодательстве понимание того, что юридическая ответственность возникает задолго до вынесения правоприменительного акта, а именно с момента совершения соответствующего правонарушения. Следует, например, обратить внимание на то, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) обуславливает возникновение уголовной ответственности не вступлением в законную силу обвинительного приговора суда, а фактом совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8). Более того, нормативные предписания раздела IV УК РФ явно и недвусмысленно разделяют основания освобождения от уголовной ответственности в целом и освобождения только от наказания. Уже одно только это обстоятельство не позволяет отождествлять всю юридическую ответственность за совершение правонарушения с применением мер наказания.

Кроме того, в числе юридических фактов для освобождения от уголовной ответственности УК РФ называет истечение сроков давности (ст. 78). Это наиболее яркий пример прекращения юридической ответственности в случае, когда к правонарушителю вообще не были применены какие-либо меры принуждения, его личность могла остаться неизвестной правоохранительным органом, а само преступление — латентным. Возможна даже ситуация, когда виновное в совершении преступления лицо не узнало о совершении им данного деяния (например, в случае небрежного управления автомобилем водитель, отвлекшийся от управления транспортным средством, не заметил, что нарушил

правила дорожного движения, причинив этим кому-либо смерть или тяжкий вред здоровью).

Данный аспект ускользает от внимания исследователей в силу своей имплицитности. Этому есть как минимум две причины. Во-первых, юридическая практика не замечает и не регистрирует такие ситуации в силу того, что нет субъектов, заинтересованных в защите своих прав и законных интересов от предъявляемых правовых претензий, обвинений или высказываемых подозрений. Во-вторых, юридическая наука неохотно разрабатывает имплицитные явления, методология экспликации которых может стать предметом отдельного исследования.

Для получения ответа на поставленный выше вопрос о природе изменений в правовом статусе лица непосредственно в момент совершения им правонарушения представляется целесообразным провести функциональный анализ влияния правовых предписаний о юридической ответственности на правовой статус лиц, которым они адресованы.

Начальный момент, с которого правовой статус лица претерпевает изменения в части возникновения в его составе обязанности воздержаться от совершения правонарушения, представлен обретением силы охранительной нормой или вступлением лица в существующее общеохранительное правоотношение, например в силу прибытия на территорию действия соответствующей охранительной правовой нормы.

Следует обратить внимание на то, что общеохранительные правоотношения возникают на основе охранительной правовой нормы в момент вступления в силу соответствующего источника права. Вокруг общеохранительных правоотношений в юридической науке сложилась странная ситуация. Если общерегулятивные правоотношения науке хорошо известны [8], то общеохранительные часто в ходе изучения правового регулирования просто выпадают из фокуса внимания исследователей.

Для иллюстрации наличия общеохранительного уголовно-правового отношения можно привести простой и понятный пример. Исторически Уголовный кодекс РСФСР вообще не содержал норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Иначе говоря, на 31 декабря 1996 года правовое регулирование, осуществляемое отечественным уголовным законодательством, в принципе не могло существовать как охранительное воздействие его норм на общественные отношения, возникающие по поводу компьютерной информации. Действовавший на тот момент Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»¹ регулировал, то есть обеспечивал возникновение, существование, изменение и прекращение регулятивных правоотношений, но никаких охранительных норм уголовного права не содержал. Существовавшая в нем часть 2 статьи 23 всего лишь определяла, что защита

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/

прав и интересов «осуществляется судом, арбитражным судом, третейским судом с учетом специфики правонарушений и нанесенного ущерба».

Таким образом, рассуждая формально-юридически, можно сделать вывод о том, что никакой уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникавших по поводу компьютерной информации, на 31 декабря 1996 года не было. Она возникла в правовой системе России только с 1 января 1997 года, когда вступил в силу УК РФ. Его глава 28 уже на тот момент содержала составы преступлений в сфере компьютерной информации.

Возникает закономерный вопрос: что же произошло в юридической реальности с 1 января 1997 года в части функционирования норм главы 28 УК РФ? Системно-функциональное изучение текста статьи 1 Федерального закона от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»² и статей УК РФ о преступлениях в сфере компьютерной информации позволяет сделать обоснованный вывод: возникли уголовные общеохранительные правоотношения между всеми деликтоспособными физическими лицами и государством как представителем интересов всего общества. Иными словами, участниками этих правоотношений стали все (то есть каждый) деликтоспособные с точки зрения уголовного законодательства лица и все общество как социальное целое, представляемое государством и его правоохранительными органами. Именно с 1 января 1997 года правовой статус лиц, способных нести уголовную ответственность, претерпел изменение в части возникновения основанной на нормах уголовного права обязанности воздержаться от совершения указанных в гл. 28 УК РФ деяний, а статус всего общества в целом (и каждого его члена в отдельности) — в части возникновения права требовать от государства принятия мер уголовно-правового характера к лицам, нарушающим указанную обязанность. До этого момента совершение таких действий влекло только гражданско-правовую ответственность в случае причинения вреда, а приготовления и покушения на совершение таких деяний вообще нельзя было назвать противоправными. Само вступление УК РФ в силу представляет собой относительное событие, то есть юридический факт. Таким образом, с 1 января 1997 года в юридической реальности произошли принципиальные изменения. В результате наступления юридического факта — обретения силы УК РФ — возникло общеохранительное уголовное правоотношение по поводу компьютерной информации, которого до этого момента в российской правовой системе не существовало. Аналогичным образом возникают и все другие отраслевые общеохранительные правоотношения, детальный анализ которых в рамках настоящего исследования представляется излишним.

Наличие данных правоотношений означает, что совершение деликтоспособным лицом любого из противоправных деяний, указанных в статьях УК РФ или иного закона о юридической ответственности, сразу же переводит правовое регулирование в стадию существования относительного охранительного

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/

правового отношения, участниками которого выступают лицо, совершившее правонарушение, и субъект, уполномоченный применять меры юридической ответственности.

Не вызывает сомнений, что применение в отношении совершившего правонарушения лица мер уголовно-процессуального или иного отраслевого характера трансформирует его статус в части возникновения соответствующих обязанностей и прав процессуального или процедурного характера. Вступление в силу (законную силу) правоприменительного акта переводит правовое регулирование отношений юридической ответственности в стадию существования обязанности, предусмотренной санкцией соответствующей нормы права. Данная стадия существует до прекращения соответствующих правовых последствий, например, погашения или снятия судимости, прекращения существования состояния наличия административного или дисциплинарного взыскания.

В целом юридической науке хорошо известны особенности изменения правых статусов лиц, привлекаемых к любому из видов отраслевой ответственности. Для этого достаточно обратиться к работам, посвященным правовому положению подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, лица, в отношении которого ведется дисциплинарное и иное аналогичное производство. По этой причине анализ стадий существования юридической ответственности, следующих за начальной, в данном исследовании не представляет принципиальной ценности. Целесообразно лишь обратить внимание на то обстоятельство, что все указанные статусы лица обусловлены именно фактом совершения им правонарушения, о чем у правоприменителя должны быть доказательства, достаточные для вынесения соответствующего правового акта (например, постановление об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, постановление о привлечение лица в качестве обвиняемого, протокол об административном правонарушении, приказ работодателя о наказании работника и др.). При отсутствии доказательств, достаточных для вынесения указанных актов, последние должны быть признаны незаконными, как и действия соответствующих лиц по их вынесению. Данное обстоятельство позволяет присоединиться к мнению теоретиков права о том, что процесс не следует выводить за пределы самой юридической ответственности [6, с. 105–111].

Определяя правовой статус лица с момента совершения им правонарушения и до начала применения к нему мер воздействия, следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, совершение правонарушения представляет собой фактический состав, который в силу своих регулятивных свойств влечет возникновение, изменение или прекращение правоотношения [4, с. 27]. Во-вторых, изменение в правовом статусе лица, совершившего правонарушение, следует считать неблагоприятным в силу того, что за фактом противоправного деяния по логике функционирования соответствующих нормативно-правовых предписаний должно следовать фактическое ограничение или лишение

личного, имущественного, организационного, морального характера. В-третьих, именно с момента совершения противоправного деяния начинается отсчет срока для освобождения от ответственности за данное правонарушение (ст. 78 УК РФ³, ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴, ст. 113 Налогового кодекса Российской Федерации⁵, ст. 193 Трудового кодекса Российской Федерации⁶ и некоторые другие). В-четвертых, если от ответственности можно освободить до возникновения обязанности претерпеть неблагоприятные последствия конкретного вида и размера, то ответственность содержательно должна существовать в составе статуса правонарушителя, так как больше ей быть негде. Ведь именно правонарушитель освобождается, то есть освобождает себя по истечении соответствующих сроков от угрозы применения к нему санкций, находясь при этом в относительном охранительном правоотношении с управомоченным лицом.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в правовом статусе лица с момента совершения им правонарушения и до начала претерпевания соответствующих неблагоприятных последствий происходят негативные изменения. Они не имеют актуального, то есть непосредственно реализуемого характера, так как могут не получить никакой объективации в форме лишений или ограничений для данного лица. Однако с точки зрения логики функционирования правового регулирования отношений юридической ответственности они представляют собой необходимое условие для ее объективации в форме уголовного, административного или иного наказания, а также мер компенсационного характера.

Таким образом, изложенного достаточно для обоснования вывода о том, что в правовом статусе лица с момента совершения им правонарушения и до начала претерпевания соответствующих неблагоприятных последствий происходят негативные потенциально реализуемые изменения, способные непосредственно обуславливать реальное последующее обременение для данного лица личного, имущественного, организационного или морального характера.

В данном аспекте исследования интерес представляет тот факт, что в большинстве случаев реализации санкций правовых норм негативные меры для лица, совершившего правонарушение, обусловлены именно теми изменениями, которые составляют предмет настоящего исследования, а не фактом самого правонарушения. Данный вывод основан на том, что освобождение от юридической ответственности в связи с истечением срока давности или по иным законным основаниям способно стать фактом, препятствующим реализации санкции

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/315f760bc6b320384addba1503c8e2e038ad20d4/

⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/66a4b2666eea5f75cd1e947452b66bf52bf024d8/

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ccde44d60a9578a0ad4189059aa19102327b443f/

⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/43ed606b7ffbec97c5ef7e6037b56e62094b34d/

охранительной нормы. Если лицо совершило правонарушение, но истек соответствующий срок или возникли иные подобные юридические факты, то негативные последствия санкции не получают объективации в форме соответствующих мер. Так происходит во всех случаях реализации уголовно-правовых санкций, большинства административно-правовых, налоговых, трудовых и гражданско-правовых санкций. Исключение составляют случаи реализации автоматических санкций, когда санкционные последствия наступают незамедлительно в силу факта совершения правонарушения либо если лицо не обладает правовыми средствами для защиты [1].

Основываясь на изложенном, можно дать следующую характеристику изучаемых изменений в правовом статусе лица, совершившего правонарушение, которые:

- возникают на третьем этапе конструирования правовой реальности (в свете концепции конструктивизма);
- представляют собой результат действия охранительной правовой нормы;
- содержательно существуют в составе правового статуса лица, совершившего правонарушение, как негативный, неблагоприятный компонент;
- в качестве формы своего существования имеют относительное охранительное отношение юридической ответственности;
- имплицитны, то есть не находят непосредственной объективации в виде каких-либо реально применяемых неблагоприятных мер, но диалектически выступают их непосредственной причиной;
- никак не связаны с динамикой, то есть с возникновением, изменением или прекращением каких-либо субъективных прав и обязанностей лица, совершившего правонарушение;
- потенциально обуславливают реализацию санкции правовой нормы;
- существуют до начала применения к лицу, совершившему правонарушение, конкретных неблагоприятных мер, обусловленных фактом совершения правонарушения.

Последний требующий внимания аспект настоящего исследования состоит в поиске надлежащего терминологического оформления изучаемого явления. Используемые термины должны явным образом отражать специфику обозначаемого явления. Следует принять во внимание то, что в абсолютном большинстве изученных в рамках настоящего исследования научных работ термином «правовые последствия» обозначена динамика только субъективных прав и обязанностей лица, то есть их возникновение, изменение или прекращение в составе правового статуса. По этой причине обозначать указанные изменения правового статуса лица, совершившего правонарушение, термином «правовые последствия», его вариантами или синонимами станет не самым удачным решением.

Для обозначения указанных изменений уместно использовать термин «потенциальное юридическое обременение» или его сокращенный вариант «потенциальное обременение». Смысл слова «обременение» в данном случае

традиционный и состоит в уменьшении степени какой-либо свободы: например, личного характера — по перемещению в пространстве, видам деятельности и (или) имущественной — по владению, пользованию или распоряжению своими вещами. Потенциальным данное обременение названо по причине того, что правовое регулирование отношений юридической ответственности может вообще не перейти в стадию реализации санкции правовой нормы, так как законодательно предусмотрены случаи освобождения от ответственности до начала применения каких-либо ограничительных мер.

Потенциал данного обременения получает реализацию в тех случаях, когда личность субъекта правонарушения установлена, собраны достаточные доказательства для привлечения его к юридической ответственности соответствующего вида и отсутствуют юридические факты, препятствующие применению санкционных мер. Особо следует оговорить ситуацию, при которой сроки давности за правонарушение не установлены. В этом случае потенциальное юридическое обременение присутствует в правовом статусе лица до момента прекращения действия нарушенной нормы права, включая случаи прекращения существования соответствующей правовой системы в целом, например в ситуации революционных преобразований. Даже смерть такого лица не всегда обуславливает прекращение потенциального юридического обременения, так как оно теоретически может перейти в порядке универсального или иного правопреемства. Но рассмотрение вопросов существования посмертной юридической ответственности и ее переход на других лиц не входит в цели настоящего исследования.

Сам термин «потенциальное юридическое обременение» может вызвать справедливую критику с точки зрения того, что любое, совершенно не связанное с юридической ответственностью обременение, может существовать как потенциальное. По этой причине использование данного термина может иметь место до того момента, как юридическая наука выработает взамен ему более адекватный. При этом само существо обозначаемого им явления, состоящее в специфике правового статуса лица, начиная с момента совершения им правонарушения и завершая моментом начала реального примирения к нему мер юридической ответственности, может стать предметом более обстоятельного изучения.

Вывод

Таким образом, юридическая ответственность за совершение правонарушения имеет форму относительного охранительного правового отношения лица, совершившего правонарушение, и субъекта, имеющего право устанавливать его личность, применять к нему меры воздействия в связи с совершением правонарушения.

С содержательной стороны юридическая ответственность возникает в составе правового статуса лица, совершившего правонарушение, как потенциальное

юридическое обременение. Оно существует в правовом статусе указанного лица с момента совершения правонарушения и до возникновения одного из двух юридических фактов: либо факта начала применения к лицу соответствующих мер воздействия, предполагающих возникновение соответствующих прав и обязанностей, либо до появления обстоятельств, прекращающих существование юридической ответственности. Сам термин «потенциальное юридическое обременение» или его сокращенный вариант «потенциальное обременение» предложен как один из возможных для обозначения описанного явления.

Список источников

1. Васильев П. В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 184 с.
2. Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 161 с.
3. Волкова В. Р. Правовые последствия применения норм уголовно-процессуального законодательства // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2023. С. 27–30.
4. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 128 с.
5. Козаченко И. Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Свердловск: СЮИ, 1987. 45 с.
6. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во МГУ, 1981. 240 с.
7. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Позитивная и негативная ответственность как проявление диалектической логики в юридических исследованиях // Государство и право. 2021. № 1. С. 17–25.
8. Матузов Н. И. Общие правоотношения и их специфика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3. С. 23–33.
9. Матчанова З. Ш. Теоретические основы ответственности за международные правонарушения // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 4 (48). С. 98–107.
10. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22.
11. Правовые последствия: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижегород, 26–27 мая 2022 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. 527 с.
12. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
13. Шидловский А. В. О предмете регулирования уголовного права [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора С. Г. Дробязко (Минск, 11–12 октября 2012 года). Минск, 2012. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29461/1/91_Шидловский.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

14. Язовских Ю. Л. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 23 с.

References

1. Vasil'ev P. V. Avtomaticheskie sankcii v rossijskom prave (teoriya, praktika, texnika): monografiya. M.: Yurlitinform, 2016. 184 s.
2. Vitchenko A. M. Metod pravovogo regulirovaniya socialisticheskix obshhestvenny`x otnoshenij. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1974. 161 s.
3. Volkova V. R. Pravovy`e posledstviya primeneniya norm ugovolno-processual`nogo zakonodatel`stva // Ugovolno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu: sbornik nauchny`x statej. Orel: Orlovskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V. V. Luk`yanova, 2023. S. 27–30.
4. Isakov V. B. Fakticheskij sostav v mexanizme pravovogo regulirovaniya. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1980. 128 s.
5. Kozachenko I. Ya. Ugolovnaya otvetstvennost`: mera i forma vy`razheniya. Sverdlovsk: SYUI, 1987. 45 s.
6. Lejst O. E`. Sankcii i otvetstvennost` po sovetскому праву (teoreticheskie problemy`). M.: Izd-vo MGU, 1981. 240 s.
7. Mal`ko A. V., Lipinskij D. A., Markunin R. S. Pozitivnaya i negativnaya otvetstvennost` kak proyavlenie dialekticheskoy logiki v juridicheskix issledovaniyax // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 1. S. 17–25.
8. Matuzov N. I. Obshhie pravootnosheniya i ix specifika // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie. 1976. № 3. S. 23–33.
9. Matchanova Z. Sh. Teoreticheskie osnovy` otvetstvennosti za mezhdunarodny`e pravonarusheniya // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 4 (48). S. 98–107.
10. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj juridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1 (45). S. 16–22.
11. Pravovy`e posledstviya: teoriya, praktika, texnika: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Nizhnij Novgorod, 26–27 maya 2022 goda) / pod obshh. red. V. A. Tolstika. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2022. 527 s.
12. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V. K. Babaeva. M.: Yurist`, 2003. 592 s.
13. Shidlovskij A. V. O predmete regulirovaniya ugovolnogo prava [E`lektronny`j resurs] // Aktual`ny`e voprosy` sovershenstvovaniya pravovoj sistemy` na sovremennom e`tape: materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashhennoj 90-letiyu professora S. G. Drobyazko. (Minsk, 11–12 oktyabrya 2012 goda). Minsk, 2012. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29461/1/91_Shidlovskij.pdf (data obrashheniya: 01.03.2024).
14. Yazovskix Yu. L. Problemy` vmeneniya v rossijskom ugovolnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 1998. 23 s.

Статья поступила в редакцию: 01.12.2024;
одобрена после рецензирования: 07.02.2024;
принята к публикации: 09.02.2024.

The article was submitted: 01.12.2024;
approved after reviewing: 07.02.2024;
accepted for publication: 09.02.2024.

УДК 342

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.02

К. А. Зарубина

Юго-Западный государственный университет,
Курск, Российская Федерация,
kris1996z@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>

С. Ю. Чапчиков

Юго-Западный государственный университет,
Курск, Российская Федерация,
tgpSTU@yandex.ru

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1864–1917 ГОДАХ

Аннотация. Целью исследования является комплексный анализ организационно-правовых основ функционирования системы судопроизводства по делам политического характера в России во второй половине XIX – начале XX века. Для достижения названной цели применяются сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический методы, а также метод анализа, синтеза и обобщения. В работе исследовались такие нормативно-правовые акты, как Псковская судная грамота, Соборное уложение 1649 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (с последующими редакциями). Для выявления особенностей организации судопроизводства по делам политического характера подробно проанализированы положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Установлено, что рассмотрением дел политического характера в изучаемый период занимались судебные палаты, Верховный уголовный суд. За процессом судопроизводства следили чины прокурорского надзора. Однако механизмы функционирования института уголовного судопроизводства по политическим делам не продемонстрировали своей эффективности, вследствие чего пресечения легальным способом распространения оппозиционных настроений в обществе не произошло.

Ключевые слова: политическое преступление; полиция; государственный преступник; прокурор; судебная палата; судопроизводство; Верховный уголовный суд; подсудность.

Благодарности: работа выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

UDC 342

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.02

K. A. Zarubina

Southwest State University,
Kursk, Russian Federation,
kris1996z@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>

S. Yu. Chapchikov

Southwest State University,
Kursk, Russian Federation,
tgpSTU@yandex.ru

LEGAL PROCEEDINGS IN CASES OF A POLITICAL NATURE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1864–1917

Abstract. To achieve this goal, comparative legal, formal legal, historical methods, as well as the method of analysis, synthesis and generalization are used. In the work, such normative legal acts as the Pskov Judicial Charter, the Cathedral Code of 1649, the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845 (with subsequent revisions) were studied. It is established that the judicial chambers of the Russian Empire, as well as the Supreme Criminal Court, were engaged in the consideration of cases of a political nature during the period under study. The judicial process was monitored by the ranks of the prosecutor's supervision. However, the mechanisms of functioning of the institute of criminal proceedings in political cases have not demonstrated their effectiveness, as a result of which there was no suppression of the spread of opposition sentiments in society by legal means.

Keywords: political crime; police; state criminal; prosecutor; judicial chamber; judicial proceedings; Supreme Criminal Court; jurisdiction.

Acknowledgements: the work was carried out within the framework of the strategic academic leadership program "Priority-2030".

Введение

Политическая преступность возникла одновременно с появлением института государственности. Первые упоминания о совершении преступлений против государства содержатся еще в древних памятниках отечественного права. Так, например, в Псковской судной грамоте упоминается о «перевете», или о государственной измене (ст. 7)¹. Исследователи считают это первым составом политического преступления, закреплённого нормативно. В дальнейшем понятие государственного преступления было разработано более детально в Судебниках 1497 и 1550 годов, иных нормативных актах.

¹ Псковская судная грамота [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина URL: <http://xn--e1aaejmencsq.xn--p1ai/node/13623> (дата обращения: 08.11.2022).

Соборное уложение 1649 года знаменует более высокую степень развития феодального права, выстраивания новых отношений внутри государства. В данном нормативном правовом акте отразился переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму, утвердилась система государственных преступлений. Впервые в истории русского законодательства преступные деяния стали квалифицировать, а личность монарха — напрямую отождествлять с государством, в связи с чем посягательства на личность главы государства начали считать политическими преступлениями.

В дальнейшем перечень государственных преступлений был расширен (например, в Воинском артикуле 1715 года). Кульминацией развития оппозиционных настроений в обществе становится вторая половина XIX – начало XX века — время активизации оппозиционных настроений в обществе. Именно в этот период принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором, наряду с общими вопросами предупреждения общеуголовной преступности, нашли отражение вопросы борьбы с политическими преступлениями².

Особым образом в условиях сопротивления оппозиционных сил курсу действующей власти выстраивается система судопроизводства по делам политического характера, позволяющая оперативно, а главное, легальным образом избавляться от политических врагов, сдерживать распространение в обществе опасных для государственного строя общественно-политических настроений.

Данный опыт приобретает особое значение на современном этапе развития государства, когда Россия особо нуждается в формировании новых подходов к организации эффективно действующей системы правосудия, отвечающей запросам времени, способной оперативно решать наиболее острые вопросы современности, обеспечивать устойчивое развитие страны и повышение авторитета власти, безопасность и благополучие населения. Поиск путей выхода из кризисных ситуаций невозможен без осмысления исторического опыта судебных преобразований, заключающих в себе истоки кризисных явлений в той или иной сфере. Особенно это касается исследуемого периода — наиболее насыщенного реформаторскими преобразованиями, затрагивавшими основополагающие устои общества и государства.

Так, анализ исторического опыта формирования организационно-правовых основ функционирования института судопроизводства по делам политического характера позволит не только обогатить сферу научных знаний юридической науки, но и разработать конкретные рекомендации по организации системы судопроизводства в нынешнем, XXI веке с учетом угроз и вызовов современности.

Цель исследования — комплексный анализ организационно-правовых основ функционирования системы судопроизводства по делам политического характера в России во второй половине XIX – начале XX века.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 08.11.2022).

Степень научной разработанности

Рассматриваемая в работе проблема не относится к категории малоизученных. Она исследуется специалистами разных сфер научного знания: и юристами, и историками. Среди работ, посвященных данной проблематике, выделим исследования А. С. Воробьева [1], Д. Ю. Гончарова [2], К. П. Краковского [4], Т. Л. Кураса [5], Ф. М. Лурье [6], В. Б. Мишкина [7], а также некоторых других ученых [3; 8; 9]. Однако комплексного исследования данной проблемы в настоящее время не проводится.

Методы

В работе применялись сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический методы, а также такие общенаучные методы исследования, как анализ, синтез и обобщение.

Исследовательская часть

Порядок судопроизводства по политическим преступлениям в рассматриваемый период отличался тем, что дела по степени их важности рассматривались как общими, постоянно действующими уголовными судами, так и чрезвычайными органами судебной власти.

После проведения Судебной реформы 1864 года в России система судопроизводства заметно перестроилась. Она стала базироваться на принципах гласности, открытости, состязательности, несменяемости судей и т. д. При конструировании системы судоустройства в ее основу в первую очередь был положен функциональный принцип.

В соответствии с нормами Устава уголовного судопроизводства преступления политического характера стали подсудны судебным палатам в том случае, если шла речь о его совершении одним или несколькими лицами. Если в процессе расследования выяснялось, что имело место совершение не одного преступления, а нескольких (совокупность преступлений), то дела надлежало рассматривать в судебной палате в усиленном составе.

Если заговор совершался в разных краях страны, то дела относились к подсудности специального чрезвычайного судебного органа власти — Верховного уголовного суда³.

Согласно территориальной подсудности по нормам Устава уголовного судопроизводства 1864 года государственные преступления рассматривались в соответствующем округе судебной палаты (по месту совершения).

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб.: Гос. канцелярия. 1866. С. 381–382.

Функции государственного обвинения и надзора в процессе осуществления судопроизводства выполнял прокурор той или иной судебной палаты (по принадлежности). Обвинительный акт, составленный прокурором, после окончания следствия вносился на рассмотрение в соответствующую судебную палату.

В особых случаях для решения дел политического характера созывался Верховный уголовный суд. Ему поручалось осуществлять судопроизводство при рассмотрении конкретного дела политического характера по высочайшему указу императора.

В результате этого можно заключить, что Верховный уголовный суд не был постоянно действующим органом судебной власти, а выполнял свои полномочия только по мере необходимости — в чрезвычайных случаях. Приговор тогда обжалованию не подлежал. Однако за все время существования российского государства Верховный уголовный суд созывался лишь несколько раз. Например, в исследуемый период он был создан всего дважды: в 1866 году — для рассмотрения дела революционера-террориста Д. В. Каракозова и его сообщников, в 1879 году — для суда над революционером-народником А. К. Соловьевым [4].

В 1878 году был принят закон «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях»⁴, в котором расширялись полномочия судебных палат, а также упрощалось судопроизводство для этой категории дел. Примечательно, что в соответствии с нормами данного законодательного акта отдельные категории дел политического характера были изъяты из ведения местных окружных судов и переданы судебным палатам согласно принципу территориальной принадлежности [5].

В связи с развитием в Российской империи в исследуемый период революционной ситуации для разрешения отдельной категории дел политического характера стали использовать военные суды. Так, 5 апреля 1879 года был принят именной императорский указ, который регламентировал механизм предания военному суду гражданских лиц, в том случае если обнаруживалась повторность преступных деяний политического характера⁵. Это было необходимо для снижения нагрузки на общие уголовные суды. С целью организации противодействия оппозиционным общественно-политическим движениям в рассматриваемый период также используется внесудебное преследование.

В 1895 году некоторые положения Устава уголовного судопроизводства, регламентировавшего процесс судопроизводства по уголовным делам, были пересмотрены. Например, в соответствии с новыми правилами судоустройства

⁴ О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях: высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 9 мая 1878 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее — ПСЗРИ-2). Т. 53. С. 335.

⁵ О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени: именной, данный Сенату указ от 5 апреля 1879 года // ПСЗРИ-2. Т. 53. С. 89.

преступления против государства, за которые предусматривалось лишение или ограничение прав состояния, судебные палаты могли рассматривать только лишь в усиленном составе и обязательно с участием различных сословных представителей [9].

Новеллой отечественного законодательства, регулировавшего организацию судопроизводства в стране в начале XX века, становится закон «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных» 1904 года⁶. В соответствии с нормами данного законодательного акта прокуроры окружных судов наделялись большими полномочиями. С 1904 года они могли осуществлять контроль за ходом дознания по делам о преступлениях против государства.

Полномочия Верховного уголовного суда в исследуемый период существенно не изменились. Более того, с 1906 года, в связи с развитием революционной ситуации в стране, данный судебный орган был преобразован в постоянно действующий. Окончательно имперские органы судебной власти, как и действующее уголовное законодательство [3; 6, с. 51; 7], были окончательно упразднены после революционных событий 1917 года.

Результаты исследования

Таким образом, в исследуемый период в России, в связи с активизацией оппозиционных общественно-политических движений, представлявших реальную угрозу действовавшему государственному строю, утвердилась особая система рассмотрения дел политического характера. Можно констатировать политизацию правосудия, осуществление внесудебного преследования политических преступников. С целью снижения нагрузки на гражданские суды сформировался механизм предания гражданских лиц, которые обвинялись в совершении политических преступлений, военному суду. Особо опасные в политическом отношении государственные преступления в то время рассматривали в Верховном уголовном суде — специальном чрезвычайном органе судебной власти, который созывался периодически (по мере надобности). Основной массив дел политического характера находился в судопроизводстве судебных палат по месту совершения преступлений. Надзорные функции в расследовании и судебном процессе выполняли прокуроры. Первоначальные меры расследования при необходимости проводили местные судебные следователи, полиция под контролем местного прокурора или его товарища. Так, механизм рассмотрения в суде политических преступлений в исследуемый период, в соответствии с нормами действовавшего законодательства, был четко определен.

⁶ О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения: высочайше утвержденное мнение Государственного совета. 1904. 7 июня // ПСЗРИ-3. Т. 24. Отд. 1. № 24732. Ст. 103511. СПб., 1907.

Список источников

1. Воробьев А. С. Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: проблематика определения его рамок и содержания // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 11–16.
2. Гончаров Д. Ю. Законодательство о противодействии преступности: межотраслевые взаимосвязи: монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 285 с.
3. Зарубина К. А. Система государственных преступлений в уголовном праве России (XIX – начало XX вв.) // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции с включением материалов XI круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России». Курск, 2021. С. 296–298.
4. Краковский К. П. Верховный уголовный суд в России в позднеимперский период // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1 (1). С. 33–38.
5. Курас Т. Л. Вопросы деятельности судебных палат в Российской империи по рассмотрению дел о государственных преступлениях // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1 (36). С. 12–17.
6. Лурье Ф. М. Политический сыск в России, 1649–1917. М.: Центрполиграф: МиМ-Дельта, 2006. 396 с.
7. Мишкин В. Б. Регламентация смягчения наказания в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 14. С. 107–109.
8. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
9. Сапунков А. А. Подсудность Судебных палат Российской империи по изъятиям из общего порядка уголовного судопроизводства (политические преступления) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 44–52.

References

1. Vorobev A. S. Institut gosudarstvennykh prestuplenii v period deistviia Ulozheniia o nakazaniiax ugovolnykh i ispravitelnykh 1845 g.: problematika opredeleniia ego ramok i soderzhaniia // Aktualnye problemy rossiiskogo prava. 2017. № 8 (81). S. 11–16.
2. Goncharov D. IU. Zakonodatelstvo o protivodeistvii prestupnosti: mezhotraslevye vzaimosviasi: monografiia. 2-e izd. M.: Iurait, 2019. 285 s.
3. Zarubina K. A. Sistema gosudarstvennykh prestuplenii v ugovolnom prave Rossii (XIX – nachalo XX vv.) // Evoliutsiia gosudarstva i prava: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov 3-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii s vklucheniem materialov XI kruglogo stola «Tsennosti i normy pravovoi kultury v Rossii». Kursk, 2021. S. 296–298.
4. Krakovskii K. P. Verkhovnyi ugovolnyi sud v Rossii v pozdneimperskii period // Vestnik iuridicheskogo fakulteta Iuzhnogo federalnogo universiteta. 2014. № 1 (1). S. 33–38.
5. Kuras T. L. Voprosy deiatelnosti sudebnykh palat v Rossiiskoi imperii po rassmotreniiu del o gosudarstvennykh prestupleniiax // Sibirskii iuridicheskii vestnik. 2007. № 1 (36). S. 12–17.

6. Lure F. M. *Politicheskii sysk v Rossii, 1649–1917*. M.: Tsentrpoligraf: MiM-Delta, 2006. 396 s.

7. Mishkin V. B. *Reglamentatsiia smiagcheniia nakazaniia v normakh Ulozheniia o nakazaniakh ugovnykh i ispravitelnykh* // *Sibirskoe iuridicheskoe obozrenie* 2011. № 14. S. 107–109.

8. *Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vv.: v 9 t. T. 4: Zakonodatelstvo perioda stanovleniia absoliutizma* / otv. red. A. G. Mankov. M.: Iuridicheskaiia literatura, 1986. 512 s.

9. Sapunkov A. A. *Podsudnost Sudebnykh palat Rossiiskoi imperii po izieiatiiam iz obshchego poriadka ugovnogo sudoproizvodstva (politicheskie prestupleniia)* // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia «Pravo»*. 2017. № 1 (50). S. 44–52.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2024;
одобрена после рецензирования: 17.02.2024;
принята к публикации: 29.02.2024.

The article was submitted: 02.02.2024;
approved after reviewing: 17.02.2024;
accepted for publication: 29.02.2024.

УДК 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.3.03

А. В. Львов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
lvovav@mgpu.ru

ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ И. П. РАЗУМОВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена изучению правопонимания, предложенного советским юристом, философом и социологом И. П. Разумовским (1893–1937), активным участником развернувшейся среди советских юристов дискуссии о природе и понятии права, в частности советского социалистического права. Наиболее полно взгляды на спорные проблемы теории права были изложены Разумовским в его основной работе «Проблемы марксистской теории права». В этом труде ученый выделил ряд теоретико-правовых проблем, методологически рассматриваемых с помощью теории исторического материализма. Разумовский придавал методологии исследования значение фундамента научной правовой теории.

Разумовский обращает большое внимание на взаимосвязь права и экономической структуры общества, правовую идеологию. Он предлагает, сохранив старую юридическую терминологию, подвергнуть буржуазную философию права критическому анализу, выходя при этом за ее пределы. Разумовский полагает, что в противном случае вся критика старой теории права останется исключительно юридической, а значит, не будет соединяться с критическим анализом политэкономики. Вследствие такого подхода советская теория права будет заниматься формой права, изучать правовую идеологию, а не экономическое содержание права.

Вопрос о последующем отмирании права признается Разумовским высшей стадией этого процесса, время которой пока еще не настало, так как построение сознательно регулируемой системы поведения людей в обществе, при которой осознается взаимосвязь с материальными условиями производства, в Советском Союзе только начата.

Ключевые слова: И. П. Разумовский; правопонимание; советская теория права; закон; норма; правопорядок; государство.

UDC 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.3.03

A. V. Lvov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
lvovav@mgpu.ru

I. P. RAZUMOVSKY'S LEGAL THEORY

Abstract. The article is devoted to the study of the legal understanding proposed by the Soviet lawyer, philosopher and sociologist Isaac Petrovich Razumovsky (1893–1937). I. P. Razumovsky was one of the active participants in the discussion among Soviet lawyers about the nature and concept of law and, in particular, Soviet socialist law. Razumovsky presented his views on controversial problems of the theory of law most fully in his main work “Problems of the Marxist Theory of Law”. In this work, the scientist identifies a number of theoretical and legal problems that are methodologically considered using the theory of historical materialism. Razumovsky attached importance to the research methodology as the foundation of scientific legal theory. In the absence of a correct methodological approach, lawyers will again and again argue about the legal understanding, formulating new and new definitions of it that will contradict the dialectical understanding of this complex phenomenon.

Razumovsky traditionally pays great attention to the relationship between law and the economic structure of society, legal ideology. He proposes, while preserving the old legal terminology, to subject the bourgeois philosophy of law to a critical analysis, while going beyond its limits. Razumovsky believes that otherwise, all criticism of the old theory of law will remain exclusively legal, and, therefore, will not be combined with a critical analysis of political economy. As a result of this approach, the Soviet theory of law will deal with the form of law, study legal ideology, and not the economic content of law.

The question of the subsequent death of law is recognized by Razumovsky as the highest stage of this process, the time of which has not yet come, since the construction of a consciously regulated system of human behavior in society, in which the relationship with the material conditions of production in the Soviet Union has only just begun.

Keywords: I. P. Razumovsky; legal understanding; Soviet theory of law; law; norm; law and order; state.

Введение

Период 1920-х – начала 1930-х годов был временем бурных споров среди советских юристов о праве вообще и феномене советского права в частности. В этой дискуссии принял участие практически весь цвет советской теории права: Д. И. Курский, П. И. Стучка, М. А. Рейснер, Е. Б. Пашуканис, Я. М. Магазинер, А. К. Стальгевич, Н. В. Крыленко и другие [7; 4; 19].

Свой подход к пониманию права создал и теоретик права, философ и социолог Исаак Петрович Разумовский (1893–1937). В работе «Проблемы марксистской теории права» он одним из первых советских юристов предпринял попытку рассмотреть основания марксистской правовой теории.

И. П. Разумовский родился 8 декабря 1893 года в городе Белая Церковь Васильковского уезда Киевской губернии. Получил высшее образование на историческом отделении Сорбонны. В 1921–1925 годах был профессором кафедры социологии, преподавателем исторического материализма и истории социализма на педагогическом отделении факультета общественных наук (ФОН) Саратовского университета. И. П. Разумовский был действительным членом Института советского права РАНИОН, профессором Института народного хозяйства и Института красной профессуры [1, с. 1; 18, с. 90; 6, с. 156].

Благодаря стараниям И. П. Разумовского в СССР появился один из первых солидных учебников исторического материализма, который выдержал в 1920-х годах три издания. Большое внимание ученый отдавал методологии как краеугольному камню научной теории [10, с. 8; 12, с. 278]. Известный социолог Н. И. Кареев считал Разумовского одним из главных отечественных ученых, занимавшихся систематизацией теории экономического материализма [3, с. 234].

И. П. Разумовский неоднократно подвергался критике, обвинялся в недостаточном внимании к учению об общественно-экономической формации, а также в понимании идеологии как классового сознания, искажающего объективную социальную реальность.

Исаак Петрович Разумовский пал жертвой массового террора и был расстрелян 31 декабря 1937 года.

Основное исследование

Еще до выхода в свет книги Е. Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» И. П. Разумовский предложил использовать методологию К. Маркса, примененную им в политэкономии, для создания марксистской теории права [13; 11]. Разумовский считал, что единственно правильным подходом к построению этой теории «является социологическая и социалистическая критика буржуазной общей теории права». Для этого им была проведена аналогия и установлены «моменты сходства и различия с марксовой критикой политической экономии» [14, с. 4].

Разумовский считал необходимым выявить единство многочисленных специфических черт права, свойственных и конкретным правоотношениям, и системе законодательных норм, и философии права. Кроме того, по его мнению, следовало методологически разграничить правовую и политическую надстройку и проанализировать роль каждого из этих элементов в жизни общества, а также определить реальное значение идеалистической философии права в формировании марксистского понимания права и государства. В то же время Разумовский полагал, что эти задачи имеют исключительно частный характер, поскольку подчинены более общей задаче, суть которой состоит в выявлении проблем теоретико-правового характера и для конкретизации и правильного

понимания путей исторического развития, и для всей теории исторического материализма в целом. По мнению Разумовского, юридические вопросы и проблема связи права с экономической структурой общества, ставшие краеугольным камнем построений теории Маркса, являются основными вопросами марксистской социологии, выполняя роль пробного камня, помогающего проверить и подтвердить главные предпосылки диалектической марксистской методологии [14, с. 4–5, 22–23].

Отсутствие верной методологии вело к противоречащему диалектике пониманию права, являясь источником многочисленных разногласий среди юристов-марксистов, которые пытались ограничиться внесением в старую систему общественных наук нового содержания. Но невозможно вложить новое содержание в старую форму. По мысли Разумовского, нужна была не только коренная перестройка классификации наук об обществе, но и разработка новой научной методологии для отдельных наук. Если в буржуазном обществе юриспруденция, политэкономика, история и другие науки существовали обособленно, образуя, по словам Разумовского, «замкнутые идеологические единства», то теперь, в новых условиях, пришла пора изменить это положение, создав единую теорию общественного познания — марксистскую социологию. Как полагал Разумовский, с помощью марксистской социологии в сфере права можно провести широкий критический анализ буржуазной общей теории права, учитывая, что помимо социологической критики никакой иной, особой юридической критики не существует [14, с. 8–12; 16; 15].

Но поскольку в теории права даже высший уровень критики юридических понятий не может выйти за пределы юридической идеологии, необходимо использовать методы исторического материализма, которые смогут выявить «мировоззрение нового революционного класса» и дадут полноценное проникновение в суть буржуазной юридической терминологии и послужат объяснению особенностей формы, которую принимает в них экономическое содержание [14, с. 13; 9, с. 13–14]. По этой причине критика буржуазной философии права должна вестись в терминах этой юридической идеологии, но вне ее пределов. Если марксистская критика останется исключительно юридической и не покинет прежних границ права, не будет совмещаться с критикой политэкономики, то правильного понимания вопросов происхождения, развития и отмирания юридических понятий так и не будет. Советские юристы будут заниматься не экономическим содержанием, а формой права, то есть правовой идеологией [14, с. 43; 8].

Социалистический критический подход, как утверждал Разумовский, должен быть социологическим в связи с применением им общих методов социального познания. Этот момент, по его мнению, принципиально важен, так как применение юридического анализа в теории права приведет советских юристов лишь к созданию новой юридической идеологии. Кроме того, право является не просто надстроечным элементом, но и идеологической формой общественного сознания, что предполагает определенную возможность

ее саморазвития и еще больше усложняет решение проблемы, так как в процессе своего развития идеология теряет понимание своей связи с отношениями в обществе [14, с. 14–17, 19, 28–31].

В этом моменте хорошо прослеживается различие взглядов Разумовского и Пашуканиса, который полагал, что юридический субъект является первичным элементом правовой материи [5, с. 105, 136]. Разумовский высказывал мысль, что юридический субъект представляет собой куда более сложное идеологическое и социальное понятие, появляющееся на определенном этапе исторического развития, когда происходит завершение сложного процесса формирования самых простых правовых категорий [14, с. 18, 21]. По этой причине Разумовский предлагал заменить юридического субъекта правоотношением владения и рассмотреть его дальнейшее преобразование в частную собственность, которая уже представляет собой иную сторону отношений властвования и подчинения [14, с. 18]. Владение является, с точки зрения Разумовского, наиболее удобной категорией, поскольку она содержит ничтожное количество элементов юридической идеологии, составляя при этом требуемую форму общественного отношения, существующего в разных формах классового общества. При этом именно при капитализме владение выступает в наиболее развитом виде. Таким образом, берется за основу развитие правоотношения, которое является базовым для классового общества. В нем хорошо прослеживается формирующее его диалектическое единство противоположностей, что позволяет, в свою очередь, рассмотреть с позиции определенной формы процесс эволюции классового общества. Правомочие владения как юридическая категория, а вместе с ней и собственность, с точки зрения Разумовского, составляют альфу и омегу всего исследования, в процессе которого эта категория рассматривается сначала как равное владение субъекта права, затем преобразуется в общее владение, в дальнейшем просто изживает себя как юридическая категория [14, с. 20].

Вопрос об отмирании права как в его юридическом смысле, так и в виде идеологии [10, с. 355; 2, с. 74], а также переход в последующем процессе построения коммунистического общества к новой, сознательно регулируемой системе социального поведения, при которой четко осознается связь с материальными условиями производства [14, с. 23], по мнению Разумовского, являются высшим, итоговым этапом марксистской социологической критики буржуазных правовых категорий.

Разумовский также выступал с критикой концепции М. А. Рейснера, считая, что главная его ошибка заключалась в следующем: относя право к идеологии, Рейснер понимает под правом правосознание классов и первобытных родовых групп, выделяет субъективное право классов или социальных групп, что уводит его от правильного правопонимания [17, с. 196]. Идеология представляет собой одну из сторон истории, а не только абстракцию. Точнее, она абстрактное отражение экономического процесса в общественном сознании, являющееся необходимым средством, с помощью которого происходит

своеобразное опосредование социального бытия в сознании всех членов общества [14, с. 31, 49; 10, с. 261]. Таким образом, необходимо, как утверждал ученый, изучать право с позиции диалектики, представляя его как одну из порожденных историей человеческих обществ форм социального сознания, представляющую право не только в виде общественных отношений или идеологии, но и как систему норм, то есть высшую форму идеологической эволюции [14, с. 34].

Также Разумовский считал, что представление о праве как одной из форм социального сознания совсем не противоречит положению о том, что право — это определенная форма общественных отношений. Необходимо лишь четко отличать правовые отношения как форму производственных отношений (то есть отражение экономики в общественном сознании) от самой экономики. Право представляется чем-то отличным от экономики только абстрактно теоретически или исторически. Реальные производственные отношения воспринимаются обществом как отражение идеологии и права [14, с. 36; 10, с. 262]. Так, фактическое обладание вещью по своему идеологическому содержанию беднее, чем юридическое владение. Однако, в свою очередь, юридическое владение проигрывает фактическому обладанию вещью с материальной точки зрения. Поэтому правовые отношения могут быть и реальными общественными отношениями, и формой общественного сознания. Как полагает ученый, будучи выражением упорядоченных социальных отношений, право представляет собой не только надстроечный элемент, но и является формой его экономического содержания. Но, являясь также порядком социальных отношений, сложившихся в процессе исторического развития общества, право также представляет собой идеологическую форму этого экономического содержания. В свою очередь, само экономическое содержание права абстрагируется от своей идеологической формы и, таким образом, приводит к абстрактному осмыслению оформляемых этой формой социальных отношений. В результате право как порядок общественных отношений представляет собой лишь исторически отделенный от экономики идеологический элемент этой классовой экономики [14, с. 39–40, 42]. Пока право рассматривается как правоотношение, опосредованное экономическим отношением, по мнению Разумовского, оно будет по содержанию соответствовать экономике. Как только право будет абстрагироваться от экономических отношений, оно неизбежно уйдет в область идеологии [14, с. 47].

Однако сам ученый считал, что его определение права остается по-прежнему слишком абстрактным и неудовлетворительным. Право представляет собой порядок социальных, то есть классовых, отношений, так как он исторически абстрактно отражен в общественном сознании. При этом в общественном сознании право отделено от материальных условий своего существования, получая, таким образом, свое обособленное от них идеологическое развитие в нормативной системе [14, с. 50]. Поэтому Разумовский считал ошибочными представления Пашуканиса о правовых отношениях как специфической

исторической (а не абстрактной) форме общественных отношений [14, с. 64–65]. Как полагал Разумовский, Пашуканис видит выражение правовых отношений во взаимных притязаниях конфликтующих лиц, в исках и судебном разбирательстве, абстрагируясь от экономики с помощью судебного процесса. Но в самом судебном процессе между тяжущимися всегда создаются разнообразные отношения материального характера, которые сами участники процесса, как правило, не осознают, хотя именно из этих материальных отношений на свет появляются идеологические отношения, которые в общественном сознании связаны с возникновением прав и обязанностей, то есть правоотношения [14, с. 51–52].

Кроме того, Разумовский обратил внимание на то, что юристам, особенно практикам, для которых правовая идеология давно стала объективным явлением, свойственно представлять право в виде правовых норм, обеспеченных государственным принуждением. Та же ошибка присуща и многим юристам-марксистам, отталкивающимся от классовых начал. Но Маркс считал, что обязательства, к исполнению которых человека принуждает государство, являются лишь юридическими формулами, которые не могут сами определять своего содержания, но способны лишь выражать его. Таковы субъективная и объективная стороны права, выступающие как два аспекта юридической формы. Например, договор — это традиционная форма типичного правового отношения. Если данная форма юридически закреплена в законе, тогда государство может принуждать стороны для исполнения условий договора. Но юридическое закрепление отношений (создание правоотношений) никаким образом не может оказать воздействие на их экономическое содержание. Поэтому закон представляет собой не только формальное юридическое выражение правоотношений, но и является выражением государственного принуждения [14, с. 55–56]. Таким образом, необходимо четко различать влияние правовой и политической надстроек, а также распознавать, как непосредственно влияет на право экономическая структура общества и насколько опосредовано это влияние со стороны политической надстройки. Следовательно, закон и право — это не одно и то же. Закон, являясь выражением политической надстройки, более узкое понятие, чем норма, так как является лишь специфическим выражением нормы через государственное принуждение. Нормы же представляют собой реально существующие, обычные в обществе экономические отношения [14, с. 56].

Но, по замечанию Разумовского, норма является выражением не только сущего, но и должного. Так, правовые отношения, рассматриваемые с точки зрения должного, — это правовые нормы. Правопорядком будет считаться порядок объективных правоотношений, абстрактных по отношению к материальным условиям их существования [14, с. 57]. Защита правопорядка осуществляется с помощью государственного принуждения, обеспеченного, в свою очередь, необходимыми нормами, без которых действия государственной власти представляли бы собой только грубую силу. Так, принудительное внеэкономическое воздействие со стороны государства, пропущенное

через фильтр правовой идеологии и представление о юридически свободной воле, предстает в виде общественных интересов, публичной воли, являющейся антагонистом частных интересов [14, с. 60]. Фактически же это экономическое принуждение, отраженное в норме закона и воспринятое через правовую идеологию. Таким образом, государственная воля, представленная не в виде волеизъявления, а как общая, публичная воля, превращает закон в право. Иначе говоря, внешняя политическая форма выражения права преобразуется в формально-юридическую.

Здесь политическая и правовая надстройки соединяются с помощью закона, образуя политико-правовое единство. Закон выступает как необходимый формальный момент, благодаря которому завершается развитие права в качестве правовой идеологии [14, с. 70]. Правоотношения представляются их участникам не только как проявление их субъективной свободной воли, но и как следование закону, публичной общей воле. Таким образом, экономические отношения обеспечиваются видимой санкцией как в частной свободной воле, так и в публичной общей воле [14, с. 61]. Если бы участники правоотношений представляли себе обязательства только в виде предписаний государственной власти, то право так и не стало бы правом, поскольку оно не преломилось бы в сознании с помощью официальной правовой идеологии. Только благодаря правовой идеологии материальные общественные отношения получают свое итоговое выражение в норме. Это объяснение Разумовский считал единственным правильным путем, ведущим к разрешению проблемы соотношения объективного и субъективного права.

Заключение

По мнению Разумовского, правопорядок (система правовых норм) является совокупностью правовых отношений, но рассматривается он с точки зрения должного, а не сущего. Материальное общественное отношение, опосредованное формальным правоотношением, уже представляется как система норм. Единая форма права соединяет в себе правоотношения, правовые нормы и правовую идеологию. Мыслятся они как нормы или воспринимаются как правоотношения, в любом случае они не являются отдельными формами права. Форма права, выраженная в виде законодательной нормы, в соответствии с которым мыслится устройство материальных социальных отношений, может существовать лишь как единая форма для данной формации, вне зависимости от того, построено ли в соответствии с ней реальное отношение, норма закона или система философии права [14, с. 62].

Как полагал Разумовский, государство может оказывать воздействие на экономику и даже в определенных пределах изменять ее. Так, новая форма общественных отношений, установившаяся в Советской России, свидетельствует о серьезных изменениях в материальных условиях производства [10, с. 312]. Однако этих изменений недостаточно для изменения основной формы существующих

материальных условий производства, производственных отношений между теми, кто продает, и теми, кто покупает рабочую силу. Господствующей формой по-прежнему остается товарная форма, а государство в своей экономической политике, так же как и ранее, использует рыночные отношения. Таким образом, формой, выражающей существующие экономические отношения, продолжает оставаться буржуазное право, единственно возможная форма при капиталистических товарно-денежных отношениях. Но, по утверждению ученого, на данном этапе в эту форму необходимо вложить новое пролетарское содержание. Революционное законодательство не порождает новую правовую идеологию. Новое право возникает в старых формах. Поэтому при рождении нового права революционное государство является скорее «акушером», чем его «отцом» [14, с. 78]. Это право на высшей стадии развития капиталистических отношений, товарного производства и классового общества обречено отмереть вместе с государством, классовым обществом и частной собственностью. Старая буржуазная форма права продолжает существовать после успешного осуществления пролетарской революции как рудимент только потому, что еще сохраняются классы, отношения обмена, которые также обречены на вымирание. Сразу отойти от прежнего восприятия правовой формы, товарно-правовой идеологии не получится, так как пролетариат пока не может думать вне прежней правовой терминологии. Требования, которые предъявляют пролетарии, не могут быть неправовыми. У рабочих и крестьян нет еще другого строительного материала, кроме старой формы права. Над сознанием людей продолжает довлеть правовая идеология, которая, как прежде, мыслится как нечто объективное. И так будет, пока будут существовать классы и сам пролетариат как класс. Но главное, чего, по мысли Разумовского, может и должен добиться рабочий класс в своем стремлении преодолеть иллюзии правовой идеологии, — это уметь с помощью диалектики отличать экономическую сущность отношений от их правовой формы, в которой они выражаются.

Список источников

1. Архив Саратовского государственного университета (СГУ). Д. 18. Личное дело И. П. Разумовского № 242.
2. Богатырев Г. Т. Идея отмирания права в раннесоветской теории права (1917–1930 гг.) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 2 (16). С. 67–76.
3. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.
4. Минникес И. В. Проблемы становления советского права: особенности источников // Вестник МГПУ «Юридические науки». 2022. № 4 (48). С. 58–71.
5. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 32–181.
6. Покатов Д. В. Становление социологической науки в Саратове // Национальная ассоциация ученых. Серия «Социологические науки». 2015. № 4-6 (9). С. 155–157.
7. Развитие российского законодательства в 1930-е годы / под общ. ред. С. А. Боголюбова и Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2023. 338 с.

8. Разумовский И. П. Государственно-правовая идеология современной социал-демократии // Революция права. 1927. № 4. С. 46–59.
9. Разумовский И. П. Категория субъекта в советском праве // Революция права. 1927. № 3. С. 1–14.
10. Разумовский И. П. Курс теории исторического материализма. М.-Л.: Государственное издательство. 1928. 536 с.
11. Разумовский И. П. Маркс и гегелевская философия права (О вновь опубликованной работе Маркса) // Революция права. 1928. № 1. С. 59–84; № 2. С. 57–66.
12. Разумовский И. П. Наши «Замвридплехановы» (К дискуссии об идеологиях) // Под знаменем марксизма. 1923. № 11–12. С. 277–281.
13. Разумовский И. П. Понятие права у Карла Маркса и Фридриха Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.
14. Разумовский И. П. Проблемы марксистской теории права. М.: Изд-во Коммунистической академии. 1925. 136 с.
15. Разумовский И. П. Сущность идеологического воззрения // Вестник Социалистической академии. 1924. Кн. 4. С. 223–271.
16. Разумовский И. П. Устряловщина в праве // Революция права. 1927. № 1. С. 48–73.
17. Рейснер М. А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л.-М.: Гос. изд-во. 1925. 276 с.
18. Южанинова А. Л. Родоначальник саратовской университетской психологической школы С. Л. Франк (к 145-летию ученого) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2023. Т. 23, вып. 1. С. 85–93.
19. Sharlet R., Maggs P., Beirne P. P. I. Stuchka and Soviet Law // Revolution in Law: Contributions to the Legal Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. New York: Taylor and Francis, 2017. P. 45–60.

References

1. Arxiv Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta (SGU). D. 18. Lichnoe delo I. P. Razumovskogo № 242.
2. Bogaty`rev G. T. Ideya otmiraniya prava v rannesovetskoj teorii prava (1917–1930 gg.) // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2023. № 2 (16). S. 67–76.
3. Kareev N. I. Osnovy` russkoj sociologii. SPb.: Izdatel`stvo Ivana Limbaxa, 1996. 368 s.
4. Minnikes I. V. Problemy` stanovleniya sovetskogo prava: osobennosti istochnikov // Vestnik MGPU «Yuridicheskie nauki». 2022. № 4 (48). S. 58–71.
5. Pashukanis E. B. Obshhaya teoriya prava i marksizm // Izbranny`e proizvedeniya po obshhej teorii prava i gosudarstva. M.: Nauka, 1980. S. 32–181.
6. Pokatov D. V. Stanovlenie sociologicheskoy nauki v Saratove // Nacional`naya associaciya ucheny`x. Seriya «Sociologicheskie nauki». 2015. № 4-6 (9). S. 155–157.
7. Razvitie rossijskogo zakonodatel`stva v 1930-e gody` / pod obshh. red. S. A. Bogolyubova i D. A. Pashenceva. M.: INFRA-M, 2023. 338 s.
8. Razumovskij I. P. Gosudarstvenno-pravovaya ideologiya sovremennoj social-demokratii // Revolyuciya prava. 1927. № 4. S. 46–59.
9. Razumovskij I. P. Kategoriya sub`ekta v sovetskom prave // Revolyuciya prava. 1927. № 3. S. 1–14.

10. Razumovskij I. P. Kurs teorii istoricheskogo materializma. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1928. 536 s.
11. Razumovskij I. P. Marks i gegelevskaya filosofiya prava (O vnov` opublikovannoj rabote Marksa) // Revolyuciya prava. 1928. № 1. S. 59–84; № 2. S. 57–66.
12. Razumovskij I. P. Nashi «Zamvridplexanovy`» (K diskussii ob ideologiyax) // Pod znamenem marksizma. 1923. № 11–12. S. 277–281.
13. Razumovskij I. P. Ponyatie prava u Karla Marksa i Fridrixa E`ngel'sa // Pod znamenem marksizma. 1923. № 2–3. S. 68–97.
14. Razumovskij I. P. Problemy` marksistkoj teorii prava. M.: Izd-vo Kommunisticheskoj akademii. 1925. 136 s.
15. Razumovskij I. P. Sushhnost` ideologicheskogo vozzreniya // Vestnik Socialisticheskoj akademii. 1924. Kn. 4. S. 223–271.
16. Razumovskij I. P. Ustryalovshhina v prave // Revolyuciya prava. 1927. № 1. S. 48–73.
17. Rejsner M. A. Pravo: Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshee pravo. L.-M.: Gos. izd-vo. 1925. 276 s.
18. Yuzhaninova A. L. Rodonachal`nik saratovskoj universitetskoj psixologicheskoy shkoly` S. L. Frank (k 145-letiyu uchenogo) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika». 2023. T. 23, vy`p. 1. S. 85–93.
19. Sharlet R., Maggs P., Beirne P. P. I. Stuchka and Soviet Law // Revolution in Law: Contributions to the Legal Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. New York: Taylor and Francis, 2017. P. 45–60.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2024;
одобрена после рецензирования: 15.02.2024;
принята к публикации: 20.02.2024.

The article was submitted: 02.02.2024;
approved after reviewing: 15.02.2024;
accepted for publication: 20.02.2024.

УДК 343.195

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.04

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
stepanovtao@mail.ru

СОЗДАНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В БЕЛОЙ СИБИРИ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Аннотация. Суд присяжных появился в России в ходе Судебной реформы 1864 года. Затем он был упразднен советской властью в ноябре 1917 года и воссоздан в июле 1993 года. Несмотря на продолжительное время существования, вопросы, связанные с его организацией и деятельностью, не утратили своей актуальности. Более того, в современных условиях эта проблематика приобрела особую значимость, что обуславливает необходимость изучения имеющегося отечественного опыта. Одной из наиболее интересных страниц истории суда присяжных в России является его создание в Белой Сибири в начале 1919 года. В результате проведенного исследования сделаны выводы о том, что за основу строительства судов присяжных в Белой Сибири были взяты организационно-правовые начала этого института, существовавшие в дореволюционной России, с изменениями, продиктованными условиями Гражданской войны; введение судов присяжных в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке столкнулось с рядом проблем, имевших дореволюционные корни, а также вызванных условиями военного времени; в Белой Сибири подсудность судов присяжных была ограничена, поскольку широкое распространение получили органы чрезвычайной юстиции, которые в реалиях Гражданской войны показали высокую степень эффективности и были полностью лояльны к существующему режиму.

Ключевые слова: суд; судебная система; суд присяжных; присяжные заседатели; Судебная реформа 1864 года; Судебные уставы 1864 года; Гражданская война; Белая Сибирь.

UDC 343.195

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.04

M. M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
stepanovtao@mail.ru

CREATION OF A JURY TRIAL IN WHITE SIBERIA AS A CONTINUATION OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864

Abstract. A jury trial appeared in Russia during the Judicial Reform of 1864. It was then abolished by the Soviet regime in November 1917 and re-established in July 1993. Despite the long existence, issues related to its organization and activities have not lost their relevance. Moreover, in modern conditions, this problem has acquired particular significance, which makes it necessary to study the existing domestic experience. One of the most interesting pages of the history of jury trials in Russia is its creation in White Siberia in early 1919. As a result of the study, it was concluded that the organizational and legal principles of this institution that existed in pre-revolutionary Russia, with changes due to the conditions of the Civil War, were taken as the basis for the construction of jury courts in White Siberia; the introduction of jury trials in Eastern Siberia and the Far East faced a number of problems that had pre-revolutionary roots, as well as those caused by wartime conditions; in White Siberia, the jurisdiction of jury trials was limited, since emergency justice bodies were widespread, which in the Civil War showed a high degree of efficiency and were completely loyal to the existing regime.

Keywords: court; judicial system; jury trial; jurors; Judicial Reform of 1864; Judicial Statutes of 1864; Civil War; White Siberia.

Введение

Суд присяжных появился в России в ходе Судебной реформы 1864 года. С тех пор его неоднократно реформировали, упраздняли и создавали заново. Однако до настоящего времени вопросы, связанные с его организацией и деятельностью, не утратили своей актуальности. Более того, в современных условиях эта проблематика приобрела особую значимость. Связано это с тем, что, в соответствии с ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, одним из условий применения смертной казни в нашей стране является рассмотрение дела обвиняемого судом с участием присяжных заседателей.

Применение смертной казни в России требует не только изменения законодательства страны, но и существенной трансформации института суда присяжных. В связи с этим изучение его различных аспектов, в том числе истории строительства и практики деятельности в нашей стране, актуально и востребовано.

Значение проведенного исследования обусловлено еще и тем, что создание суда присяжных в Белой Сибири велось в условиях Гражданской войны. Поэтому его организация и деятельность имели определенные отличия от правил, установленных Судебными уставами 1864 года. Данное обстоятельство актуализирует тему работы, делает ее релевантной современным российским реалиям, связанным с созданием суда присяжных в новых российских регионах, вошедших в состав РФ в ходе специальной военной операции.

Методы

Основу используемой в работе методологии составил историко-правовой метод. С его помощью проведен анализ начального состояния и дальнейшего развития в России института суда присяжных, а также его эволюции на территории Белой Сибири. Кроме того, в ходе исследования применялись следующие общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция и др., а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и др. Кроме того, использовались подходы, характерные для постклассической юридической науки [8].

Основная часть

Судебная реформа 1864 года и создание суда присяжных

Учреждение суда присяжных в России связано с проведением Судебной реформы 1864 года. Целью его создания стало осуществление демократизации отечественного уголовного процесса, внедрение в него принципа состязательности, обеспечение участия народного элемента в реализации правосудия, а также отказ от теории формальных доказательств и проведение их оценки по внутреннему убеждению. Первые процессы с участием присяжных заседателей состоялись уже в 1866 году [1, с. 26].

Создание суда присяжных привело к острой дискуссии в дореволюционной юридической среде о необходимости его учреждения. Известный русский правовед и государственный деятель В. К. Случевский писал: «Несмотря на торжество суда присяжных, на ту быстроту, с которой он в текущем столетии распространился по континенту Европы, спор о достоинствах и недостатках его до сих пор не может быть признан законченным. Высокоавторитетные процессуалисты группируются в отношении него на два враждебных лагеря, насчитывающие в своей среде горячих защитников и не менее ожесточенных противников» [11, с. 215].

Противники введения суда присяжных указывали на трудности, связанные с подбором присяжных, способных объективно и непредвзято оценить представленные в суде доказательства, руководствуясь при этом своим внутренним

убеждением, и принять решение в рамках действовавшего законодательства. Также отмечалось существенное усложнение процедуры отправления правосудия, что требовало наработки практики применения новых процессуальных норм. Наконец, нужно было создать необходимые условия для деятельности суда присяжных, например обеспечить его необходимыми помещениями.

Указанные выше причины привели к тому, что суд присяжных в Российской империи вводился чрезвычайно медленно и поэтапно с 1866 года, в первую очередь на ее европейской части. В дальнейшем предполагалось распространить его деятельность на всю ее территорию. Этот процесс был прерван Октябрьской революцией 1917 года и принятием советской властью декрета от 24 ноября 1917 года «О суде» (далее — Декрет о суде № 1)¹, упразднившего окружные суды, в рамках которых действовали суды присяжных.

Отечественный опыт показал, что главной проблемой в деятельности этого института стало качество присяжных заседателей. Нередки были случаи, когда при рассмотрении дел они руководствовались только своими желаниями и опирались только на свое мнение, нигилистически относясь к праву. В результате принимались необоснованные и незаконные решения, явные преступники признавались невиновными (один из наиболее ярких примеров — вынесение 31 марта 1878 года оправдательного приговора в отношении Веры Засулич). Большое количество оправдательных вердиктов привело к тому, что в 1878 году была проведена судебная реформа, в результате которой ряд категорий уголовных дел был изъят из подсудности судов присяжных [2, с. 27; 3, с. 12]. Из-за трудностей с подбором присяжных этот институт начал действовать в Западной Сибири только с 1909 года, а в Восточной Сибири и Приамурском крае вовсе не был введен [4, с. 2836].

Создание суда присяжных на территории Белой Сибири

Строительство судебных органов в Белой Сибири началось сразу же после свержения советской власти. За основу их создания были взяты организационно-правовые начала, действовавшие в России до октября 1917 года [6]. При этом предусматривалась возможность внесения в них изменений, обусловленных условиями Гражданской войны².

Важным элементом строительства судебной системы в Белой Сибири стало учреждение суда присяжных на основе Судебных уставов 1864 года. 11 января 1919 года Совет министров Российского правительства А. В. Колчака принял соответствующее решение³. Следует отметить, что его реализация существенно

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р4369. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³ О введении учреждения суда присяжных заседателей в губерниях Енисейской, Иркутской и областях Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской и Сахалинской, а также

осложнялась ведением боевых действий с частями Красной армии и борьбой с получившим широкое распространение на этой территории партизанским движением. Да и в целом условия Гражданской войны не располагали к введению в судебную систему такого сложного и сугубо гражданского института, как суд присяжных. В связи с этим интересно отметить реакцию населения, которое не только поддерживало решения правительства по созданию судебной системы, в том числе по введению суда присяжных⁴, но и дополняло их своими инициативами [7, с. 242–243].

Значение учреждения суда присяжных в Белой Сибири было обусловлено прежде всего тем, что этот институт как самый демократичный элемент судебной системы создавался в условиях ведения войны, массовых нарушений прав человека, сурового законодательства и широкого распространения органов чрезвычайной юстиции, в первую очередь военно-полевых судов [12]. Суд присяжных был призван не только сгладить наиболее серьезные недостатки судебной системы, но и привлечь к процессу отправления правосудия как можно более широкие общественные массы, повысить авторитет государственной власти, степень доверия к ней населения. Также необходимо отметить, что суд присяжных был создан впервые в истории Восточной Сибири и Дальнего Востока, где до революции он так и не был введен.

Суд присяжных был учрежден практически на всей территории Белой Сибири. Например, на Дальнем Востоке он не был создан только в Камчатской области. Также суд присяжных не был введен в Западной Сибири, поскольку она находилась рядом с театром военных действий [5, с. 98]. Однако в дальнейшем планировалось учредить его везде.

Деятельность судов присяжных столкнулась с рядом проблем. Главной из них стал подбор присяжных заседателей. Например, на Дальнем Востоке значительная часть населения имела уголовное прошлое. Кроме того, там проживало недостаточное количество мещан, помещиков и интеллигенции, что могло привести к преобладанию среди присяжных чиновников. Также там был высок процент коренных жителей, поэтому возникли затруднения с подбором присяжных, знающих русский язык на достаточном для участия в заседаниях суда уровне.

Еще одной проблемой стала неявка заседателей на судебные сессии, что приводило к откладыванию рассмотрения дел. При этом заседателей не пугало наличие ответственности (штрафа) за пренебрежение своими обязанностями без уважительных причин. Нередко дела не разрешались и из-за неявки в судебные заседания свидетелей и экспертов. О распространенности данной проблемы говорит то, что правительство Белой Сибири в 1919 году значительно повысило размер оплаты проезда к месту проведения заседания суда

в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги: постановление Совета министров от 10 января 1919 года // Правительственный вестник. 1919. 30 января.

⁴ ГА РФ. Ф. Р4369. Оп. 1. Д. 36. Л. 7.

и компенсацию «за отвлечение» для свидетелей, а также оплату труда экспертов. Кроме того, существенно были увеличены размеры штрафов, налагавшихся на свидетелей и экспертов за неявку в суд.

Наконец, серьезной проблемой стало отсутствие помещений, необходимых для проведения судебных заседаний. Поэтому часто они проходили в различных приспособленных для этого зданиях (городских управах, клубах и т. д.). Иногда помещений не находилось вовсе [5, с. 100–106].

Суды присяжных просуществовали в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке непродолжительное время — менее одного года (к весне 1920 года антибольшевистская государственность на этой территории была ликвидирована). Поэтому каких-либо статистических данных, позволяющих говорить об их эффективности, не накопилось. При этом с уверенностью можно говорить о существовавшей тенденции ограничения сферы деятельности таких судов. Причинами этого были не только указанные выше проблемы с их организацией и деятельностью, но и оправдательный уклон в их приговорах, что в условиях Гражданской войны не способствовало установлению режима законности и правопорядка. Поэтому в тех случаях, когда это было возможно, уголовные дела рассматривались без участия присяжных заседателей или же передавались на рассмотрение в военно-полевые суды, которые в тот период получили широкое распространение [13].

Заключение

Введение судов присяжных в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке стало завершающим этапом их создания на территории России в досоветский период. Здесь следует отметить, что на Юге России суды присяжных функционировали несколько дольше, до осени 1920 года, и формально прекратили свое существование вместе с Русской армией П. Н. Врангеля. Однако эти суды уже были созданы ранее, в дореволюционный период. Поэтому, например, в связи с невозможностью составления новых списков присяжных заседателей использовались соответствующие списки за прошлые годы. На территории Белой Сибири суд присяжных был введен впервые, что придает этому событию особое значение.

В Советской России суд присяжных, как уже отмечалось, был ликвидирован Декретом о суде № 1. Последующее развитие судебной системы РСФСР привело к восстановлению ряда имперских институтов в ходе судебной реформы 1922 года (например, прокуратуры и адвокатуры), однако суд присяжных воссоздан не был [10]. Правовая традиция, связанная с его деятельностью, прервалась на долгие годы [9]. Возрождение суда присяжных в России произошло только в 1993 году.

В результате проведенного исследования был сформулирован ряд выводов об особенностях создания судов присяжных в Белой Сибири, которые могут

быть использованы в процессе совершенствования организации и деятельности этого института в настоящее время:

1) за основу строительства судов присяжных в Белой Сибири были взяты организационно-правовые начала этого института, существовавшие в дореволюционной России. При этом в них вносились изменения, продиктованные условиями Гражданской войны;

2) введение судов присяжных в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке столкнулось с рядом проблем, полностью решить которые не удалось. Часть из них имела дореволюционные корни, часть была вызвана условиями военного времени;

3) в Белой Сибири подсудность судам присяжных была ограничена, поскольку широкое распространение получили органы чрезвычайной юстиции, которые в условиях Гражданской войны показали высокую степень эффективности и были полностью лояльны к существующему режиму.

Список источников

1. Дорская А. А. Основные направления деятельности Министерства юстиции Российской империи в процессе подготовки и реализации Судебной реформы 1864 года // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 4 (40). С. 16–31. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.02

2. Дорская А. А. Положения Судебной реформы 1864 года и деятельность министерства юстиции Российской империи в 1867–1899 годах // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 4 (44). С. 25–34. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.03

3. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Проблема эффективности правового регулирования в период проведения Судебной реформы 1864 года // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 8–19. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.41.1.01

4. Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2834–2840.

5. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

6. Малыгин А. Я., Степанов М. М. Правоохранительные органы белых правительств. М.: Юридический институт МВД России, 1998. 169 с.

7. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 490 с.

8. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02

9. Пашенцев Д. А. Современные подходы к пониманию правовой традиции // Российское государственное управление. 2016. № 3. С. 7–16.

10. Пашенцев Д. А. Судебная реформа 1922 года с позиций историко-антропологической теории права (к 100-летию судебной реформы) // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 72–76. DOI: 10.52433/01316761_2022_03_72

11. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство: введение. Ч. 1 / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 400 с.

12. Степанов М. М. Правоохранительные органы Сибири в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // История государства и права. 2018. № 9. С. 75–80. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-9-75-80

13. Степанов М. М. Судебная система общей юрисдикции антибольшевистских государственных образований периода Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Российский судья. 2017. № 4. С. 57–61.

References

1. Dorskaya A. A. Osnovny`e napravleniya deyatel`nosti Ministerstva yusticii Rossijskoj imperii v processe podgotovki i realizacii Sudebnoj reformy` 1864 goda // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 4 (40). S. 16–31. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.02

2. Dorskaya A. A. Polozheniya Sudebnoj reformy` 1864 goda i deyatel`nost` ministerstva yusticii Rossijskoj imperii v 1867–1899 godax // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 4 (44). S. 25–34. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.03

3. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. Problema e`ffektivnosti pravovogo regulirovaniya v period provedeniya Sudebnoj reformy` 1864 goda // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 8–19. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.41.1.01

4. Dudko N. A. Poe`tapnoe vvedenie suda prisyazhny`x v Rossijskoj imperii po sudebnoj reforme 1864 g. // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2014. № 12 (49). S. 2834–2840.

5. Zvyagin S. P. Pravoohranitel`naya politika A. V. Kolchaka. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001. 352 s.

6. Maly`gin A. Ya., Stepanov M. M. Pravoohranitel`ny`e organy` bely`x pravitel`stv. M.: Yuridicheskij institut MVD Rossii, 1998. 169 s.

7. Nikitin A. N. Gosudarstvennost` «beloj» Rossii: stanovlenie, e`voljuciya, krushenie (1918–1920 gg.): dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2007. 490 s.

8. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoj nauke // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1 (45). S. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02

9. Pashencev D. A. Sovremenny`e podxody` k ponimaniyu pravovoj tradicii // Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2016. № 3. S. 7–16.

10. Pashencev D. A. Sudebnaya reforma 1922 goda s pozicij istoriko-antropologicheskoy teorii prava (k 100-letiyu sudebnoj reformy`) // Rossijskaya yusticiya. 2022. № 3. S. 72–76. DOI: 10.52433/01316761_2022_03_72

11. Sluchevskij V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogogo processa: sudoustrojstvo: vvedenie. Ch. 1 / pod red. V. A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2008. 400 s.

12. Stepanov M. M. Pravoohranitel`ny`e organy` Sibiri v gody` Grazhdanskoj vojny` v Rossii (1918–1920 gg.) // Istoriya gosudarstva i prava. 2018. № 9. S. 75–80. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-9-75-80

13. Stepanov M. M. Sudebnaya sistema obshhej yurisdikcii antibold`shevistskix gosudarstvenny`x obrazovanij perioda Grazhdanskoj vojny` v Rossii (1918–1920 gg.) // Rossijskij sud`ya. 2017. № 4. S. 57–61.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2024;
одобрена после рецензирования: 15.02.2024;
принята к публикации: 20.02.2024.

The article was submitted: 02.02.2024;
approved after reviewing: 15.02.2024;
accepted for publication: 20.02.2024.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.05

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

adorskaya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

dorski@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Аннотация. В статье рассмотрены различные варианты преодоления кризисных явлений в международном праве, которые использовались в истории. Целью исследования является систематизация применяемых на различных этапах развития мирового сообщества способов преодоления кризисов международно-правовой системы. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: раскрыть содержание понятия «кризис в правовой сфере»; охарактеризовать признаки кризисных явлений в международном праве; показать значение кризисной тематики как в классических правовых исследованиях, так и в современной юридической литературе; на конкретных примерах из истории международного права рассмотреть те приемы и механизмы, которые использовались как для преодоления, так и предотвращения кризисных явлений в международно-правовой сфере. Сделан следующий вывод: на современном этапе наукой международного права сформирован комплекс индикаторов, позволяющий установить, что кризисные явления нарастают, выработана целая система мер, которые могут препятствовать развитию кризиса или преодолеть его. Вопрос состоит в том, чтобы использовать накопленный веками опыт для предотвращения и преодоления кризисных явлений в международном праве.

Ключевые слова: международное право; международно-правовая система; кризисные явления; способы преодоления кризисов; способы предотвращения кризисов; признаки кризисов.

Благодарности: часть исследования, выполненная А. А. Дорской, подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта 24-28-01860 «Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: исторический опыт».

UDC 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.05

A. A. Dorskaya

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
adorskaya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

A. Yu. Dorsky

Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation,
dorski@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

WAYS TO ADDRESS CRISIS PHENOMENA IN INTERNATIONAL LAW: AN ANALYSIS OF HISTORICAL EXPERIENCE

Abstract. The article explores a range of approaches historically utilized to tackle crisis phenomena in international law. The goal of the study is to structure the approaches employed during different phases of global development to tackle crises within the international legal system. In accordance with the goal, the article sets the following tasks: to disclose the content of the concept of “crisis in the legal sphere”, characterize the signs of crisis phenomena in international law, show the significance of the “crisis” topic as in classical legal studies, and in modern legal literature, using examples from the history of international law, consider those techniques and mechanisms, which were used both to overcome and prevent crisis phenomena in the international legal field. The following conclusion is made: at the present stage, the science of international law has formed a set of indicators that allows us to establish that crisis phenomena are growing, and a whole system of measures has been developed that can hinder the development of the crisis or overcome it. The question is to use the experience accumulated over centuries to prevent and overcome crises in international law.

Keywords: international law; international legal system; crisis phenomena; ways to address crises; ways to prevent crises; signs of crises.

Acknowledgments: part of the research carried out by A. A. Dorskaya was funded by RSF according to the research project № 24-28-01860 «Crises of the international legal system and ways to overcome them: historical experience».

Введение

Кризисные явления в праве наблюдались на разных этапах развития человечества. Не стала исключением и современная эпоха, поскольку, с одной стороны, праву как универсальной регулятивной системе бросаются разнообразные вызовы: юридизация многих общественных отношений, цифровизация, сложные сочетания международно-правовой, наднациональных и внутригосударственных правовых систем и т. д., которые требуют адекватного ответа, с другой — несоответствие права потребностям общества также может стать причиной серьезного кризиса, охватывающего самые разные сферы. Несмотря на наличие общих характеристик, каждый кризис уникален, и для выхода из него могут использоваться специфические методы и инструменты. Именно поэтому есть необходимость изучения как общих, так и единичных, отражающих конкретный кризис, способов преодоления негативных явлений в праве.

Кризис в праве может иметь разные признаки: преобладание другого, неправового, характера регулирования общественных отношений; казуистичность регулирования и отсутствие общих принципов права; неисполнение правовых норм, носящее массовый характер; различный уровень развития правотворчества и правоприменения и т. д.

Кризисные явления в международном праве — одна из разновидностей кризисов в правовой сфере, имеющая как общие черты, присущие всем кризисам в правовой сфере, так и особенные, связанные с тем, что международное право представляет собой особую правовую систему, существующую и развивающуюся параллельно с внутригосударственными и наднациональными.

Изучение кризисных явлений в международном праве необходимо для системного понимания такого периодического явления, как кризис в праве, а также для развития обобщенной теории предотвращения и преодоления кризисных явлений в праве, носящей междисциплинарный характер.

Степень научной разработанности темы

Кризисные явления в праве стали предметом научных исследований в XIX столетии. Достаточно быстро обнаружилось, что специалисты в сфере внутригосударственного права и юристы-международники по-разному смотрят на данную проблему.

Если для первых обращение к кризисной тематике носило и носит периодический характер (как правило, это происходит в переходные периоды, когда наблюдаются мировоззренческие метаморфозы), то для международников данная тема является постоянной, поскольку в различные эпохи состояние международно-правовой системы характеризовалось как кризисное и даже высказывалось мнение о том, что международное право не является правом,

в лучшем случае его можно охарактеризовать как международную мораль [13, с. 7].

В результате именно юристам-международникам принадлежит самая обширная часть научной литературы, посвященная кризисам в правовой сфере.

Необходимо отметить, что российские юристы-международники XIX – начала XX века никогда не отрицали юридическую природу международного права [10, с. 10]. Напротив, они внесли огромный вклад в развитие теории международного права и мирное разрешение международных споров путем созыва международных конференций (достаточно вспомнить Первую и Вторую Гаагские конференции мира 1899 и 1907 годов соответственно, направленные на недопущение гонки вооружений и создание правовой базы для перевода различных аспектов вооруженных конфликтов в правовое поле), обращения в органы международного правосудия (профессор Московского университета Л. А. Камаровский не только написал первую в мире специальную научную работу, посвященную международному суду [8], но и сам стал в 1909 году одним из представителей Российской империи в Постоянной палате третейского суда в Гааге), участия в неофициальных научных сообществах, в частности в работе Института международного права.

После революционных событий 1917 года советские юристы стали писать о кризисе международного права. Например, в 1922 году вышла статья профессора С. А. Котляревского «Кризис международного права» [9].

По прошествии ста лет тема кризисов по-прежнему присутствует в юридической литературе.

Обобщая научные исследования, посвященные кризисным явлениям в международно-правовой сфере, следует выделить такие направления, как нарушение принципа суверенного равенства государств [7], кризис отдельных отраслей и институтов международного права [1; 17], влияние внутригосударственных кризисов на систему международных отношений и международного права [6; 14; 18], использование потенциала международного частного права для предотвращения и преодоления кризисных явлений в международном публичном праве [3; 20], пути выхода из состояния кризиса международно-правовой системы [4; 12; 15; 16].

Методы

В статье с помощью дескриптивного метода описаны те способы преодоления кризисных явлений в международном праве, которые человечество использовало в своей истории. Методы анализа и синтеза, индукции и дедукции позволили выделить признаки кризисов международно-правовой системы, обобщить их, а также на исторических примерах рассмотреть различные варианты их преодоления. Содержание международных договоров, направленных на предотвращение или преодоление кризисов международно-правовой

системы, раскрывается путем использования формально-юридического метода. Применение сравнительно-правового метода позволило сделать синхронный срез той терминологии, которую использовали разные страны для описания различных явлений международной жизни и отсутствие единообразия которой послужило поводом к серьезным конфликтам, а также диахронный срез, показавший поступательное развитие методов и инструментов выхода из кризисов в XIX – начале XXI века.

Основная часть

В отношении международно-правовой составляющей на современном этапе высказываются два предположения:

1) либо человечество находится в состоянии кризиса системы международного права, а также международно-правовых механизмов [19];

2) либо мы наблюдаем кризис международных отношений, а нормы международного права не нуждаются в существенном изменении [2].

Для исследования кризисных явлений в международно-правовой системе полезно обращение к достижениям в области теории государства и права. В частности, Н. А. Власенко предложил следующую классификацию кризисов:

– системные (органические) кризисы, взаимосвязанные с кризисами в экономической, социальной, политической и других областях;

– собственные кризисы, присущие именно правовой сфере [5, с. 43–44].

Применение данной классификации к международно-правовому материалу показывает, с одной стороны, потенциал международного права в предотвращении нарастания кризисных явлений и выходе из уже развившихся кризисов, с другой — опасность развития кризисных явлений, в случае если нормы международного права устарели или не регулируют вновь возникшие отношения между акторами, действующими на международной арене.

В современной науке международного права выделяются следующие признаки кризисных явлений:

1. Нарушение частью государств или их объединениями основополагающих общепризнанных принципов и норм международного права, закрепленных в Уставе ООН и универсальных конвенциях. Например, до сих пор не разработана четкая иерархия источников международного права, что позволяет использовать как те источники, которые определены в ст. 38 Статута Международного суда ООН 1945 года¹, так и другие.

2. Возникновение в разных точках земного шара очагов нестабильности и напряженности, вызванных несоблюдением норм международного права. Так, 17 февраля 2008 года в одностороннем порядке парламент автономного

¹ Статут Международного Суда ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml> (дата обращения: 21.03.2024).

края Косово провозгласил независимость от Сербии, что являлось не только нарушением норм Конституции Сербии, но и Резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 от 1999 года, санкционировавшей международное гражданское и военное присутствие в Союзной Республике Югославия и учреждение Миссии ООН по делам временной администрации в Косове². Несмотря на это, уже на следующий день независимость Косово признали США, Великобритания, Франция, Италия, Афганистан и Тайвань.

3. Неспособность части государств обеспечить реализацию прав человека на достойное существование, а иногда даже права на жизнь. Например, новым вызовом для мирового сообщества стала цифровизация, которая, с одной стороны, упрощает многие сферы жизнедеятельности человека и способствует реализации многих политических и социальных прав человека, но с другой — усиливает неравенство, поскольку доступ к цифровой среде может существенно различаться в разных странах в зависимости от уровня развития, делает незащищенной личную сферу, позволяет использовать разнообразные мошеннические схемы.

4. Безнаказанность за совершение преступлений, в том числе военных (недостаточная разработанность института международной ответственности, в том числе индивидуальной международной уголовной ответственности).

5. Фрагментация международного права, которая разрушает цементирующее начало международно-правовых норм, делая каждую отрасль международного права как бы самостоятельной, мало связанной с другими. Данное явление очень неоднозначно: это и проявление болезни роста, повышения значимости международного права в регулировании самых разнообразных международных отношений, и индикатор нарастающего кризиса, который может разрушить сложившуюся систему.

6. Политизированность науки международного права. В частности, международно-правовая наука имеет значительный опыт 150-летнего существования Института международного права, который в самые драматичные моменты как неофициальное научное сообщество никогда не давал неподготовленную оценку событиям международной жизни. Однако в 2022–2023 годах он дважды отступил от сложившихся более чем за 100-летнюю историю правил и сначала принял Декларацию об агрессии в Украине³, а затем Декларацию о нынешней ситуации на Ближнем Востоке⁴. Многие специалисты оценили их как нарушение принципа беспристрастности.

² Resolution 1244 (1999): adopted by the Security Council at its 4011th meeting, on 10 June 1999 [Electronic resource]. URL: [https://undocs.org/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/S/RES/1244(1999)) (accessed: 21.03.2024).

³ Declaration of the Institute of international law on aggression in Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://www.idi-iil.org/app/uploads/2022/03/Declaration-of-the-Institute-of-International-Law-on-Aggression-in-Ukraine-1-March-2022-EN.pdf> (accessed: 23.03.2024).

⁴ Declaration of the Institute of international law on the present situation in the Middle East [Electronic resource]. URL: <https://www.idi-iil.org/app/uploads/2023/11/DECLARATION-OF-THE-INSTITUTE-OF-INTERNATIONAL-LAW-adopted-19-November-2023.pdf> (accessed: 23.03.2024).

7. Языковые коллизии в международно-правовых документах. Например, хрестоматийной является ситуация, сложившаяся после принятия Конвенций на Первой и Второй Гаагских конференциях мира. В российском варианте это была Конвенция о мирном разрешении международных столкновений⁵, в английском — Конвенция о мирном разрешении международных споров, а во французском — Конвенция о мирном разрешении международных конфликтов.

8. Резкое столкновение мнений относительно отдельных периодов истории международного права, порождающее новые международные конфликты. Так, недостаточное обращение мирового сообщества к проблеме сохранения памяти о Второй мировой войне в последние десятилетия, прежде всего в рамках ООН, суживание истории до отдельных фрагментов, привело к тому, что фактически стали пересматриваться итоги Нюрнбергского и Токийского трибуналов, распалась та система баланса сил, которая с таким трудом была создана в первые послевоенные годы.

Обращение к истории позволяет выделить такие способы преодоления кризисных ситуаций в международном праве, как:

1) продолжение процесса кодификации норм международного права по отраслевому принципу. Например, многие нормы международного морского права сложились еще в Древнем мире, постепенно развивались и систематизировались (достаточно вспомнить морской сборник XIII–XIV веков *Consolato del mare*), однако к середине XX века стало понятно, что необходима кодификация, соответствующая уровню развития мирового сообщества. Несмотря на все трудности и продолжительную работу, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года⁶ является прекрасным примером совместной работы, позволившей не только систематизировать существующие нормы, решить новые проблемы, связанные с освоением Мирового океана, но и создать новый орган международного правосудия — Международный трибунал по морскому праву;

2) широкое применение мирных способов разрешения международных споров, часть которых складывалась веками. Например, международное третейское разбирательство было известно с Древнего мира, международный арбитраж — с эпохи Средних веков, в XX веке не раз активно использовались переговоры, обследования, обращение в международные суды. Но при этом не до конца был использован потенциал международных механизмов в предотвращении и преодолении войн памяти, касающихся событий колониального прошлого, Второй мировой войны и т. д. Эта проблема является очень болезненной и должна найти свое место в решениях международных органов;

3) использование потенциала лучших научных сообществ, в рамках которых не раз вырабатывались решения самых болезненных вопросов. Деятельность Всемирной ассоциации международного права, Института международного

⁵ Конвенция о мирном разрешении международных столкновений от 18 октября 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. XXIX. СПб., 1912.

⁶ URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 23.03.2024).

права, других научных добровольных организаций много раз доказывала эффективность диалога между юристами-международниками различных стран. Например, еще в 1924 году Институт международного права разработал и предложил первый в истории текст Декларации прав ребенка, которую представил в Лигу Наций. Документ не был принят, но показал вектор развития одного из направлений международного права — прав человека;

4) постоянный диалог субъектов международного права об оптимальном сочетании глобальных и национальных интересов. Так, Вестфальский конгресс 1648 года провозгласил принцип государственного суверенитета, понимаемый в то время как суверенитет от религиозной власти. Без данного этапа, вероятно, человечество не смогло бы перейти к следующему этапу и закреплению в Уставе ООН принципа суверенного равенства государства и уважения прав, присущих суверенитету;

5) принятие общеобязательного документа о международно-правовой ответственности или по меньшей мере развитие данного института. Обращение внимания на данную проблему не только с точки зрения ответственности государств, но и международных организаций. Ярким позитивным примером является Проект статей об ответственности государств за международные противоправные деяния 2001 года⁷;

6) использование потенциала международных неправительственных организаций. Например, И. И. Лукашук еще в начале XXI века писал о том, что на современном этапе складываются условия для формирования международного гражданского общества [11];

7) совершенствование языка международно-правовых документов. Например, отказ от модернизации и новых переводов международно-правовых документов прошлого, для того чтобы избежать путаницы и неточностей. Например, в официальном переводе на русский язык Устава Международного военного трибунала (Нюрнбергский трибунал) 1945 года применялся термин «преступления против человечества», но в переводе, размещенном в настоящее время на сайте ООН, используется термин «преступления против человечности», как в Римском статуте Международного уголовного суда.

Заключение

Таким образом, на современном этапе человечество имеет достаточно богатый арсенал тех методов и инструментов, которые способствуют как предотвращению, так и преодолению кризисов международно-правовой системы. Большую роль в процессе недопущения возникновения и нарастания кризисов на международной арене играет провозглашение и закрепление

⁷ Ответственность государств за международно-противоправные деяния: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 года № 56/83 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2565571/> (дата обращения: 23.03.2024).

принципов международного права, которым должны соответствовать все международно-правовые нормы, диалог акторов, кодификация различных отраслей международного права, использование потенциала научных объединений юристов-международников, разрабатывающих на доктринальном уровне различные подходы к решению сложных проблем международной жизни, постоянная работа над языковыми конструкциями международных договоров, не позволяющими по-разному толковать одни и те же нормы. Если же развитие кризиса остановить не удалось, выходу из него могут способствовать: ориентация на мирные средства разрешения международных споров, проведение международных конференций для создания условий, способствующих переговорному процессу, иногда создание новых международных организаций, развитие института международно-правовой ответственности и т. д.

На современном этапе наукой международного права сформирован комплекс индикаторов, позволяющий установить, что кризисные явления нарастают, выработана целая система мер, которые могут препятствовать развитию кризиса или способствуют его преодолению. Задача заключается в том, чтобы использовать накопленный веками опыт для предотвращения и преодоления кризисных явлений в международном праве.

Список источников

1. Абдуллаев Э. Э. Кризис системы международного трудового права и его причины // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса. М.: Инфинити, 2023. Т. 1. С. 30–36.
2. Александров А. А. Приходящее и вечное: культура и право в условиях международного кризиса // Право и управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 98–101.
3. Алешина А. В. Институт наследования по завещанию в международном частном праве: преодоление кризисов правового регулирования на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3 (52). С. 27–31.
4. Алферова Е. В. Кризис международного права: причины и пути выхода (обзор) // Современное международное право: отечественные и зарубежные исследования: сборник научных трудов. Серия «Правоведение» / отв. ред. Е. В. Алферова. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. С. 14–29.
5. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43–54.
6. Грудинин Н. С. Проблемы и перспективы развития демократии и демократических институтов в условиях кризиса международного права // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей Международной научно-практической конференции. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. С. 99–101.
7. Гуськова Е. Ю. Международное право для избранных: уроки балканского кризиса // Обозреватель. 2020. № 5 (364). С. 93–102.
8. Камаровский Л. А. О международном суде. М.: Типография Т. Малинского, 1881. 542 с.
9. Котляревский С. А. Кризис международного права // Право и Жизнь. 1922. Книга 1 (июнь). С. 80–82.

10. Левин Б. Д. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX вв. М.: Наука, 1982. 197 с.
11. Лукашук И. И. Глобализация и международное сообщество // Право и политика. 2000. № 4. С. 105–114.
12. Матчанова З. Ш. Развитие института ответственности в международном публичном праве в контексте актуальной международно-правовой проблематики // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 42–52.
13. Международное право / под общ. ред. В. Н. Дурденевского и С. Б. Крылова. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. 622 с.
14. Мезяев А. Б. Некоторые вопросы международного права в связи с гамбийским кризисом 2016–2017 годов // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XV Международного конгресса: в 3 ч. Ч. 2. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. С. 254–258.
15. Наумов А. В. Как преодолеть кризис международного права? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 477–479.
16. Пашенцев Д. А. Правовые традиции России и развитие международных экономических организаций // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2015. № 3 (19). С. 26–30.
17. Рушниченко Б. В. Институциональный кризис институтов международного права // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. С. 71–76.
18. Саврыга К. П. Украинский кризис и международное право: вооруженный конфликт на востоке Украины и сецессия Крыма // Право и политика. 2015. № 7. С. 954–967.
19. Толстых В. Л. Кризис международного права: диагноз // Закон. 2022. № 12. С. 122–133.
20. Филатова У. Б. Формирование принципов международного частного права — шаг к преодолению глобального экономического кризиса // Экономический кризис и возможные пути его преодоления: сборник трудов Международной научно-практической конференции / под ред. В. И. Самарухи, Ж.-П. Гишара. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2010. С. 213–221.

References

1. Abdullaev E. E. Krizis sistemy` mezhhdunarodnogo trudovogo prava i ego prichiny` // Vy`sshaya shkola: nauchny`e issledovaniya: materialy` Mezhvuzovskogo mezhhdunarodnogo kongressa. M.: Infiniti, 2023. T. 1. S. 30–36.
2. Aleksandrov A. A. Prirodyashhee i vechnoe: kul`tura i pravo v usloviyax mezhhdunarodnogo krizisa // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2014. № 2 (31). S. 98–101.
3. Aleshina A. V. Institut nasledovaniya po zaveshhaniyu v mezhhdunarodnom chastnom prave: preodolenie krizisov pravovogo regulirovaniya na sovremennom e`tape // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2021. № 3 (52). S. 27–31.
4. Alferova E. V. Krizis mezhhdunarodnogo prava: prichiny` i puti vy`xoda (obzor) // Sovremennoe mezhhdunarodnoe pravo: otechestvenny`e i zarubezhny`e issledovaniya: sbornik nauchny`x trudov. Seriya «Pravovedenie» / отв. ред. E. V. Alferova. M.: Institut nauchnoj informacii po obshhestvenny`m naukam RAN, 2016. S. 14–29.
5. Vlasenko N. A. Krizis prava: problemy` i podxody` k resheniyu // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 8. S. 43–54.

6. Grudin N. S. Problemy` i perspektivy` razvitiya demokratii i demokraticeskix institutov v usloviyax krizisa mezhdunarodnogo prava // Pravovy`e problemy` ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tomsk: Nacional`nyj issledovatel`skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 99–101.
7. Gus`kova E. Yu. Mezhdunarodnoe pravo dlya izbranny`x: uroki balkanskogo krizisa // Obozrevatel`. 2020. № 5 (364). S. 93–102.
8. Kamarovskij L. A. O mezhdunarodnom sude. M.: Tipografiya T. Malinskogo, 1881. 542 s.
9. Kotlyarevskij S. A. Krizis mezhdunarodnogo prava // Pravo i Zhizn`. 1922. Kniga 1 (iyun`). S. 80–82.
10. Levin B. D. Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v konce XIX i nachale XX vv. M.: Nauka, 1982. 197 s.
11. Lukashuk I. I. Globalizaciya i mezhdunarodnoe soobshhestvo // Pravo i politika. 2000. № 4. S. 105–114.
12. Matchanova Z. SH. Razvitie instituta otvetstvennosti v mezhdunarodnom publicnom prave v kontekste aktual`noj mezhdunarodno-pravovoj problematiki // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 3 (51). S. 42–52.
13. Mezhdunarodnoe pravo / pod obshh. red. V. N. Durdenevskogo i S. B. Kry`lova. M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo Ministerstva yusticii SSSR, 1947. 622 c.
14. Mezyaev A. B. Nekotory`e voprosy` mezhdunarodnogo prava v svyazi s gambijskim krizisom 2016–2017 godov // Aktual`ny`e problemy` sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy` XV Mezhdunarodnogo kongressa: v 3 ch. Ch. 2. / otv. red. A. X. Abashidze, N. N. Emel`yanova. M.: Rossijskij universitet druzhby` narodov, 2018. S. 254–258.
15. Naumov A. V. Kak preodolet` krizis mezhdunarodnogo prava? // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy` XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: RG-Press, 2015. S. 477–479.
16. Pashencev D. A. Pravovy`e tradicii Rossii i razvitie mezhdunarodny`x e`konomicheskix organizacij // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 3 (19). S. 26–30.
17. Rushnichenko B. V. Institucional`nyj krizis institutov mezhdunarodnogo prava // Aktual`ny`e problemy` pravosudiya i pravooxranitel`noj deyatel`nosti: materialy` III Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pyatigorsk: Pyatigorskij gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 71–76.
18. Savry`ga K. P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnoe pravo: vooruzhennyj konflikt na vostoce Ukrainy` i secessiya Kry`ma // Pravo i politika. 2015. № 7. S. 954–967.
19. Tolsty`x V. L. Krizis mezhdunarodnogo prava: diagnoz // Zakon. 2022. № 12. S. 122–133.
20. Filatova U. B. Formirovanie principov mezhdunarodnogo chastnogo prava — shag k preodoleniyu global`nogo e`konomicheskogo krizisa // E`konomicheskij krizis i vozmozhny`e puti ego preodoleniya: sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. V. I. Samaruxi, Zh.-P. Gishara. Irkutsk: Bajkal`skij gosudarstvennyj universitet, 2010. S. 213–221.

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024;
одобрена после рецензирования: 18.02.2024;
принята к публикации: 20.02.2024.

The article was submitted: 10.02.2024;
approved after reviewing: 18.02.2024;
accepted for publication: 20.02.2024.

УДК 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.06

Ю. В. Куракина

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
kurakinauv@mgpu.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВА РЕБЕНКА НА ИГРУ

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей, присущих праву ребенка на игру, и формулированию определения понятия «право ребенка на игру». В основе исследования лежит диалектический метод познания. Общенаучные и частнонаучные методы анализа, синтеза, индукции, а также формально-юридический метод позволяют сформулировать определение понятий «игра» и «право ребенка на игру». Междисциплинарный подход к исследуемой проблеме выявляет глубину и разнообразие анализируемых понятий. В статье дается определение понятиям «игра» и «право ребенка на игру»; разграничиваются подходы к феномену игры с точки зрения теории права и педагогической науки; называются критерии, позволяющие охарактеризовать понятие «право ребенка на игру» — признаки игры, место права на игру в системе прав человека, взаимосвязь права ребенка на игру с периодом существования потребности ребенка играть.

Ключевые слова: права ребенка; право ребенка на игру; игра; свобода игры; потребность личности в развитии.

UDC 342.7

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.06

Yu. V. Kurakina

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
kurakinauv@mgpu.ru

THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF A CHILD'S RIGHT TO PLAY

Abstract. The purpose of the study was to identify the features inherent in the child's right to play and to formulate a definition of the concept "child's right to play". The dialectical method of cognition underlies the study. General scientific and special scientific methods of analysis, synthesis, induction, as well as the formal legal method made it possible to formulate a definition of the concepts of "play" and "the child's right to play". An interdisciplinary approach to the problem under study reveals the depth and diversity of the analyzed concepts. The article defines the concepts of "play" and "the child's right to play". The approaches to the game phenomenon are differentiated from the point of view of legal theory and pedagogical science. Criteria are named that make it possible to characterize the concept of "the child's right to play", the characteristics of play, the place of the right to play in the system of human rights, the relationship of the child's right to play with the period of existence of the child's need to play.

Keywords: children's rights; the child's right to play; a game; freedom of play; personality need for development.

Введение

При всем многообразии прав ребенка, закрепленных на международном и внутригосударственном уровне, право ребенка на игру является особым институтом, отличающимся уникальным набором характеристик. Свообразие данного права обусловлено игрой как явлением, способным меняться вместе с развитием личности, возникая из потребности в деятельности и продолжая существовать в качестве возможности получать новые знания, умения, навыки, развиваться физически, интеллектуально, творчески, а также в качестве возможности сменить определенный вид деятельности, например во время досуга. Однако закрепление права на игру в нормативных правовых актах затрагивает глубинные аспекты данной деятельности и напрямую связывает потребность детей играть с обязанностью взрослых не мешать им, а кроме того, с необходимостью обеспечить условия для безопасной свободной игры, в которой правила устанавливают сами дети. Речь идет не о дидактических или иных играх, возникающих по инициативе взрослого, а о «добровольной свободной детской деятельности» [16, с. 7].

Основное исследование

В педагогической научной литературе феномен игры достаточно исследован: определено понятие, названы признаки, функции, игры классифицированы в зависимости от различных критериев. Так как педагог является вторым после родителей взрослым лицом, непосредственно общающимся с ребенком, то именно он использует игру в дидактических целях, обучая. В рамках педагогической науки потенциал игры используется эффективно, игровые образовательные технологии прочно вошли в инструментарий педагога на всех уровнях реализации образовательных программ. Однако право ребенка на игру предполагает свободную деятельность, не нуждающуюся в сопровождении взрослого, что и определяет теоретико-правовые характеристики данного права.

Понятие игры

Прежде всего следует определить понятие «игра», так как феномен игры содержит в себе свойства, которые существенно влияют на формирование правовой составляющей данного вида деятельности.

В юридической литературе игре посвящено небольшое количество работ, в которых игра выступает в качестве части теоретико-игрового подхода в праве [4; 10], рассматриваются правила игры как разновидность социальных норм [13, с. 7], исследуется тема игры как фактора правового нигилизма в России [3] и др.

Е. О. Смирнова в статье «Игра в современном дошкольном образовании» формулирует признаки игры с точки зрения ее значения для права ребенка: свободная активность, эмоциональный подъем, спонтанное, непредсказуемое опробование себя и др. [15, с. 93–94, 96].

В философском словаре игра представлена как физическая и интеллектуальная деятельность, предполагающая самореализацию вне существующей социальной роли человека [11, с. 252]. Х.-Г. Гадамер называет игрой «совершение движения как такового». При этом акцент делается на бесконечном количестве бесцельных повторений этого движения играющим [2, с. 149].

Е. В. Крутых и А. В. Крутых подробно рассматривают дефиниции игры в гуманитарных науках, уделяя внимание культурологическому, психологическому и педагогическому подходам, при этом исследователи приходят к выводу, что единого определения понятия «игра» нет [7, с. 76]. Следует согласиться с данным утверждением и сделать вывод, что глубина и разносторонность феномена игры позволяет рассматривать его с точки зрения многих наук.

Б. И. Кононенко среди прочих определений игры говорит о непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в результатах, а в самом процессе, и о форме свободного самовыражения человека, которая может быть представлена в виде состязаний, ситуаций или состояний [6, с. 148].

В педагогике игра — форма деятельности, воссоздающая общественный опыт в условных ситуациях [14, с. 98–99; 18].

Психологи обращают внимание на умение индивида в игровой деятельности преобразовать действительность и транслировать свое мнение об окружающем мире [5, с. 110].

Исходя из предложенных определений, следует сделать вывод, что игра — это форма самовыражения и вид деятельности личности, не всегда направленные на результат.

Для правовой характеристики данного явления имеют значение его признаки и свойства. Например, игра как форма самовыражения личности связана с творческим началом, которое лежит в основе развития любого человека и является неотъемлемой частью его права на развитие. Игра как движение предполагает удовлетворение естественных потребностей человека и обуславливает естественный характер права ребенка на игру. Игра как деятельность подразумевает создание условий для обеспечения возможности ребенка действовать согласно своим потребностям, что проявляется в создании правовых гарантий реализации права ребенка. Возможность самостоятельно устанавливать правила, выбирать товарищей, а также условия действия предполагают свободу, то есть возможность выбора варианта поведения, что в правовом контексте звучит как свобода творчества, свобода самовыражения. Правила игры предлагают детям действовать в своеобразном периметре, формирующем готовность существовать в установленных рамках поведения и, следовательно, создает предпосылки для становления общей и правовой культуры личности. Принцип справедливости проявляется при наблюдении за игрой других участников или взрослых, на данный момент не занятых в процессе.

Таким образом, определение понятия «игра» с правовой точки зрения и в контексте права ребенка на игру может быть сформулировано так: игра — это вид свободной деятельности ребенка, направленной на отражение действительности, предполагающей удовлетворение потребности личности в развитии, выражение творческого начала человека, а также действие по определенным, установленным играющими правилам.

Место права ребенка на игру в системе прав человека

В соответствии с Конвенцией о правах ребенка¹, государства-участники признают право ребенка на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту, и свободно принимать участие в культурной жизни и заниматься искусством. Законодательство Российской Федерации не содержит формулировку «право на игру», однако деятельность государства направлена на обеспечение данного права, что выражается в поощрении игровых форм деятельности в образовательном процессе, строительстве детских площадок, парков-аттракционов, организации детских пространств в торговых центрах, обеспечении разнообразия игрушек в магазинах.

¹ Конвенция о правах ребенка: Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 23.03.2024).

Право ребенка на игру, как и все основные права человека, неотчуждаемо и принадлежит каждому от рождения. Эти свойства основных прав человека обусловлены необходимостью удовлетворения естественных потребностей. Ребенок находится в движении и отражает воспринимаемую действительность: подражает старшим, животным, исследует предметы на вкус, состав и прочность — делает все, чтобы развиваться на начальном этапе своей жизни. Л. С. Выготский связывает игру с созреванием потребностей ребенка, что способствует его психологическому развитию и становлению: «в игре ребенок научается действовать в познаваемой, т. е. в мысленной, а не видимой ситуации, опираясь на внутренние тенденции и мотивы, а не на мотивы и побуждения, которые идут от вещи» [1, с. 210].

Вначале восприятие стимулирует младенца к деятельности (младенца заинтересовала игрушка или какая-либо вещь, он тянет к ней руки), то есть вещи диктуют, побуждают к деятельности. В игре вещи теряют свой побудительный характер. Постепенно мысль отделяется от вещи, и приблизительно к трем годам дети начинают играть с мнимой ситуацией, в которой присутствуют правила, предполагающие их добровольное соблюдение (игра в доктора, дочки-матери, в магазин). В школьном возрасте происходит разделение игры и труда. Впоследствии игра меняет свои смысловые характеристики, поскольку происходит общее изменение сознания и потребностей ребенка.

Право ребенка на игру понимается так же, как и свобода игры, поскольку та спонтанная деятельность, которую воспроизводит ребенок, целиком зависит от него и не предполагает руководство извне, то есть ребенок в момент игры пребывает в состоянии свободы. В педагогической науке свобода игры понимается как проявление творчества, но обязательно направляемого и контролируемого взрослым, так как «только при правильном и своевременном вмешательстве воспитательницы игра может быть полноценной, обеспечивающей развитие ребенка» [17]. Получается, что мы имеем дело со свободой позитивной, предполагающей обеспечение достойного существования, самоопределения, самовыражения, реализации творческих способностей, следовательно, право ребенка на игру имеет отношение ко второму поколению прав человека и является культурным правом.

В таком случае право ребенка на игру — это личное или культурное право? На первый взгляд аргументы, представленные в защиту каждой позиции, противоречат друг другу, однако противоречие иллюзорно, так как многие права человека могут быть различно идентифицированы с точки зрения классификации по сферам жизнедеятельности; право ребенка на игру относится к таким правам. Оно может быть представлено как личное право, исходя из свободы игры и прямой взаимосвязи с правом на развитие; как социальное право, принимая во внимание создание государством и родителями (законными представителями) ребенка условий [8, с. 124], гарантирующих возможность реализовать эту игру полноценно; как экономическое право — с точки зрения финансирования данных социальных проектов; как культурное право —

в качестве закономерности интеллектуального и духовного развития человека, возможности через игровые формы приобщаться к культурному наследию человечества — ценностям, обычаям, обрядам, знаниям и прочим способам коммуникации людей.

Период востребованности и существования права ребенка на игру

Еще один значимый аспект правовой характеристики права ребенка на игру связан с временным диапазоном. С одной стороны, с правовой точки зрения все определено: если это право ребенка, значит, оно возникает с момента рождения и заканчивается совершеннолетием. Теоретически предполагается, что потребность и возможность играть заканчивается с наступлением 18 лет. С другой стороны, не все так просто. Игра как вид деятельности сопровождает человека на протяжении всей жизни, существенно меняя свои функциональные характеристики. И если для дошкольника игра является одним из основных видов деятельности, то взрослый человек видит в игре возможность сменить свой род занятий (исключение составляют спортивные игры, спектакли, выступления, предполагающие драматическую игру, игру на музыкальных инструментах и прочую профессионально осуществляемую деятельность). Поэтому законодательное закрепление права на игру связано с необходимостью обеспечить реализацию данного права ребенку.

Момент утраты потребности в реализации этого права невозможно определить, он напрямую связан с индивидуальными особенностями развития ребенка [9, с. 27]. В этом случае педагоги говорят о неизбежности гибели игры. Д. Б. Эльконин утверждал, что «игра сама в себе содержит гибель: из нее рождается потребность в настоящей, серьезной общественно значимой деятельности, что становится важнейшей предпосылкой для перехода к учению» (цит. по: [12]). Причем точно момент гибели игры для человека установить нельзя, кто-то его достигает раньше, кто-то позже, но очевидно, что это происходит в период взросления и до достижения совершеннолетия. Следует предположить, что, формулируя данное право ребенка и не упоминая право на игру среди прав совершеннолетнего лица, правоведы учитывали именно этот аспект.

Выводы

Основываясь на представленных в исследовании характеристиках права ребенка на игру, его можно определить как право ребенка, предполагающее возможность реализации свободной деятельности, направленной на удовлетворение потребности личности в развитии, творческом самовыражении, осуществляемой по самостоятельно установленным играющим ребенком правилам.

Право ребенка на игру, при всей простоте его восприятия и, казалось бы, однозначности толкования, содержит в себе уникальные свойства, обусловленные психологическими, педагогическими, экономическими, социальными, культурологическими и иными особенностями. Дальнейшее детальное рассмотрение данного права может быть направлено на выявление проблем, связанных с его реализацией.

Список источников

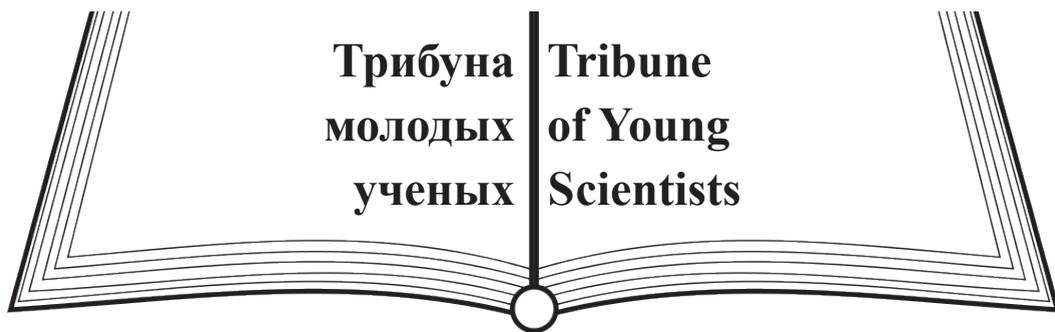
1. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Смысл: Эксмо, 2004. 512 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Глухарева Л. И. Игра в праве как фактор правового нигилизма в России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. № 1 (3). С. 11–19.
4. Дегтерев Д. А. Теоретико-игровой подход в правовых исследованиях // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 90–96.
5. Дурасова Е. А. Креативный потенциал психологической игры // Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4, № 3. С. 109–114.
6. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече: АСТ, 2003. 509 с.
7. Крутых Е. В., Крутых А. В. Дефиниции игры в гуманитарных науках // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8–4 (50). С. 73–76.
8. Куракина Ю. В. Понятия «права человека» и «права гражданина» в законодательстве и научной литературе // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2008. № 1 (1). С. 120–125.
9. Куракина Ю. В. Права ребенка: к вопросу об определении понятия // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1 (45). С. 23–32.
10. Мартьянова Е. Ю. Теоретико-игровой подход в праве // Математическая теория игр и ее приложения. 2022. Т. 14, № 2. С. 51–63.
11. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. 896 с.
12. Обухова Л. Ф. Детская (возрастная) психология: учебник. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 374 с.
13. Орлова Л. А. Право и правила игры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2011. 34 с.
14. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 527 с.
15. Смирнова Е. О. Игра в современном дошкольном образовании [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 3. С. 92–98. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62459
16. Смирнова Е. О., Соколова М. В. Право на игру: новый комментарий к статье 31 Конвенции о правах ребенка // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 18, № 1. С. 5–10.
17. Фрадкина Ф. И. Этапы развития игры в раннем детстве // Лехтман-Абрамович Р. Я., Фрадкина Ф. И. Этапы развития игры и действий с предметами в раннем детстве. М.–Л.: Медгиз, 1949. С. 41–73.
18. Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: RUGRAM, 2022. 228 с.

References

1. Vy'gotskij L. S. Psixologiya razvitiya rebenka. M.: Smy'sl: E'ksmo, 2004. 512 s.
2. Gadamer X.-G. Istina i metod: osnovy' filosofskoj germenевtiki: per. s nem. / obshh. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. M.: Progress, 1988. 704 s.
3. Gluxareva L. I. Igra v prave kak faktor pravovogo nigilizma v Rossii // Vestnik RGGU. Seriya «E'konomika. Upravlenie. Pravo». 2016. № 1 (3). S. 11–19.
4. Degterev D. A. Teoretiko-igrovoj podxod v pravovy'x issledovaniyax // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2013. № 2 (27). S. 90–96.
5. Durasova E. A. Kreativny'j potencial psixologicheskoy igry' // Pedagogika: istoriya, perspektivy'. 2021. T. 4, № 3. S. 109–114.
6. Kononenko B. I. Bol'shoj tolkovy'j slovar' po kul'turologii. M.: Veche: AST, 2003. 509 s.
7. Kruty'x E. V., Kruty'x A. V. Definicii igry' v gumanitarny'x naukax // Mezhdunarodny'j nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2016. № 8-4 (50). S. 73–76.
8. Kurakina Yu. V. Ponyatiya «prava cheloveka» i «prava grazhdanina» v zakonodatel'stve i nauchnoj literature // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2008. № 1 (1). S. 120–125.
9. Kurakina Yu. V. Prava rebenka: k voprosu ob opredelenii ponyatiya // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2022. № 1 (45). S. 23–32.
10. Mart'yanova E. Yu. Teoretiko-igrovoj podxod v prave // Matematicheskaya teoriya igri i ee prilozheniya. 2022. T.14, № 2. S. 51–63.
11. Novejsnij filosofskij slovar' / sost. A. A. Griczanov. Minsk: Izd. V. M. Skakun, 1998. 896 s.
12. Obuxova L. F. Detskaya (vozrastnaya) psixologiya: uchebnik. M.: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1996. 374 s.
13. Orlova L. A. Pravo i pravila igry': avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. N. Novgorod, 2011. 34 s.
14. Pedagogicheskij e'nciklopedicheskij slovar' / gl. red. B. M. Bim-Bad. M.: Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya, 2002. 527 s.
15. Smirnova E. O. Igra v sovremennom doshkol'nom obrazovanii [E'lektronny'j resurs] // Psixologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 92–98. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62459
16. Smirnova E. O., Sokolova M. V. Pravo na igru: novy'j kommentarij k stat'e 31 Konvencii o pravax rebenka // Psixologicheskaya nauka i obrazovanie. 2013. T. 18, № 1. S. 5–10.
17. Fradkina F. I. E'tapy' razvitiya igry' v rannem detstve // Lextman-Abramovich R. Ya., Fradkina F. I. E'tapy' razvitiya igry' i dejstvij s predmetami v rannem detstve. M.–L.: Medgiz, 1949. S. 41–73.
18. E'l'konin D. B. Psixologiya igry'. M.: RUGRAM, 2022. 228 s.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024;
одобрена после рецензирования: 15.02.2024;
принята к публикации: 20.02.2024.

The article was submitted: 12.02.2024;
approved after reviewing: 15.02.2024;
accepted for publication: 20.02.2024.

УДК 340.136

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.07

Д. А. Абдиева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
abdieva.izisp@mail.ru

ЦИКЛИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ МАССИВЫ КАК НЕТИПИЧНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВА ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Аннотация. Цель статьи — анализ циклических правовых массивов, которые формируются в системе права при переходе к новому технологическому укладу. Для достижения этой цели были применены методы юридического исследования, включая формально-юридический и системно-структурный. В статье показано, что вызовы технологического уклада и связанные с его становлением процессы порождают формирование новых структурных элементов — циклических правовых массивов. Они не входят в существующие отрасли права. Полученные в результате исследования выводы и рекомендации могут быть использованы для совершенствования правового регулирования на национальном и международном уровнях, что способствует повышению устойчивости правовой системы, ее адаптации к новым социально-экономическим и технологическим реалиям.

Ключевые слова: шестой технологический уклад; циклические правовые массивы; законодательство; система права; цифровизация; устойчивое развитие.

UDC 340.136

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.07

D. A. Abdieva

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
abdieva.izisp@mail.ru

CYCLIC LEGAL ARRAYS AS ATYPICAL FORMATIONS IN THE SYSTEM OF LAW OF THE SIXTH TECHNOLOGICAL ORDER

Abstract. The purpose of the article is to analyze the cyclical legal arrays that are formed in the legal system during the transition to a new technological order. To achieve this goal, legal research methods were used, including formal legal and systemic structural ones. The article shows that the challenges of the technological order and the processes associated with its formation generate the formation of new structural elements — cyclic legal arrays. They are not included in the existing branches of law. The conclusions and recommendations obtained as a result of the study can be used to improve legal regulation at the national and international levels, which contributes to increasing the stability of the legal system, its adaptation to new socio-economic and technological realities.

Keywords: sixth technological order; cyclical legal arrays; legislation; legal system; digitalization; sustainable development.

Введение

В условиях постоянного технологического прогресса и эволюции социально-экономических систем общества законодатель постоянно сталкивается с необходимостью адаптации правового регулирования к новым реалиям [1, с. 73]. Это порождает интерес к такому понятию, как циклический правовой массив, который предполагает развитие правовых систем как динамичных, гибких конструкций, способных к самообновлению [2]. В условиях активного развития новых технологий, прежде всего цифровых, система права подвергается существенной трансформации, меняется соотношение между ее элементами, появляются новые образования [6, с. 33]. Статья посвящена анализу циклических нормативных массивов в праве, их особенностей, принципов формирования и механизмов функционирования в контексте обеспечения адекватного и своевременного реагирования на вызовы нового технологического уклада.

Основное исследование

В отечественной юридической науке первооткрывателем циклических правовых массивов как новых, нетипичных структурных элементов в составе

системы права является Т. Я. Хабриева. Она пишет: «Циклические правовые массивы получили такое необычное для правовой теории название по причине схожести их визуализированной модели с химическими соединениями, образованными в результате реакции циклизации. Первичным элементом этих массивов являются „кросс-отраслевые“ юридические нормы, которые своеобразно ведут себя внутри системы права, создают специфические связи и занимают в ней особое место» [8, с. 9].

Циклический правовой массив можно рассматривать как систему правового регулирования, которая подчиняется принципам цикличности и постоянного обновления в ответ на изменения в обществе, экономике и технологиях. Такой подход предполагает, что законодательство не является статичным, напротив, оно динамично меняется и развивается путем пересмотра, обновления и адаптации норм и стандартов к текущему контексту общественных отношений и технологическому прогрессу.

Эта концепция признает, что правовые системы должны активно реагировать на постоянные изменения внутренних и внешних условий, обеспечивая актуальность, эффективность и соответствие правового регулирования реалиям современного мира. В рамках различных областей права, от экономических и финансовых до экологических и технологических, циклические правовые массивы способствуют созданию более гибких и устойчивых систем управления, способных адаптироваться и эффективно функционировать в условиях неопределенности и быстрых изменений.

Исходя из вышесказанного, научный интерес представляет рассмотрение, формирование и изменение циклических правовых массивов в различных технологических укладах. Сам термин «технологический уклад» был предложен Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым [3]. Они определяют технологический уклад как устойчивую систему, основанную на замкнутом цикле, от добычи и получения первичных ресурсов до всех этапов их переработки и производства широкого спектра конечных продуктов, которые удовлетворяют потребности общества.

В настоящее время выделяют шесть технологических укладов, разделенных на периоды, с учетом того, что в развитых государствах преобладают технологии пятого уклада, а технологии шестого только формируются [7]. Рассматриваемый технологический уклад характеризуется бурным развитием науки и технологий, социальными изменениями и глобальной интеграцией, что активно влияет на правовую систему и приводит к формированию новых кросс-отраслевых феноменов законодательства. Основной причиной возникновения циклических правовых массивов является комплексное взаимодействие и неоднородность регулируемых общественных отношений.

По нашему мнению, циклические правовые массивы представляют собой определенные этапы развития фрагментов правовой системы, на каждом из которых вырабатываются новые правила и нормы, отражающие изменяющуюся социальную реальность. Эти массивы проходят через циклические фазы

развития: от возникновения нового общественного отношения и его первичного законодательного регулирования до формирования специализированных нормативных актов и создания отдельных отраслей права. Основной движущей силой таких изменений выступают научно-технический прогресс, социально-экономическая трансформация и культурные сдвиги в обществе. Примерами могут служить цифровизация экономики, развитие информационных технологий, переход к устойчивым формам развития, которые приводят к появлению новых сфер жизни общества, требующих правового регулирования.

Относительно новые отрасли законодательства, которые с позиции юридической доктрины можно отнести к циклическим правовым массивам, имеют свои особенности:

- появляются на стыке уже существующих, что требует комплексного анализа общественных отношений и возможных пробелов в их регулировании;
- являются продуктом правового прогнозирования и моделирования развития общественных отношений;
- разработка законодательных норм, включаемых в циклический правовой массив, требует междисциплинарного подхода, то есть комплексного использования научных достижений в различных областях: юриспруденции, экономике, социологии;
- в условиях глобализации и международной интеграции для разработки эффективного правового регулирования необходимо учитывать международно-правовые требования и зарубежный законодательный опыт.

Формирование новых отраслей законодательства является естественным процессом в развитии правовой системы, отражающим динамику социальных изменений. Подход к формированию новых циклических правовых массивов должен быть гибким, прогнозируемым и междисциплинарным, что позволит эффективно реагировать на вызовы времени и обеспечивать справедливое и актуальное регулирование сложных и быстро меняющихся общественных отношений.

В качестве примера циклического правового массива, выделяемого в юридической литературе, можно привести антикоррупционное законодательство, которое обладает всеми признаками циклического правового массива, такими как наличие базового закона, единая цель правового регулирования, которое при этом проявляется, в зависимости от задачи, в иных правовых отраслях [8, с. 12; 2, с. 18].

В условиях современного технологического уклада выделим несколько сформированных и только формирующихся циклических правовых массивов:

- 1) информационное законодательство;
- 2) право устойчивого развития;
- 3) правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют.

Нормы, с помощью которых осуществляется правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют, показывают признаки

циклического массива. В этом относительно новом циклическом правовом массиве имеется базовый закон, содержащий кросс-отраслевые нормы, а также вносящий изменения в отдельные законодательные акты, которые детализированы в них, с учетом специфики общественных отношений.

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон № 259-ФЗ) обозначил важный этап в становлении правовой базы для регулирования сферы цифровых активов в России. Этот закон стал фундаментом для формирования циклической модели правового регулирования, которая подразумевает постоянную рефлексию и адаптацию к изменяющимся условиям технологического и экономического ландшафтов.

Разработанная Т. Я. Хабриевой концепция циклического правового массива подчеркивает необходимость динамичного подхода к формированию законодательной базы [8]. В контексте данной концепции Закон № 259-ФЗ выступает не только как основополагающий документ, но и как стартовая точка для непрерывного цикла обновления и пересмотра правовых норм. Данный процесс включает в себя следующие важнейшие этапы:

- определение и формализация концепций и первоначальных принципов регулирования, что было осуществлено в рамках принятия Закона № 259-ФЗ, сформировавшего основные понятия и рамки для дальнейшего правового регулирования;

- практическое применение как критерий эффективности норм и способ выявить существующие пробелы;

- корректировка и дополнение существующих норм, основанная на анализе полученного опыта и выявленных проблем;

- адаптация к новым условиям и технологическим инновациям, что обеспечивает актуальность и соответствие правовой базы существующим реалиям и способствует созданию благоприятного климата для развития цифровой экономики.

Правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют как циклический правовой массив демонстрирует гибкость и адаптивность правовой системы к технологическим инновациям. В циклическом характере развития такого законодательства отражена постоянная потребность в его актуализации в ответ на появление новых технологий и меняющиеся экономические условия, а также важность создания устойчивых и безопасных условий как для развития инновационных финансовых технологий, так и для защиты интересов участников рынка и общества в целом.

Переходя к информационному законодательству, стоит отметить, что данный циклический правовой массив представляет собой совокупность юридических норм, регулирующих информационные отношения в обществе.

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

Этот массив по своей сути охватывает широкий круг вопросов, связанных с созданием, обработкой, хранением, передачей и защитой информации. Рассмотрение информационного законодательства через призму циклических изменений позволяет выявить ключевые этапы его развития и адаптации к новым социальным и технологическим реалиям.

Первоначально информационное законодательство складывалось вокруг вопросов, связанных с традиционными формами информации — печатными изданиями, телевидением и радиовещанием. Со временем, особенно с появлением и развитием Интернета, возникли новые сферы регулирования, такие как цифровое вещание, персональные данные, интернет-технологии, цифровая экономика и электронное правительство.

В рамках циклического развития можно выделить несколько ключевых этапов:

1. *Предцифровой этап.* Законодательство сосредоточивалось в основном на регулировании традиционных СМИ и защите авторских прав.

2. *Этап цифровой трансформации.* Начало эры Интернета привело к необходимости разработки специализированных норм, регулирующих электронную коммерцию, онлайн-коммуникации и защиту данных в Сети. Именно на данном этапе информационное законодательство трансформируется из подотрасли административного законодательства в циклический правовой массив.

3. *Этап становления цифровых прав и свобод.* С развитием цифровой экономики возникли вопросы цифровых прав, приватности в Интернете и защиты персональных данных, что потребовало дополнительного законодательного регулирования.

4. *Этап адаптации к новым технологиям.* С развитием блокчейна, искусственного интеллекта и больших данных информационное законодательство вступает в новую фазу, требующую адаптации правовых норм к этим технологическим инновациям.

Характерными признаками информационного законодательства как циклического правового массива являются:

– динамичность и адаптивность. Информационное законодательство постоянно развивается в ответ на технологические инновации и изменения в общественных отношениях;

– трансграничный характер. В условиях глобализации информационные потоки пересекают границы, что делает международное сотрудничество и гармонизацию законодательства важными аспектами его эволюции;

– междисциплинарность. Регулирование информационных отношений затрагивает аспекты административного, уголовного, гражданского права и права интеллектуальной собственности, требуя комплексного подхода.

Информационное законодательство как циклический правовой массив демонстрирует, каким образом правовая система может адаптироваться к постоянно меняющемуся технологическому ландшафту и социальным практикам. Оно подчеркивает необходимость постоянного пересмотра и адаптации

нормативных правовых актов для обеспечения защиты прав и свобод человека в условиях цифровизации, а также для поддержания баланса между инновационным развитием и надлежащим правовым регулированием.

Право устойчивого развития как зарождающийся циклический правовой массив в контексте нового технологического уклада общества представляет собой инновационную область правовой науки и практики, обусловленную необходимостью ответа на вызовы и проблемы, порождаемые быстрыми технологическими изменениями, экологическими кризисами и социально-экономическим дисбалансом. Этот правовой массив нацелен на гармонизацию развития технологий и обеспечение экологической безопасности, оптимального сочетания экономической эффективности и социальной справедливости.

1 апреля 1996 года был издан Указ Президента РФ № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»², который определил его цели, задачи, направления и этапы перехода к нему.

Положения Концепции устойчивого развития получили развитие и конкретизацию во многих правовых актах: например, Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года³, Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»⁴, Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Охрана окружающей среды“ на 2012–2020 годы»⁵ и др.

10 января 2002 года в Российской Федерации был принят Федеральный закон от № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁶, в преамбуле которого было закреплено стремление к достижению устойчивого развития. Таким образом, были заложены законодательные основы формирования циклического правового массива права устойчивого развития.

В 2010-е годы вследствие роста промышленного производства проблема устойчивого развития окончательно приобрела глобализированный характер. Была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», которая имеет ключевое значение для формирования права устойчивого развития как циклического правового массива. Этот документ представляет собой глобальный план действий, направленный на искоренение бедности, защиту планеты и обеспечение благополучия для всех, с установлением 17 целей устойчивого развития [4, с. 38]. Реализация данных целей находит отражение в изменениях национального законодательства, что приводит к формированию специфичных детализированных норм в законодательных актах.

² URL: <http://government.ru/docs/all/17992/>

³ URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-v-oblasti-ekologicheskogorazvitiya/>

⁴ URL: <http://government.ru/docs/all/111285/>

⁵ URL: <http://government.ru/docs/all/91504/>

⁶ URL: <http://government.ru/docs/all/97213/>

Влияние международных правовых актов и современных многоаспектных проблем развития привело к институциональным и изоляционным процессам в рамках правового регулирования обеспечения права устойчивого развития. Как отмечает М. В. Мажорина, «право устойчивого развития несводимо к экологическому, климатическому, международному праву, оно инкорпорирует принципы и отдельные институты гражданского, инвестиционного, финансового, банковского, трудового, корпоративного, международного частного права и других отраслей, является сложным и комплексным и требует формирования нового мультизнаниевого ядра» [5, с. 118].

Право устойчивого развития в качестве циклического правового массива имеет следующие характеристики:

1. *Цикличность*, которая предполагает непрерывное обновление и адаптацию правовой базы к новым вызовам и условиям, обусловленным технологическим прогрессом и изменениями в социально-экономических системах.

2. *Кросс-отраслевой характер и междисциплинарность* нормативного содержания. Нормы права устойчивого развития в рамках шестого технологического уклада выделяются из различных отраслей права, а его принципы и нормы основываются на знаниях и методах не только юридической науки, но и экологии, экономики, социологии, обеспечивая комплексный подход к решению проблем развития человечества в XXI веке.

3. *Превентивность и рискориентированный подход*. Нормы устойчивого развития должны предотвращать негативные последствия и минимизировать риски развития технологий и экономики для окружающей среды и общества.

4. *Диалектичность глобального и регионального*. Право устойчивого развития детализируется вследствие влияния международных правовых актов, а проблема устойчивого развития носит глобальный характер, что требует унификации и гармонизации. Одновременно с этим конкретные нормы права устойчивого развития и техническое регулирование должны учитывать местный аспект ввиду уникальности проблем в каждом конкретном регионе. В отечественной правовой системе это может проявляться в широком развитии регионального компонента права устойчивого развития.

5. *Краудсорсинг*. Эффективность формирования и действенность права устойчивого развития во многом зависит от масштаба участия гражданского общества. Активное участие граждан и общественных организаций в процессе разработки и обсуждения правовых актов повышает степень легитимности последних, способствует достижению целей устойчивого развития.

Таким образом, в рамках формирующегося шестого технологического уклада право устойчивого развития детализируется из института экологического права в нетипичный циклический правовой массив. Следовательно, для прогрессивной институализации права устойчивого развития требуется сформировать специфичный правовой инструментарий.

Целью такого циклического правового массива выступает создание баланса между ускоренным технологическим прогрессом и необходимостью

сохранения жизнеспособного окружающего мира для будущих поколений. В соответствии с вышесказанным право устойчивого развития в прогнозируемом будущем, базируясь на инструментарии экологического права, сформирует детализированные правовые нормы в рамках различных отраслей права, таких как административное, гражданское и уголовное право.

Таким образом, вызовы формирующегося шестого технологического уклада порождают создание новых циклических правовых массивов. Такие правовые феномены позволяют динамичной правовой системе эффективно адаптироваться к быстро меняющимся социальным, технологическим и экологическим условиям. Правовое регулирование посредством циклических правовых массивов позволяет не только реагировать на текущие вызовы, но и превентивно — на возможные риски, которые несет ускорение технологического прогресса для стабильности институциональной системы общественных отношений.

Список источников

1. Абдиева Д. А. Виды систематизации законодательства в условиях современной динамики права // Образование и право. 2023. № 6. С. 73–77. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-6-73-77
2. Залоило М. В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государствоведение. 2019. № 1. С. 16–24.
3. Львов Д. С., Глазьев С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986, № 5. С. 793–804.
4. Матвеев В. В. Роль международно-правового регулирования противодействия коррупции в достижении целей устойчивого развития // Международное публичное и частное право. 2023. № 2. С. 37–40. DOI: 10.18572/1812-3910-2023-2-37-40
5. Мажорина М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 5. С. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126
6. Пашенцев Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 4. С. 32–38.
7. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
8. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1

References

1. Abdieva D. A. Vidy` sistematizacii zakonodatel`stva v usloviyax sovremennoj dinamiki prava // Obrazovanie i pravo. 2023. № 6. S. 73–77. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-6-73-77
2. Zaloilo M. V. Ciklicheskij pravovoj massiv kak netipichnoe pravovoe yavlenie v usloviyax cifrovizacii // Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2019. № 1. S. 16–24.
3. L`vov D. S., Glaz`ev S. Yu. Teoreticheskie i prikladny`e aspekty` upravleniya NTP // E`konomika i matematicheskie metody`. 1986, № 5. S. 793–804.

4. Matveev V. V. Rol' mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya protivodejstviya korruptcii v dostizhenii celej ustojchivogo razvitiya // *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2023. № 2. S. 37–40. DOI: 10.18572/1812-3910-2023-2-37-40
5. Mazhorina M. V. Pravo ustojchivogo razvitiya: sushhnost', predmet i metodologiya // *Lex Russica*. 2022. T. 75, № 5. S. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126
6. Pashencev D. A. Sistema prava Rossii v usloviyax perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // *Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2020. № 4. S. 32–38.
7. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. *Smena texnologicheskix ukladov i pravovoe razvitie Rossii: monografiya*. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2021. 184 s.
8. Xabrieva T. Ya. *Ciklicheskie normativny'e massivy` v prave* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2019. № 12. S. 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1

Статья поступила в редакцию: 07.02.2024;
одобрена после рецензирования: 17.02.2024;
принята к публикации: 20.02.2024.

The article was submitted: 07.02.2024;
approved after reviewing: 17.02.2024;
accepted for publication: 20.02.2024.

УДК 347.2

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.08

Н. Ш. Газгиреев

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
nazhmudi98@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования и развития цифровых прав как объекта гражданского права в условиях динамичного развития процесса цифровизации. Цель исследования — выявить особенности правового регулирования цифровых прав как объекта гражданского права в современной России. В статье проанализированы нормы действующего гражданского права России, ориентированные на регламентацию цифровых прав. Выявлено наличие проблемных вопросов и противоречий в данной сфере, предложено продолжить совершенствование законодательства о цифровых правах с учетом мнения представителей научного и бизнес-сообщества. Сделан вывод, что новые правовые решения должны опираться на консенсус в вопросе о том, являются ли цифровые права самостоятельным объектом гражданских прав или речь идет о защите традиционных прав в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: цифровые права; цифровизация; гражданское право; законодательство; правовое регулирование; цифровая среда.

UDC 347.2

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.08

N. Sh. Gazgireev

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
nazhmudi98@mail.ru

**PROBLEMS AND PROSPECTS
OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL RIGHTS
IN RUSSIAN CIVIL LAW**

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of the formation and development of digital rights as an object of civil law in the context of the dynamic development of the digitalization process. The purpose of the study is to identify the features of the legal regulation of digital rights as an object of civil law in modern Russia. The article analyzes the norms of the current civil law of Russia aimed at regulating digital rights.

On this basis, the presence of problematic issues and contradictions in this area was revealed, and it was proposed to continue improving the legislation on digital rights, taking into account the opinion of representatives of the scientific and business community. It is concluded that new legal solutions should be based on consensus on the question of whether digital rights are an independent object of civil rights or whether we are talking about the protection of traditional rights in a digital environment.

Keywords: digital rights; digitalization; civil law; legislation; legal regulation; digital environment.

Введение

В современных условиях одним из факторов, оказывающих существенное влияние на динамику правового регулирования общественных отношений, выступает цифровизация. Развитие цифровых технологий приводит к серьезной трансформации общественных отношений, вслед за которыми меняется и право: в системе права появляются новые институты, иные образования, в том числе нетипичные [5, с. 32]. В связи с этим возникает потребность в совершенствовании нормативно-правового регулирования сложившихся общественных отношений, в том числе в изменении терминологического аппарата, модернизации традиционных методов регулирования, переосмыслении ряда фундаментальных подходов, принятии новых норм.

Цифровизация общественных отношений актуализирует вопрос об объектах гражданских прав, так как в доктрине и практике наблюдается тенденция к их расширению. В настоящее время одним из таких объектов, новых для законодательства, являются цифровые права. Формирование цифрового правового пространства, осуществление коммуникации между участниками рынка в цифровой среде привели к появлению новых цифровых объектов гражданских прав, которые ранее не регулировались действующими нормативными правовыми актами. Развивающиеся цифровые технологии инициируют появление институтов, которые существуют только в цифровой среде, но при этом могут приобретаться и отчуждаться, значит, требуют защиты и регулирования. В настоящее время правовое регулирование общественных отношений в информационной среде находится на стадии формирования [1]. Развитие цифровизации общественных отношений ставит вопрос о возникновении цифровых прав, ранее неизвестных юридической теории и практике. Это, в свою очередь, порождает потребность в разработке и внедрении механизмов эффективного правового регулирования в данной сфере как важного условия динамики гражданско-правовых отношений.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой исследования послужили доктринальные работы в сфере цифровизации и гражданского права. Были использованы общенаучные методы исследования: анализ и синтез, обобщение и систематизация.

С помощью формально-юридического метода были проанализированы нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере, прежде всего Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ). С помощью системно-структурного метода выявлено место норм, регулирующих цифровые права, в системе правового регулирования.

Основное исследование

Возникновение нового вида объектов гражданских прав — цифровых прав — обусловлено активным развитием гражданского оборота в быстро формирующейся цифровой среде. Формируется все больше новых групп общественных отношений, связанных с гражданским оборотом и инициированных осуществлением торговых и коммерческих операций в сети Интернет, созданием нематериальных объектов в виртуальном пространстве. Государство, бизнес и общество выступают частью большой экосистемы цифровой экономики, в современных условиях они активно взаимодействуют между собой посредством цифровых технологий. Развитие гражданского оборота в сети Интернет формирует тенденцию к постоянному увеличению количества совершаемых сделок, возникновению новых правоотношений. Распространение действия гражданского права на виртуальную реальность закономерно привело к постановке важного вопроса о существовании цифровых прав как нового объекта гражданских прав.

В российской и зарубежной юридической доктрине в настоящее время нет единства в понимании сущности цифровых прав. Существует заслуживающая внимания позиция, что цифровые права — это уже давно знакомые универсальные права человека, которые реализуются не в обычной жизни, а в цифровой среде. К их числу относятся, например, право на свободу слова, защиту личных данных, получение достоверной информации и др. [6; 7]. Есть и иная точка зрения, которая исходит из понимания цифровых прав как нового поколения прав человека, которое порождено формированием цифрового общества и цифровой правовой среды. Эта точка зрения повлияла на закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве Российской Федерации, которое было осложнено отсутствием единого понимания этих прав в научной литературе. В целом заслуживает внимания мнение Д. А. Павлова, который полагает, что к цифровым правам возможно применение механизмов защиты и реализации имущественных прав. Речь идет о традиционных для гражданского права способах защиты, но с учетом их адаптации к соответствующим особенностям, которые свойственны цифровым правам [4, с. 14].

В 2019 году вступила в силу ст. 141.1 «Цифровые права» ГК РФ, которая введена в него Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ¹ с целью

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/

совершенствования российского гражданского права с учетом изменившихся общественных отношений. В настоящее время эта статья содержит базовые положения о цифровых правах и цифровых способах заключения сделок, в силу чего формирует основы гражданско-правового регулирования отношений в цифровой сфере. С принятием указанного закона глава «Объекты гражданских прав» Гражданского кодекса была дополнена новым видом имущественных прав, а именно цифровых прав. Тем самым был ликвидирован пробел в законодательстве, вызванный процессами цифровизации общественных отношений. Дополнение российского гражданского законодательства отдельной статьей «Цифровые права» означает признание данных прав в качестве отдельного объекта гражданского права.

Статья 141.1 ГК РФ гласит: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу»². Данная норма встретила неоднозначную оценку в юридическом сообществе, вызвала большое количество продолжающихся дискуссий среди экспертов. Некоторые из них полагают, что данный институт для науки гражданского права не является полностью новым, речь идет об уже известных правах, а цифровизация выступает не содержанием данного права, а исключительно методом оформления сложившихся в гражданской сфере правоотношений. Например, М. А. Рожкова выступает против действующей цивилистической формулировки цифровых прав, которую считает дискуссионной и не вполне состоятельной. По ее мнению, понятие цифровых прав представляется излишним в рамках гражданского права, поскольку оно не имеет соответствующей цели по отношению к правоприменению³.

В целом в рамках действующей редакции ст. 141.1 ГК РФ можно выделить ряд аспектов, которые не в полной мере соотносятся с юридической практикой современной России.

Согласно ст. 141.1 ГК РФ содержание и условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы. Данная формулировка представляется несвободной от противоречий, так как гражданские права прежде всего регламентируются именно гражданским, а не информационным законодательством, а в определенных случаях —

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.03.2024).

³ Рожкова М. А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/8/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse (дата обращения: 20.03.2024).

договором. Сделав акцент на правилах информационной системы, то есть отдав приоритет нормам информационного права, законодатель допустил их внедрение в гражданский оборот, что не вполне верно с точки зрения правовой теории, а на практике может повлечь определенные коллизии, вызвать правовую неопределенность. Главным системообразующим источником в сфере регулирования имущественных и личных неимущественных отношений признается ГК РФ. Следовательно, при регулировании таких отношений, имеющих гражданско-правовую природу, он имеет безусловный приоритет перед иными законодательными актами. Соблюдение данного правила выступает своего рода гарантией сохранения режима законности, служащего, в свою очередь, основой современного правопорядка, сущность которого не меняется от того, формируются ли те или иные группы общественных отношений в обычной или цифровой среде.

Осуществление и распоряжение цифровым правом, согласно законодательству, возможно только в информационной системе без обращения к третьему лицу, что, в свою очередь, противоречит технологическому прогрессу и его юридическому оформлению. Нарушается сама цивилистическая сущность цифровых прав. В современной России гражданский оборот обеспечивает организационно-правовое функционирование информационных систем, которые могут быть использованы третьими лицами и потому представляются вторичными, по сравнению с гражданским оборотом.

Российские ученые отмечают неполноту имеющегося регулирования: «рассматриваемая норма не содержит технологических описаний системы, не упоминает ни о ее распределенном характере, ни о привязке к определенным криптотехнологиям. Требования к таким системам также должны быть определены законом применительно к конкретным видам прав» [2, с. 188].

В настоящее время в действующей редакции ГК РФ не определены и не регламентированы ключевые категории: субъекты цифровых прав; цифровая система; объекты, которые могут быть отнесены к цифровым. Для того чтобы корректно сформулировать само понятие «цифровые права», требуется раскрыть в законодательстве объекты, которые относятся к цифровым, определить их содержание и представить основные характеристики (рисунок), а также условия осуществления субъектами цифровых прав согласно правилам информационной системы, которая, в свою очередь, соответствует установленным законодательством признакам.

В целом анализ действующей редакции ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время понятие «цифровые права», представленное в ст. 141.1, является слишком узким и в некоторой степени противоречит сложившемуся правовому регулированию, его системообразующим принципам. В целях его совершенствования предлагается разработать специальный закон о цифровых правах, который в максимальной степени будет учитывать нормы уже действующего законодательства, а также потребности и механизмы технологического прогресса, развития гражданского оборота в цифровой среде, лучшие зарубежные практики. В данном акте предлагается закрепить приоритет

Источник: подготовлено автором на основе данных источника [3].

Рис. Ключевые характеристики цифровых объектов в современной России

гражданского законодательства и присущих ему механизмов защиты цифровых прав как одного из видов объектов гражданского, а не информационного права.

Разработку такого закона следует осуществлять в контексте широкого сотрудничества органов законодательной власти с представителями гражданского общества и бизнес-структур, всеми заинтересованными лицами, что в итоге поможет учесть современные тенденции развития экономики, избежать излишних противоречий и коллизий, успешно решить задачу создания такого регулирования, которое будет в наибольшей степени отвечать насущным и изменяющимся интересам и потребностям участников экономических отношений, возникающих в цифровой среде.

По мере дальнейшего развития цифровизации, внедрения цифровых технологий во все новые сферы экономики и общественной жизни прогнозируется возрастание числа цифровых объектов, которые могут стать предметом гражданского оборота и потребуют законодательной защиты. В связи с этим предлагается создать постоянно действующую рабочую группу из представителей органов государственной власти, институтов гражданского общества, бизнеса и научно-экспертного сообщества, которая будет на постоянной основе осуществлять мониторинг развития цифровой правовой среды, актуализацией (внесением изменений и дополнений) соответствующего законодательного регулирования в области цифровых прав с учетом тенденций развития и происходящих изменений. Это позволит сохранять высокую степень актуальности правового регулирования цифровых прав, обеспечивать его соответствие практическим реалиям цифровизации экономической сферы.

Вывод

Анализ действующего гражданского законодательства России и тенденций его развития в области регулирования цифровых прав как объектов гражданского права показывает, что, несмотря на наличие необходимых норм, такое регулирование нельзя признать совершенным и соответствующим потребностям быстроразвивающейся цифровой среды и гражданского оборота. С одной стороны, действующее регулирование позволяет более полно, чем до его принятия, обеспечить учет и защиту прав и законных интересов субъектов гражданско-правовых отношений в цифровой среде. С другой стороны, ст. 141.1 ГК РФ, регулирующая цифровые права, не обеспечивает полноты и эффективности регулирования, несвободна от отдельных противоречий. Первые результаты ее практического применения требуют осмысления со стороны научного юридического сообщества с целью последующего совершенствования. При этом в дальнейшем действующее законодательство следует развивать на основе достижения консенсуса в научно-экспертном сообществе по поводу того, являются ли цифровые права самостоятельным объектом гражданских прав или речь идет о защите традиционных прав в условиях цифровой среды.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4. С. 7–14.
2. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.
3. Кириллова Е. А., Зульфаярзаде Т. Э., Метелёв С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 245–256.
4. Павлова Д. А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. № 3. С. 8–15.
5. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
6. May Ch. Digital rights management and the breakdown of social norms // First Monday. 2003. Vol. 8, № 11. P. 27–33.
7. Savelyev A. Some risks of tokenization and blockchainization of private law // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34, iss. 4. P. 32–59.

References

1. Abramov R. A., Pashencev D. A. Razvitie cifrovoy e`konomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 4. S. 7–14.
2. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Est` li mesto «cifrovym pravam» v sisteme ob`ektov grazhdanskogo prava // Permskij yuridicheskij al`manax. 2019. № 2. S. 179–192.

3. Kirillova E. A., Zul'fagarzade T. E., Metelyov S. E. Institut cifrovyy`x prav v grazhdanskom prave Rossii // Pravoprimerenie. 2022. T. 6, № 1. S. 245–256.

4. Pavlova D. A. Osobennosti osushhestvleniya cifrovyy`x prav // Yurist. 2023. № 3. S. 8–15.

5. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel`stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.

6. May Ch. Digital rights management and the breakdown of social norms // First Monday. 2003. Vol. 8, № 11. P. 27–33.

7. Savelyev A. Some risks of tokenization and blockchainization of private law // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34, iss. 4. P. 32–59.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2024;
одобрена после рецензирования: 12.02.2024;
принята к публикации: 19.02.2024.

The article was submitted: 02.02.2024;
approved after reviewing: 12.02.2024;
accepted for publication: 19.02.2024.

УДК 347

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.9

Е. А. Демкина

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Российская Федерация,
elenadyomkina@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Аннотация. В результате быстрого развития науки и технологий возникают новые возможности и вызовы, одно из проявлений которых — крионирование человека. Несмотря на потенциальные перспективы этой технологии, существует ряд серьезных вопросов, связанных с правовыми и этическими аспектами крионирования человека в России. Методологическая основа данного исследования заключается в анализе научной литературы, законодательства и этических норм. Использование качественных и количественных методов исследования позволили более полно осветить проблематику и выявить основные тренды и закономерности. Целью исследования является осуществление всестороннего анализа и оценки правовых и этических аспектов крионирования человека в России. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: изучить существующую научную литературу и законодательство в области крионирования, провести анализ этических норм и принципов, определить юридический статус мертвого человека, а также оценить моральные последствия и социальную значимость крионирования человека в России.

Ключевые слова: крионирование; криопациент; крионика; крионические услуги; криохранение; криосохранение.

UDC 347

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.9

E. A. Demkina

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation,
elenadyomkina@yandex.ru

LEGAL AND ETHICAL ASPECTS OF HUMAN CRYONICS IN RUSSIA

Abstract. As a result of the rapid development of science and technology, new opportunities and challenges are emerging, one of them is human cryonics. Despite the potential prospects of this technology, there are a number of serious issues related to the legal and ethical aspects of human cryonics in Russia. The methodological basis of this study is the analysis of scientific literature, legislation and ethical standards. The use of qualitative and quantitative research methods made it possible to more fully highlight the problems and identify the main

trends and patterns. The purpose of the study is to carry out a comprehensive analysis and assessment of the legal and ethical aspects of human cryonics in Russia. To achieve this goal, the following tasks were set: to study the existing scientific literature and legislation in the field of cryonics, to analyze ethical norms and principles, to determine the legal status of a dead person, as well as to assess the moral consequences and social significance.

Keywords: cryonics; cryopatient; cryonic services; cryopreservation.

Введение

Крионирование — это процесс замораживания умершего человека с целью сохранения его тела в надежде на будущее оживление. Отсутствие законодательного регулирования, касающегося крионирования и статуса крионированных людей, порождает соответствующие проблемы, а именно: является ли криопациент мертвым и обладает ли он правоспособностью; крионирование — альтернативная форма погребения? В настоящее время в России не существует законодательства, специально регулирующего крионирование человека, а это означает, что нет четких правил и норм, которыми должны руководствоваться криоорганизации, оказывающие такие услуги, и отсутствуют законные гарантии и защита интересов криоклиентов.

Новизна данного исследования заключается в том, что оно является первым комплексным обзором и анализом правовых и этических аспектов крионирования человека в контексте российской действительности. Результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций и предложений по регулированию данной сферы, а также для проведения дальнейших научных исследований в данной области.

Значимость исследования состоит в том, что правовые и этические аспекты крионирования человека в России являются актуальными и важными научными и практическими проблемами. Результаты исследования смогут способствовать формированию эффективной правовой и этической базы для развития этой технологии.

Необходимость проведения дальнейших исследований и обсуждений в этой области становится все более актуальной, учитывая быстрое развитие научных и медицинских технологий. Важно найти баланс между правом человека определить условия своего хранения после смерти и защитой общественных норм, этики и ритуалов погребения.

Методы

Методологическая основа данного исследования заключается в анализе научной литературы, законодательства и этических норм. Диалектический метод исследования позволил провести анализ правовых явлений и процессов в развитии, взаимодействии и противоречии друг с другом, изучить гражданско-правовые отношения, складывающиеся при оказании крионических услуг, рассмотрении

правового статуса субъектов данного договора. Логико-догматический метод позволил изучить гражданско-правовые нормы регулирования крионических услуг и практику их применения в развитии отечественного законодательства в сфере оказания данных услуг. Использование качественных и количественных методов исследования позволило осветить проблематику и выявить основные тренды и закономерности.

Основное исследование

Впервые заговорили о криохранении в 1962 году. Американский физик Р. Эткинсон предложил идею криохранения; он предположил, что если тело заморозить до очень низкой температуры, то можно сохранить его на неопределенное время до тех пор, пока наука и медицина не разработают методы его оживления. В 1965 году в Нью-Йорке было основано крионическое общество¹. Несколько лет спустя был заморожен первый пациент, но впоследствии появились сложности с хранением и оживлением замороженных тел.

В настоящее время в РФ единственная организация, занимающаяся криохранением, — это компания «КриоРус», основанная в 2006 году².

Однако, несмотря на то что технологии криохранения существуют уже много лет, их эффективность и возможность полноценного оживления замороженного тела человека до сих пор вызывают споры в научном сообществе. Многие правоведы считают криохранение лишь научной фантастикой или сомнительным бизнесом.

В России правовые аспекты крионирования человека до сих пор не являются четко регламентированными и находятся на стыке разных областей регулирования. Стоит отметить, что в настоящее время в законодательстве отсутствуют такие понятия, как крионика, крионирование, криосохранение, криоконсервирование человека, криопациент и криопохороны. В ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ содержится упоминание о криоконсервировании половых клеток. Некоторые считают, что крионирование человека не является ни смертью, ни жизнью и поэтому не подпадает под законодательную область. Однако существуют некоторые нормативные акты, которые могут быть применены к ситуации крионирования человека, например в отношении медицинских услуг и хранения тела могут быть применены нормы ГК РФ⁴ и Федерального

¹ См.: Фирма гарантирует бессмертие [Электронный ресурс]. URL: https://www.topnews.ru/media_id_394.html (дата обращения: 25.12.2023).

² См.: URL: <https://kriorus.ru/>

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.12.2023).

закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан», а также возможно, что использование услуг по крионированию может регулироваться нормативными актами, касающимися научных исследований.

С точки зрения этики крионирование человека также вызывает сложные вопросы. Критики этой технологии считают, что крионирование нарушает естественный порядок жизни и смерти, а также считается неприемлемым вмешательством в биологический процесс, они указывают и на потенциальный негативный эффект на общество в целом: крионирование может привести к несправедливости, создавая различия между богатыми и бедными, теми, кто может позволить себе такую процедуру, и теми, кто не может.

Разберем некоторые правовые вопросы. Правовой статус крионированного человека в России до сих пор не полностью урегулирован. Одним из ключевых правовых оснований крионирования человека в России является свобода личности и право на выбор судьбы своего тела после смерти, включая возможность крионирования. В соответствии со ст. 66 Федерального закона от 21 ноября года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека), смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, констатация биологической смерти человека осуществляется медицинским работником.

Таким образом, смерть мозга равносильна смерти человека; следовательно, биологическая смерть является основанием для лишения правового статуса и способности действовать в правовой сфере. Тело умершего человека может рассматриваться только в отношении необходимости его погребения, крионирования (подготовка тела к охлаждению и охлаждение) или криосохранения (долгосрочному хранению при сверхнизких температурах). Однако миссией криокомпаний является «сохранение человека путем крионирования с наилучшим качеством его головного мозга или всего тела — до появления технологий оживления криопациентов»⁵. Правоспособность гражданина прекращается после смерти, и это приводит к прекращению всех его имущественных и личных неимущественных прав, а также имеет определенные последствия в отношении наследства умершего.

Стоит отметить, что возникает правовая неопределенность, в случае если рассматривать замороженного человека как живого, поскольку с точки зрения биологии и медицины человек, находящийся в криогенной заморозке, находится в состоянии клинической смерти, потому что практически все его жизненные функции приостановлены, но при этом, в отличие от традиционной смерти, организм в криосне сохраняется, и существует вероятность его возрождения в будущем. Это уже лишает нас привычного способа определения смерти и наводит на размышления о том, какие права и обязанности должны быть назначены человеку на этом этапе, к тому же отсутствие в настоящий момент современных

⁵ URL: <https://kriorus.ru/missiya> (дата обращения: 25.12.2023).

медицинских технологий для реанимации криопациентов и неизвестность по поводу времени их возникновения только усугубляют ситуацию, последующая разморозка человеческого тела породила бы новую правосубъектность человека.

Правоспособность — это способность человека быть субъектом права, то есть обладать возможностью иметь и осуществлять права и обязанности. На данный момент законодательство РФ не содержит конкретных положений относительно правового статуса криоконсервированных лиц после их разморозки. Одним из важных аспектов, требующих регулирования, является восстановление психического и физического состояния человека после разморозки. Длительное пребывание в состоянии криоконсервации может существенно повлиять на мозговую активность и общее физическое состояние организма человека, поэтому необходимо разработать медицинские протоколы и процедуры для оценки его состояния после разморозки и пригодности для восстановления правоспособности. Другой важный аспект — определение времени, через которое человек будет считаться официально ожившим. Данное понятие в контексте крионики требует юридических уточнений и обозначения сроков, после истечения которых человек будет признан полностью восстановленным и приобретет полную правоспособность. К тому же необходимо учесть и вопросы наследования и передачи имущества. Если человек был криоконсервирован с обладанием имуществом, то важно определить его права в отношении этого имущества после разморозки. Пожалуй, стоит согласиться с мнением Д. А. Матанцева о том, что размораживание человека, находящегося в состоянии криосна, «не должно служить основанием восстановления принадлежащих ему ранее прав и обязанностей» — «такое решение в большей степени отвечает балансу интересов всех участников правоотношений, хотя и не согласуется с идеями крионики» [4, с. 46].

Вопрос о том, является ли крионирование формой погребения или обладает такими же правовыми и ритуальными аспектами, остается предметом споров. Вопросы правового регулирования погребения были предметом изучения многих ученых-цивилистов: например, Р. Г. Набиев [5] в диссертации рассматривал обязательства по оказанию ритуальных услуг, А. В. Барков и Р. Ю. Грачев [1, с. 89] в монографии исследовали проблемы рынка ритуальных услуг как объекта гражданско-правового регулирования. Однако стоит заметить, что ученые не затрагивали вопросы крионирования человеческого тела.

Погребение, согласно ст. 3 Федерального закона от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»⁶, может осуществляться тремя способами. Первый — это предание тела умершего земле (человек может быть похоронен в могилу или склеп). Второй способ — погребение через кремацию тела, после процедуры кремации прах умершего помещается в урну, которая в дальнейшем также подлежит захоронению. Третий способ — захоронение

⁶ Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12 января 1996 года № 8-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/ (дата обращения: 25.12.2023).

в воду (правила и порядок захоронения в воду определяются нормативными правовыми актами РФ). Данные варианты являются разновидностями погребения, доступными в рамках законодательства.

Криоклиники хранят тела криопациентов в жидком азоте при температуре $-196\text{ }^{\circ}\text{C}$ в специальных криохранилищах — сосудах Дьюара, считая крионирование альтернативой традиционным похоронам. По мнению Л. И. Кулицкой «местом погребения можно считать сосуды Дьюара» [3, с. 114]. Сторонники крионирования и криоклиники утверждают, что это представляет собой важный научный эксперимент, который может привести к прорывам в медицине и технологии, полагая, что человек имеет право самостоятельно определять, каким образом его останки будут храниться после смерти, в первую очередь это связано с пониманием того, что научные исследования на замороженных телах и мозгах могут принести большую пользу будущим поколениям. Но существуют и противники крионирования, возражающие против данной практики, считая ее неэтичной и нарушающей ритуалы и традиции погребения, утверждающие, что процесс криоконсервации может причинить вред умершему человеку или его останкам; также подчеркивается, что научная непредсказуемость и недоказанность эффективности крионирования делают его бессмысленным и опасным.

Вопрос о том, как трактовать крионирование: как научный эксперимент или как форму погребения, — остается нерешенным. Полагаем, что отнесение крионирования к форме погребения является неверным, поскольку погребение и крионирование преследуют совершенно разные цели: в первом случае тело умершего человека начинает минерализоваться на отдельные химические элементы, во втором случае, наоборот, максимальное сохранение тела с целью дальнейшего оживления.

Крионика с каждым годом набирает стремительные обороты, существует огромное количество криокомпаний, предлагающих услуги по крионированию людей, животных, а также по сохранению ДНК людей и животных. В 2023 году российская компания «КриоРус» заморозила 95 пациентов. Бесспорно, что немаловажным вопросом является правовое регулирование договора оказания крионических услуг, а именно: каким образом заключается данный договор, как государство регулирует данные правоотношения, каков предмет договора, права, обязанности и ответственность криопациента и исполнителя.

Юридическая сила договора о крионировании человека после его смерти может зависеть от законодательства конкретной страны или юрисдикции. В некоторых странах крионирование может быть запрещено или регулироваться специальными законами. Так, например, в единственном штате в канадской провинции Британской Колумбии на законодательном уровне запрещено замораживать тело человека, однако отсутствует запрет на криохранение в других штатах. В Китае же разрешено законом производить глубокую заморозку человеческого тела и мозга, она финансируется за счет государственных средств.

В случае если нет прямого запрета на крионирование тела человека, то договор о крионировании может иметь юридическую силу, как и любой другой договор, при соблюдении всех требований и условий, предусмотренных законодательством. Российская криокомпания является научно-исследовательской организацией, основанной на территории России, и ее деятельность полностью соответствует Федеральному закону от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁷. Благодаря своим исследованиям и разработкам компания стала одним из лидеров в отрасли криотехнологий. Стоит отметить, что органы государственной власти РФ гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок, признают право на обоснованный риск в данной деятельности, а также обеспечивают свободу доступа к научной и научно-технической информации.

Научными организациями признаются юридическое лицо, независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, общественное объединение научных работников, осуществляющие в качестве основной деятельности научную и (или) научно-техническую деятельность.

Основной правовой формой отношений между научной организацией, заказчиком и иными потребителями являются договоры (контракты) на создание, передачу и использование научной и (или) научно-технической продукции, оказание научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных услуг. Следовательно, деятельность российской криокомпании регулируется не только Федеральным законом № 127-ФЗ, но и уставом организации, который не представлен на сайте организации.

Правовая сила договора на оказание крионических услуг может быть обеспечена, например, путем заключения договора на проведение научно-исследовательских работ в письменной форме, наличия взаимного согласия сторон, предоставления правильной информации, а также соблюдения договорных обязательств.

Стороны договора о предоставлении крионических услуг — заказчик и исполнитель. Заказчиком (криопациентом) является физическое лицо, находящееся в здравом уме и твердой памяти, имеющее намерение на криосохранение и дальнейшее оживление в будущем, то есть криопациент в период своей правоспособности заключает данный договор, либо же от его имени на законном основании действует дееспособный представитель.

Исполнителем крионической услуги выступает криорганização, занимающаяся научно-исследовательской работой.

Согласно информации, представленной на сайте российской криокомпании, предметом договора оказания крионических услуг является экспериментальная научная процедура криосохранения мозга, головы или тела человека

⁷ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 25.12.2023).

при сверхнизких температурах. В рамках договора предоставляющая крионические услуги компания обязуется обеспечить все необходимые ресурсы и экспертизу для процедуры криосохранения, включая подбор квалифицированного персонала, разработку и поддержку специализированного оборудования и систем контроля, а также осуществление всех необходимых мероприятий для гарантированной безопасности и результативности процедуры криосохранения.

Идея криопресервации заключается в том, что пациент, страдающий от неизлечимой болезни или находящийся в критическом состоянии, может быть сохранен в этом замороженном состоянии до определенного момента, когда наука и медицина смогут предложить эффективное лечение его заболевания или восстановить его здоровье. Процесс криоконсервации включает в себя снижение температуры организма с использованием специальных холодильных смесей, а затем перенос тела пациента в контейнер, заполненный жидким азотом, где оно будет поддерживаться при экстремально низкой температуре до момента, когда будет найдено решение медицинских проблем, стоящих перед пациентом. Таким образом, криопациент остается в состоянии заморозенности, сохраняя свою физическую структуру, с надеждой на будущее исцеление.

Криокомпания берет на себя обязательство по принятию всех возможных мер для крионирования и криосохранения криопациента и в будущем, с развитием медицинских технологий, оживить его. Заказчик обязан оплатить крионические услуги, а также принять все необходимые меры для оформления волеизъявления или завещания о своем криосохранении. Стоит обратить внимание на тот факт, что криорганizations, предлагающая услуги крионирования, может предоставлять гарантии только в надежности и качестве предлагаемых криоуслуг, указав в договоре весь процесс крионирования, условия хранения человеческого материала, меры безопасности, политику конфиденциальности и др., но криорганizations не дает гарантий по оживлению криопациента.

Максимальный срок действия криодоговора 100 лет с автоматической пролонгацией до бесконечности — пока не будут изобретены технологии, способные вернуть криопациента к жизни.

Стоимость крионических услуг достаточно высокая, криопациент должен осознавать, что процедура криосохранения имеет экспериментальный характер и не гарантирует положительных результатов, а также криопациент должен принять на себя все связанные с этим риски и последствия. Компания не несет ответственности за возможные негативные последствия, связанные с процедурой криосохранения и любыми отклонениями от ожидаемых результатов.

Исходя из прямого значения ст. 418 ГК РФ, обязательства прекращаются в связи со смертью кредитора (в нашем случае криопациента), однако обязательства исполнителя по договору крионических услуг (в нашем случае —

криокомпаний) не могут быть прекращены, поскольку сама суть данного договора заключается в том, чтобы его исполнить только после смерти заказчика. Итак, для полного понимания ситуации следует взглянуть на договор оказания крионических услуг под другим углом, поскольку исполнитель по договору берет на себя обязательство по сохранению тела заказчика-криопациента после его смерти с целью последующего восстановления его жизнедеятельности в будущем.

Таким образом, договор, заключаемый между криопациентом и криокомпанией, соответствует всем требованиям законодательства, предъявляемым к договору возмездного оказания услуг.

Выводы

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Крионическая услуга несет в себе огромный потенциал, поскольку в будущем предполагается дальнейший прогресс в области медицины и науки: так, дается надежда на возможность исцеления от травм, болезней и даже спящих заболеваний, которые на сегодняшний день неизлечимы; кроме того, крионическая услуга открывает двери к практическому применению технологий искусственного интеллекта, бионики и других передовых методов, что позволяет говорить о возможности продления продолжительности жизни и даже воскрешения в будущем.

2. Правовой статус присущ только живым индивидуумам, замороженное состояние человека не позволяет ему обладать новой правоспособностью, это связано с тем, что правоспособность требует наличия активных физических и психологических функций, которые отсутствуют у криопациентов. Иными словами, крионированный человек не способен осуществлять свои гражданские права и обязанности, поскольку находится в состоянии временной приостановки своей жизнедеятельности.

3. Крионирование не может считаться видоизмененной формой погребения, поскольку преследует совершенно иную цель.

4. Абстрактность и нечеткость формулировок ныне существующего договора на оказание крионических услуг связана с отсутствием в российской правовой системе единого нормативного правового акта, регулирующего данную сферу деятельности.

Безусловно, крионические услуги вызывают споры и сомнения у критиков, однако множество людей видят в них шанс на сохранение своей жизни. Конечно, будущее остается неизвестным и полностью зависит от достижений науки и технологий, тем не менее крионические услуги уже сегодня стали частью развивающегося мира, предоставляя надежду на возможность оживления человеческого тела и оставляя своих сторонников в ожидании чудес, которые может принести будущее.

Список источников:

1. Барков А. В., Грачев Р. Ю. Рынок ритуальных услуг: проблемы гражданско-правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 174 с.
2. Грачев Р. Ю., Корнеева О. В., Вахрушева Ю. Н. Комментарий к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2016.
3. Кулицкая Л. И. Крионика — как альтернативная форма погребения: правовой аспект // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 1. С. 112–115.
4. Матанцев Д. А. Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса // Труды Академии управления МВД России. 2021 № 4 (60). С. 41–50.
5. Набиев Р. Г. Возмездное оказания ритуальных услуг в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 24 с.

References

1. Barkov A. V., Grachev R. Yu. Ry`nok ritual`ny`x uslug: problemy` grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: monografiya. M.: Yurlitinform, 2013. 174 s.
2. Grachev R. Yu., Korneeva O. V., Vaxrusheva Yu. N. Kommentarij k Federal`nomu zakonu ot 12 yanvary 1996 g. № 8-FZ «O pogrebenii i poxoronnom dele» (postatejny`j) // SPS «Konsul`tantPlyus». 2016.
3. Kuliczkaya L. I. Krionika — kak al`ternativnaya forma pogrebeniya: pravovoj aspekt // Biznes v zakone. E`konomiko-yuridicheskij zhurnal. 2016. № 1. S. 112–115.
4. Matancev D. A. Razvitie pravosub`ektnosti v usloviyax nauchno-texnicheskogo progressa // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021 № 4 (60). S. 41–50.
5. Nabiev R. G. Vozmezdnoe okazaniya ritual`ny`x uslug v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2007. 24 s.

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024;
одобрена после рецензирования: 18.02.2024;
принята к публикации: 19.02.2024.

The article was submitted: 10.02.2024;
approved after reviewing: 18.02.2024;
accepted for publication: 19.02.2024.

УДК 346.12

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.10

К. А. Костина

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
kostina.kristina2014@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу регулирования конфликта интересов, возникающего в сфере государственных закупок Российской Федерации и Европейского союза. Выбранная автором проблематика обусловлена тем обстоятельством, что конфликт интересов при принятии решений сам по себе является первопричиной множества коррупционных проявлений и может значительно исказить распределение государственных ресурсов. Учитывая особую роль государственных закупок как средства обеспечения потребностей всего государственного аппарата, первостепенное значение приобретает необходимость формирования превентивной системы правового регулирования конфликта интересов. На основе сравнительно-правового метода автором обозначены подходы европейского и отечественного законодательства к регулированию закупочных отношений, затронутых конфликтом интересов. На базе изученных положений нормативных правовых актов, а также судебной практики автором определены отдельные проблемы существующего правового регулирования и предложены возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: Российская Федерация; Европейский союз; публичные закупки; государственные закупки; коррупция; конфликт интересов.

UDC 346.12

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.10

К. А. Kostina

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
kostina.kristina2014@yandex.ru

CONFLICT OF INTEREST IN PUBLIC PROCUREMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of the regulation of conflicts of interest arising in the field of public procurement of the Russian Federation and the European Union. The problem chosen by the author is due to the fact that a conflict of interest in decision-making is itself the root cause of many forms of corruption and can significantly distort the distribution of public resources. Considering the special role of public procurement as a means of meeting the needs of the entire government apparatus, the need to form a preventive system of legal regulation of conflicts of interest is of paramount importance. Based on the comparative legal method, the author outlines the approaches of European and domestic legislation to the regulation of procurement relations affected by conflicts of interest. Based on the studied provisions of regulatory legal acts, as well as judicial practice, the author identifies individual problems arising from the existing legal regulation and suggests possible ways to overcome them.

Keywords: the Russian Federation; the European Union; public procurement; state procurements; corruption; conflict of interest.

Введение

Государственные закупки как одна из сфер государственного управления, наиболее подверженная различным коррупционным рискам, традиционно находится в сфере контроля со стороны уполномоченных органов. Указанное обстоятельство неслучайно: только в России за 2020 год на долю государственных и корпоративных закупок пришлось 27 % ВВП¹. При этом ежегодно более 250 тысяч государственных органов Европейского союза затрачивают около 14 % ВВП на приобретение товаров, работ и услуг².

¹ Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год: отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия: утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 22 июня 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).

² Public procurement [Electronic resource]. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/single-market/public-procurement_en (дата обращения: 23.09.2023).

Одним из факторов, существенно увеличивающих риск развития различных коррупционных проявлений, является возникновение конфликта интересов между участниками контрактных отношений. В связи с этим особое значение для обеспечения нормального функционирования всего закупочного механизма приобретает необходимость проектирования правовых средств предотвращения, выявления и урегулирования ситуаций, генерирующих конфликт интересов.

Основная часть

Закрепление первых нормативных положений о конфликте интересов в обоих правопорядках можно отнести к 2013–2014 годам — периоду, связанному с реформированием законодательства о государственных закупках. При этом если в России источником соответствующих изменений стал Федеральный закон от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³ (далее — Закон № 44-ФЗ, или Закон о контрактной системе), то в Европейском союзе (далее — ЕС) — Директива 2014/24/ЕС о государственных закупках⁴ [4, с. 95].

Необходимо отметить, что до принятия обновленных нормативных правовых актов в обоих правопорядках отсутствовали единые правила о конфликте интересов в государственных закупках. Вместо этого основными источниками правового регулирования являлись законодательные акты в области противодействия коррупции (Россия)⁵ либо в области регулирования бюджетных отношений (ЕС) [5, р. 260].

В европейской директиве нормы о конфликте интересов нашли отражение в различных структурных единицах документа, однако центральное место занимает общая статья 24 Директивы 2014/24/ЕС⁶, включающая в себя легальную дефиницию «конфликт интересов». В свою очередь, в Законе о контрактной системе

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

⁴ Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC Text with EEA relevance [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0024> (дата обращения: 12.01.2024).

⁵ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 51 (ч. 1). Ст. 6228 (далее — Закон № 273-ФЗ, или Закон о противодействии коррупции).

⁶ По смыслу статьи 24 Директивы 2014/24/ЕС конфликт интересов охватывает ситуации, когда сотрудники заказчиков или поставщиков услуг по закупкам, действующих от имени заказчиков, которые участвуют в проведении закупочной процедуры или могут оказать влияние на результат такой процедуры, имеют прямой или косвенный финансовый, экономический или иной личный интерес, который может восприниматься как ставящий под сомнение их беспристрастность и независимость в контексте закупочных процедур.

реализован иной подход, предусматривающий, что положения о конфликте интересов закрепляются в различных статьях в виде норм-запретов или норм-требований.

Указанные особенности юридико-технического оформления положений о конфликте интересов во многом предопределили и различия подходов европейского и отечественного правопорядков к регулированию закупочных отношений, затронутых конфликтом интересов.

Как уже было отмечено, директива ЕС предусматривает наличие базового понятия «конфликт интересов», которое содержательно раскрывается через два основополагающих признака.

Первым признаком конфликта интересов в ЕС является круг субъектов — носителей конфликта интересов. В качестве таковых директива указывает только на сотрудников со стороны заказчиков, а именно на сотрудников заказчиков или поставщиков закупочных услуг, действующих от имени заказчиков. При этом не имеет значения основание возникновения правоотношений сотрудника и заказчика: первый может являться работником по трудовому договору или исполнителем по гражданско-правовому договору как самого заказчика непосредственно, так и привлеченной заказчиком организации опосредованно.

Вместе с тем само по себе наличие правового статуса сотрудника заказчика или подрядной организации заказчика не является достаточным, для того чтобы причислять то или иное лицо к категории носителей конфликта интересов. Главным критерием является полномочие на принятие властного решения, определяющего итог закупочной процедуры. Из этого следует, что первостепенное значение приобретает фактическая возможность конкретного физического лица оказать негативное влияние на процедуру закупки, что позволяет говорить о реализации европейским законодателем принципа фактического контроля.

В качестве второго признака конфликта интересов в ЕС выступает категория интереса, наличие которого у сотрудников заказчика может поставить под сомнение их беспристрастность и независимость в контексте закупочных процедур. Директива предусматривает три возможных вида интереса: финансовый, экономический и личный. Финансовый и экономический интересы, несмотря на формальное разделение, сущностно взаимосвязаны и затрагивают имущественную сферу лица, связанную с получением каких-либо материальных выгод. В свою очередь, личный интерес, не опосредованный получением каких-либо благ, проистекает из наличия у сотрудников заказчиков родственных, супружеских, дружеских, профессиональных⁷ и иных типов связей.

Практика судов ЕС свидетельствует о том, что концепция конфликта интересов носит объективный характер, предполагающий, что намерение или воля

⁷ В одном из дел суд установил наличие конфликта интересов в связи с наличием профессиональной связи, вытекающей из факта совместной работы сотрудников заказчика и участника закупки (см.: Case C-538/13 eVigilo Ltd v Priešgaisrinės apsaugos ir gelbėjimo departamentas prie Vidaus reikalų ministerijos [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CJ0538> (дата обращения: 21.08.2023)).

лица, находящегося в состоянии конфликта интересов, не имеют значения для его правовой квалификации. Решающее значение приобретает способность лица влиять на условия закупки благоприятным для конкретного сотрудника образом. В случае если указанное обстоятельство будет установлено, не имеют правового значения действительные намерения такого лица, а также добросовестность его действий⁸.

Обозначенный подход не лишен недостатков, поскольку сам по себе может быть не рассчитан на низовую коррупцию, а также на ситуации, при которых конфликт интересов между участниками закупочных отношений фактически отсутствует. В связи с этим одним из возможных путей пересмотра сформированной практики может быть обращение к опыту правового регулирования конфликта интересов в иных правовых порядках, в частности в России.

В отличие от европейской директивы, Закон о контрактной системе не только не предусматривает единого легального определения конфликта интересов, но и предполагает совершенно иной подход к его квалификации.

Нормы Закона № 44-ФЗ закрепляют три возможные модели конфликта интересов, каждая из которых представляет собой связь, возникающую между определенными участниками закупочных отношений:

- 1) заказчиком и участником процедуры закупки;
- 2) заказчиком, экспертом (экспертной организацией) и участником процедуры закупки;
- 3) членом комиссии по осуществлению закупок и участником процедуры закупки [2, с. 16; 1, с. 37].

В части вопроса о моделях конфликта интересов нельзя не упомянуть установленный Законом о контрактной системе запрет на привлечение к процедуре закупки специализированной организации в случае осуществления ею одновременно функций заказчика (ч. 5 ст. 40 Закона № 44-ФЗ). Вместе с тем представляется, что данное требование не затрагивает широкую область ситуаций, генерирующих конфликт интересов⁹. На наличие пробела в законодательстве о контрактной системе в указанной части также особо обращает внимание О. А. Беляева [2, с. 17].

Согласно положениям Закона о контрактной системе конфликт интересов возникает между участниками закупочных отношений при наличии определенных конфликтных связей. Так, близкородственные, супружеские

⁸ Case T-415/10, Nexans France v Entreprise commune Fusion for Energy, para 114 [Electronic resource]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=135264&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1299705> (дата обращения: 07.08.2023); Case T-403/12 Intrasoft International v European Commission ECLI-774, para 75 [Electronic resource]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=169641&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1296263> (дата обращения: 07.08.2023).

⁹ Например, случаи, при которых должностное лицо заказчика и лицо, осуществляющее функции управления в специализированной организации, связаны близкородственными или иными видами конфликтных отношений.

и корпоративные отношения лежат в основе конфликта интересов между заказчиком и участником закупки, а близкородственные и трудовые — конфликта интересов с участием экспертов [3, с. 133].

С учетом того обстоятельства, что объединяющим критерием всех указанных видов отношений является их формализация, одну из главных проблем составляет исключение из сферы правового регулирования неформализованных типов человеческих отношений, которые также способны генерировать ситуации конфликта интересов, как то: любовные, дружеские, профессиональные и др.

Одновременно с этим по смыслу отечественного правового регулирования носителями конфликта интересов являются не участники закупочных отношений сами по себе, а определенные лица. При этом особое внимание в этой части законодатель уделит лицам, действующим на стороне заказчика. К ним относятся руководитель заказчика, член комиссии по осуществлению закупок, руководитель контрактной службы заказчика, контрактный управляющий.

Данный перечень не является закрытым: конфликт интересов может также охватывать должностных лиц заказчика, полномочия которых являются тождественными по функциональным обязанностям полномочиям руководителя, а также позволяют влиять на процедуру закупки и результат ее проведения (в частности, лицо, занимающее должность заместителя руководителя)¹⁰.

Из указанного положения следует, что для целей определения наличия конфликта интересов российская правоприменительная практика, как и европейская директива, ориентирует на применение принципа фактического контроля.

В целом можно заключить, что отечественное правовое регулирование конфликта интересов основано на строгой формализации, предполагающей существование определенных моделей конфликта интересов. На практике данная особенность значительно сужает область регулирования конфликта интересов, что порождает различные формы злоупотреблений со стороны недобросовестных участников закупочных отношений.

В настоящее время попытки решения данной проблемы предпринимаются в судебной практике. Так, в одном из дел судом было установлено наличие конфликта интересов при заключении муниципального контракта между руководителем заказчика и генеральным директором участника закупки, связанными отношениями свойства (зять — теща)¹¹. Таким образом, суд на основе

¹⁰ Пункт 3 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 года (См.: Бюллетень ВС РФ. 2017. № 2).

¹¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2023 года № 08АП-11274/2023 по делу № А70-11275/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2000dd45-5bdb-4aae-ab0d-544498532bde/b43541c6-4322-4f8b-b8b5-168f50ac4962/A70-11275-2023_20231225_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf

системного толкования положений Закона о контрактной системе и Закона о противодействии коррупции ввел новый вид конфликтной связи для цели квалификации конфликта интересов.

Представляется, что одним из возможных путей преодоления возникающей проблемы может стать закрепление на уровне Закона № 44-ФЗ более гибких положений, определяющих понятие конфликта интересов, аналогичных тем, что содержатся в ст. 24 Директивы 2014/24/ЕС.

Закрепление на нормативном уровне базовых положений о конфликте интересов явилось важным шагом в совершенствовании механизма противодействия коррупции в государственных закупках в России, и ЕС. Вместе с тем эффективность правовых средств предотвращения конфликта интересов обеспечивается посредством реализации предварительных мер (*лат. ex ante*) контроля конфликта интересов до начала и в процессе проведения закупочных процедур, а также мер последующего (*лат. ex post*) контроля за правовыми последствиями возникшего конфликта интересов.

В качестве базового положения и Закон № 44-ФЗ, и Директива 2014/24/ЕС закрепляют обязанность заказчиков осуществлять мероприятия в области управления конфликтом интересов. Необходимость установления подобного требования обусловлена риском того, что заказчик при проведении закупки может руководствоваться соображениями, не связанными с целями закупочной процедуры, и отдать предпочтение определенному участнику закупки. Это влечет прямое нарушение таких принципов закупочной деятельности, как равное отношение ко всем участникам закупки (ЕС)¹², принципа обеспечения конкуренции (Россия).

Важно отметить, что антикоррупционное законодательство России¹³, а также источники мягкого права Европейского союза в области борьбы с коррупцией закрепляют такое правовое средство предотвращения конфликта интересов, как декларирование, позволяющее как сотруднику заказчика, так и участнику закупки в добровольном порядке сообщить обо всех возможных ситуациях конфликта интересов¹⁴.

В части вопроса о превентивных мерах нельзя обойти вниманием руководство, принятое в 2020 году Организацией экономического сотрудничества и развития, Управлением ООН по наркотикам и преступности и Всемирным

¹² Case C-538/13 eVigilo Ltd v Priešgaisrinės apsaugos ir gelbėjimo departamentas prie Vidaus reikalų ministerijos [Electronic resource] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CJ0538> (accessed: 15.08.2023).

¹³ Статья 11 Закона № 273-ФЗ содержит также такие меры по предотвращению конфликта интересов, как изменение должностного или служебного положения лица, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей, отвод или самоотвод.

¹⁴ Public Procurement Guidance for Practitioners on the avoidance of the most common errors in projects funded by the European Structural and Investment Funds [Electronic resource]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1f1c8329-c2c8-11e8-9424-01aa75e-d71a1/> (accessed: 03.06.2023).

банком¹⁵. В данном документе предлагаются такие меры управления конфликтом интересов, как публикация критериев отбора и оценки заявок участников закупки, а также обнародование имен должностных лиц, ответственных за принятие решений при проведении закупки.

Важным дополнением обновленного нормативного регулирования конфликта интересов в государственных закупках и России, и Европейского союза также стали меры последующего контроля за правовыми последствиями возникшего конфликта интересов, направленные на недопущение участия в процедуре закупки лиц, находящихся в состоянии конфликта интересов, а в конечном итоге — на предотвращение возможности заключения контракта при наличии конфликта интересов.

Положения параграфа 4 (е) статьи 57 Директивы 2014/24/ЕС закрепляют, что, в случаях когда конфликт интересов не может быть эффективно урегулирован, по решению организации-заказчика и государства — члена Европейского союза участник закупки может быть временно отстранен от участия в процедурах на срок, не превышающий трех лет.

Сам по себе механизм исключения из процедур закупки представляет собой достаточно серьезную меру, налагающую на участника закупки значительные правовые и экономические ограничения. По этой причине вышеупомянутой директивой установлено обязательное требование, предусматривающее, что исключение может иметь место лишь при отсутствии возможности эффективного урегулирования конфликта интересов иными правовыми средствами.

Закон о контрактной системе не предусматривает в качестве основания исключения наличие конфликта интересов. Однако такой участник в любом случае должен быть отстранен от дальнейшего участия в процедуре, либо ему должно быть отказано в заключении контракта (ч. 9 ст. 31 Закона № 44-ФЗ).

Помимо этого, российской судебной практикой в развитие ч. 22 ст. 34 Закона о контрактной системе выработано особое правовое последствие — признание государственного (муниципального) контракта ничтожным по п. 2 ст. 68 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁶.

Представляется, что избранный Верховным судом Российской Федерации и активно применяемый нижестоящими судебными органами подход нуждается в дополнительной оценке, в том числе учитывающей, обеспечивает ли правовое последствие в виде двусторонней реституции реальную защиту нарушенных интересов государственных заказчиков.

¹⁵ Preventing and Managing Conflicts of Interest in the Public Sector: good practices guide [Electronic resource]. URL: <https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2020/Preventing-and-Managing-Conflicts-of-Interest-in-the-Public-Sector-Good-Practices-Guide.pdf> (accessed: 04.11.2023).

¹⁶ Пункт 9 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (<https://www.vsrif.ru/files/6387/>).

Выводы

Несмотря на то что и в России, и в ЕС сложились комплексные, самостоятельные системы правового регулирования конфликта интересов в государственных закупках, они не позволяют в полной мере исключить все возможные случаи возникновения конфликта интересов. Пробелы и несовершенства законодательного регулирования, совершение участниками закупки действий по устранению формально выявляемых конфликтных связей, а также современные процессы цифровизации государственных закупок ставят перед законодателями и правоприменителями новые задачи, сопряженные с необходимостью дальнейшего совершенствования механизмов противодействия недобросовестным практикам в закупочных процедурах. Одним из средств реализации данной задачи является обращение к опыту иностранного регулирования и внедрение лучших практик предотвращения конфликта интересов.

В частности, следует поддержать позицию О. А. Беляевой о необходимости дополнительного анализа опыта ЕС в части применения меры по временному исключению из закупки участника, находящегося в состоянии конфликта интересов, в целях выработки более оптимальных и отвечающих современным потребностям мер защиты контрактной системы¹⁷.

Кроме того, с целью обеспечения расширительного понимания конфликта интересов в сфере закупок следует рассмотреть перспективу принятия на уровне Закона о контрактной системе нормы-дефиниции конфликта интересов по аналогии с директивами ЕС.

Список источников

1. Бабаев Д. Д. Кристаллизация скрытого конфликта интересов в форматах системных злоупотреблений // Гражданское право. 2020. № 1. С. 37–40.
2. Беляева О. А. Конфликт интересов в публичных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 13–18.
3. Беляева О. А., Трунцевский Ю. В., Цирин А. М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров. М.: Контракт, 2019. 158 с.
4. Камальян А. М. Правовое регулирование государственных закупок в Европейском союзе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 200 с.
5. European Public Procurement: Commentary on Directive 2014/24/EU. 2021. 912 p.
6. Javier Miranzo Díaz. The Procedural Treatment of Conflicts of Interest in EU Public Procurement // Ferrari G., Garau G., Mondéjar-Jiménez J. Tourism, Economy and Environment: New Trends and Research Perspectives. Chartridge Books Oxford, 2017. P. 191–205.

¹⁷ См.: Эксперт ТПП РФ: законодателям следует проанализировать опыт ЕС в закупках по части борьбы с коррупцией [Электронный ресурс]. URL: https://kapital-rus.ru/uznai/news/ekspert_tpp_rf_zakonodateliam_sleduet_proanalizirovat_opt_es_v_zakupkah_po_chasti_borb_s_korruptciej/

References

1. Babaev D. D. Kristallizaciya skry`togo konflikta interesov v formatax sistemny`x zloupotreblenij // *Grazhdanskoe pravo*. 2020. № 1. S. 37–40.
2. Belyaeva O. A. Konflikt interesov v publichny`x zakupkax // *Zhurnal predprinimatel`skogo i korporativnogo prava*. 2019. № 1. S. 13–18.
3. Belyaeva O. A., Truncevskij Yu. V., Cirin A. M. Pravovy`e mexanizmy` protivodejstviya korrupcii v sfere korporativny`x zakupok: nauchno-prakticheskoe posobie / otv. red. I. I. Kucherov. M.: Kontrakt, 2019. 158 s.
4. Kamalyan A. M. Pravovoe regulirovanie gosudarstvenny`x zakupok v Evropejskom soyuze: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. 200 s.
5. European Public Procurement: Commentary on Directive 2014/24/EU. 2021. 912 p.
6. Javier Miranzo Díaz. The Procedural Treatment of Conflicts of Interest in EU Public Procurement // Ferrari G., Garau G., Mondéjar-Jiménez J. *Tourism, Economy and Environment: New Trends and Research Perspectives*. Chartridge Books Oxford, 2017. P. 191–205.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2024;
одобрена после рецензирования: 17.02.2024;
принята к публикации: 19.02.2024.

The article was submitted: 05.02.2024;
approved after reviewing: 17.02.2024;
accepted for publication: 19.02.2024.

УДК 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.11

Т. Б. Крупнова

Международный юридический институт,
Москва, Российская Федерация,
black_rose_1994@mail.ru

**ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ:
ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

Аннотация. Обозначенная в статье цель исследования — выявление особенностей образования пределов свободы волеизъявления, которые в той или иной мере обуславливают конечные результаты правотворческих процедур, а также факторов, влияющих на формирование внутренней воли субъекта правотворчества. Для достижения заявленной цели использованы методы анализа и синтеза. Волеизъявление, свобода волеизъявления и ее пределы как категории теории правотворчества исследованы с использованием метода сравнительного правоведения. Изучены взгляды научных школ правоведения на сущность и содержание понятия «пределы свободы волеизъявления в правотворчестве». Представлены факторы, обуславливающие пределы свободы волеизъявления в правотворчестве. Определена роль целевой установки в складывании ограничений свободы субъектов правотворчества в процессе волеизъявления. Сформулировано авторское суждение о детерминантах формирования меры такой свободы и их содержании.

Ключевые слова: правотворчество; правообразующая воля; волевая установка; волевой процесс; пределы свободы волеизъявления.

UDC 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.54.2.11

Т. В. Krupnova

The International Law Institute,
Moscow, Russian Federation,
black_rose_1994@mail.ru

**LIMITS OF FREEDOM OF EXPRESSION IN LAWMAKING:
DETERMINANTS OF FORMATION**

Abstract. The purpose of the study indicated in the article is to identify the features of the formation of limits of freedom of expression, which in one way or another determine the final results of law-making procedures, as well as factors influencing the formation of the internal will of the subject of law-making. Methods of analysis and synthesis were used to achieve the stated goal. Expression of will, freedom of expression and its limits as a category of the theory of lawmaking in this work are investigated using the method of comparative jurisprudence. The article examines the views of scientific schools

of jurisprudence on the essence and content of the concept “limits of freedom of expression in lawmaking”. The factors determining the limits of freedom of expression in lawmaking are presented. The role of the target setting in the formation of restrictions on the freedom of law-making subjects in the process of expression of will is determined. The author’s judgment on the determinants of the formation of a measure of such freedom and their content is formulated.

Keywords: law-making; law-forming will; volitional attitude; volitional process; limits of freedom of expression.

Введение

Категории «свобода волеизъявления» и «пределы свободы волеизъявления» прочно вошли в юридический лексикон и стали серьезным объектом научных исследований [4; 15], заняли конструктивное место в содержании нормативных правовых актов¹, утвердились в качестве терминов, употребляемых при аргументации судебных решений².

Однако в современной теории правотворчества они получили лишь фрагментарное описание. Это обусловлено рядом причин. В частности, концептуальное развитие самой теории правотворчества находится на стадии поиска новой научной платформы [1; 8], где целый ряд проблем, в том числе вопросы углубленного изучения правообразующей воли, волеизъявления, свободы волеизъявления, является перспективным для достойной научной культивации. Само понятие «волеизъявление» как правовая категория традиционно утвердилось в цивилистике (теория сделок) и рассматривалось неразрывно с понятием «воля» [6, с. 121]. Категория «свобода» применительно к волеизъявлению на всем протяжении волевого процесса коррелировалась с понятием «свобода воли»³. Потребность исследования правообразующей воли и волеизъявления в масштабах всей композиции теории правотворчества становится очевидной, и начало этому уже положено [12, с. 111–114; 3]. Современные научные школы такие поиски связывают с потребностью конструировать предмет научного исследования не путем описания картины бытия, а непосредственным

¹ См., напр.: О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ (ред. от 01 июля 2021 года). Ст. 29 // КонсультантПлюс; О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ (ред. от 30 декабря 2021 года). Ст. 2 // КонсультантПлюс.

² См., напр.: По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2016 года № 10-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196679/.

³ По мнению М. М. Сперанского, «воля имеет власть не избирать ничего или, избрав, отвергнуть; оставаться в нерешимости и, решась, отменить свое решение. Сия власть воли над собою есть свобода» (Руководство к познанию законов. Сочинение Графа Сперанского. Санктпетербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 7–8).

ее созданием, что диктуется методологией постнеклассической рациональности [9, с. 11].

Акцентирование внимания на конструкции «пределы свободы волеизъявления» в рамках изучения правомочий субъекта правотворчества позволит более предметно понять не только смысл и содержание всех стадий правообразования, проникнуть в сферу зарождения и материализации правотворческой идеи, генерируемой определенным интересом, но и определить логику формирования меры правомочий субъектов правотворчества. Это обусловлено современной юридической наукой и в рамках изменения парадигмы стандартов правотворчества. Согласно прогнозам трансформация организации и деятельности правотворческих органов, должна создать предпосылки реализации идеала демократического волеизъявления в правовом государстве [14, с. 8].

Методы

В работе использованы структурно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. Диалектический метод стал действенным инструментом познания сущности пределов свободы волеизъявления, а также позволил изучить взгляды ведущих школ правоведения на природу этих пределов. Обобщения и умозаключения, позволившие понять механизм воздействия представленных факторов на свободу волеизъявления, были осуществлены в соответствии с традицией индуктивного метода.

Основное исследование

Правовая реальность показывает, что субъект правотворчества, в ходе познания предмета правового регулирования, осмысления необходимости, полезности и значимости принятия той или иной нормы права, подвергается влиянию различных воздействий (факторов). Конструкцию таких факторов можно представить в виде: источников образования, к которым относятся право, юридическая практика, политика, мораль, религия и др.; средств — мотивы, знания, желания, обязывания, убеждения, воспитание, образование и др.; интересов, диктуемых субъективным правом, объективными потребностями и возможностями. Они образуют своеобразную платформу для построения траектории реализации правотворческого замысла и одновременно создают условия для этого. Каждый из них в той или иной мере воздействует на динамику границ свободы волеизъявления субъекта правотворчества, что обусловлено рядом причин. Во-первых, указанные факторы влияют на процессы моделирования правообразующей воли и впоследствии на волеизъявление путем ограничения или расширения их свободы как на этапе подготовки проекта нормативного документа, так и на протяжении всех стадий правотворческого

процесса. Во-вторых, сам правотворческий процесс сопряжен с участием в нем множества субъектов, которые в различной степени задействованы в подготовке и принятии (издании) нормативного акта. Речь идет и о субъектах законодательной инициативы, и о комитетах и комиссиях палат парламента, и о его депутатах, и о главе государства и др. Практика показывает, что на каждом этапе правотворческих действий реализация ими своих прав и обязанностей связана с выполнением целого ряда условий, которые определяют пределы свободы. Мера такой свободы — как на этапе формирования моделей правообразующей воли, так и во время ее изъявления — может быть жесткой (устанавливается законом) или гибкой (влияние социальных факторов). В-третьих, сопровождая волевой процесс и в рамках волеобразования, и в ходе изъявления воли, комплекс различных воздействий заранее организует волю субъекта правотворчества в поиске оптимального варианта решения задачи и, в-четвертых, определяет рамки его действий при выражении этой воли, то есть при волеизъявлении. При этом свободу волеизъявления как проявление духа права следует считать той категорией, для которой пределы являются ключевой характеристикой упорядоченного бытия правотворчества, отличая его от хаоса с сопутствующей ему аксиомой безмерности [11, с. 166].

Поскольку предвестником волеизъявления считается процесс изучения предмета правового регулирования, оценки внешних и внутренних обстоятельств, определяющих цели будущего нормативного акта, его содержания, механизма применения и др., то в течение осмысления и принятия окончательного решения воля субъекта правотворчества обустроится сопоставимо с условиями, сформировавшимися под влиянием на нее указанных факторов. Условия, в свою очередь, служат своеобразным стимулом для активизации сознания субъекта правотворчества и впоследствии будут определять пределы свободы субъекта правотворчества в момент изъявления им своей воли.

В психологической науке совокупность таких условий, сформировавшихся под влиянием различных факторов, которые предваряют волевые действия, получила название «установка». В свое время, изучая проблему волеобразования, Д. Н. Узнадзе дал характеристику этому специфическому явлению. По его мнению, для возникновения установки необходимы два элементарных условия: потребность у субъекта и ситуации ее удовлетворения. Но формирование установки в сознании всегда осуществляется лишь посредством осмысления содержания поступающей информации [13, с. 33]. Следуя суждениям Д. А. Керимова, можно заключить, что целевая установка как предвестник любого волевого действия юридического характера имеет прямое отношение и к правотворчеству [2, с. 417]. В содержании установки может быть выражено состояние и отдельного человека, и определенной группы людей (союза, дружества и т. д.), и общества в целом. Здесь сосредоточен комплекс побуждений: интересы, цели, мотивы, волевые суждения, а также предполагаемые первоначальные шаги и перспективные масштабы правотворческой процедуры. Программные позиции и тактические этапные ожидания концентрируются именно в целевой установке.

Установка выступает лишь основой, базой для последующего воления. Ю. А. Тихомиров, характеризуя процесс формирования и выражения правообразующей воли, указал на сложность подготовки «нормативного концентрата» как продукта волевого процесса в целом. Этому способствует нагромождение процедур, этапов, публичных объявлений о намерениях правового регулирования, использование собственных аргументов и желаний, стремление понять оппонентов, сторонников и экспертов [12, с. 113].

Целевая установка не только обеспечивает сведение воедино замысла, целей, мотивов, моделей предполагаемого результата правотворческого действия, но и существенно предопределяет степень свободы воления, а затем и пределы свободы волеизъявления субъекта правотворчества.

Мера свободы волеизъявления в правотворчестве диктуется и статусом объекта и субъекта воздействия, и степенью его императива, и готовностью сознания воспринимать поступающий массив информации, и способностью мобилизовать мыслительный, образовательный, интеллектуальный потенциал для достижения прогнозируемых целей. Важную роль играет уровень правосознания субъекта правотворчества, и комплекс средств, обеспечивающих свободу правообразующей воли на этапе ее изъяснения в виде продукта правотворчества. Композиция факторов, воздействующих на сознание субъекта правотворчества в процессе воления, по-разному определяет границы свободы волеизъявления.

Рассмотрим факторы, которые представляются нам наиболее существенными, так как способствуют ограничению свободы волеизъявления на всех этапах мыслительного правотворческого процесса и в ходе изъяснения его результатов.

Свобода считается одним из наиболее емких, сложных и многогранных понятий, в содержании которого сложно измерить уровень, рамки и пределы. Тем не менее в юриспруденции считается, что официальным мерилom действующей свободы, ее нормой, указателем границ должного и возможного служит право. А свобода воли в праве — это возможность соизмерять и направлять свое поведение в соответствии с заранее определенным интересом и целями путем выбора подходящей модели из осмысленных вариантов. Но в правотворчестве в первую очередь сам закон устанавливает границы для такой возможности. Волеизъявление в правотворчестве, как и само правотворчество, процедурно оговорено в законах, то есть оно обусловлено объективно. Следовательно, субъект правотворчества обязан по закону совершать конкретные действия, а именно изъяслять свою волю в виде произведения правотворческой деятельности. При этом именно закон определяет степень его свободы и на этапе осмысления правотворческой цели, и в процессе волеизъявления. Другое дело — осознание субъектом правотворчества степени установленных ограничений, с учетом которых осуществляется формирование и выражение правотворческой воли, вариантов действий и выбор одного из них для изъяснения. При этом в нормах и принципах права выражается смысл и содержание пределов, которые относятся к определенной сфере человеческого бытия. Законодатель устанавливает

разрешения, ограничения, запреты, приоритеты, рамки деятельности и тем самым ориентирует сознание субъекта правотворчества, обозначив меру волеия, и, априори, границы волеизъявления. По меткому выражению В. В. Сорокина, «мера пронизывает право полностью» [11, с. 166].

Если проанализировать практику подготовки законопроекта в РФ, то в ней можно отчетливо разглядеть механизм конструирования будущего закона, где свобода воли субъекта законодательной инициативы заранее очерчена, что впоследствии предопределяет и результаты волеизъявления. Так, внесение законопроекта в Государственную думу РФ в порядке законодательной инициативы, который регламентирован самой палатой, сопровождается представлением ряда документов⁴, подготовка которых потребует соизмерять свою волю с законодательно закрепленными условиями. Тем самым субъект законодательной инициативы обязан выстраивать свой мыслительный поиск в соответствии с такими условиями. Разработка документов в рамках установленных параметров мобилизует сознание субъекта на конструирование законопроекта с учетом возникающих ситуаций, обусловленных действующими нормативными положениями.

Процедура принятия решения субъектом правотворчества и его волеизъявление представляют собой сложную двухступенчатую композицию. С одной стороны, это акт изъяснения воли в виде принятия, согласия, издания нормативного документа, а с другой — представление его содержания. И если волеизъявление, осуществляемое уполномоченным органом или должностным лицом в виде нормативного акта, можно считать результатом выражения воли правотворческого органа, то выражение воли отдельными инстанциями на различных стадиях правотворчества следует признать тоже волеизъявлением. Но оно относительно, так как является лишь продуктом для волеия следующей инстанции (например, движение законопроекта в парламенте демократического государства). Поэтому окончательные результаты волевого процесса являются итогом деятельности всех инстанций. При этом содержание волеизъявления обусловлено не только стратегическими целями правотворчества, но и комплексом воздействий, которые формируют целевую установку правотворческой воли каждого участника процесса. А пределы свободы волеизъявления зависят и от субъектного состава процесса правотворчества, и от его режима, и от субъективных суждений, оценок, переживаний всех участников.

Содержательные аспекты волеизъявления в правотворчестве обусловлены реализацией различных интересов: политических, социальных, экономических, духовных, собственно правовых и др. Их давление прослеживается на всем протяжении правотворческой процедуры: от замысла до появления нормативного материала. Борьба интересов приводит в движение шкалу пределов свободы обладателя права волеизъявлять. Здесь необходимо обратить

⁴ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Ст. 105 Подп. а–о [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 20.01.24).

внимание на ряд объективных и субъективных аспектов. Среди объективных обстоятельств приоритет принадлежит законодательному определению сферы правового регулирования. Любой проект нормативного акта должен быть согласован с предметом правового регулирования. Область правового регулирования также влияет на пределы правотворчества: каждый элемент системы права имеет четко обозначенные предметные границы. С течением времени действующее законодательство устаревает, с силу чего возникает потребность в его обновлении путем осознанного мониторинга. Исходя из этого, пределы свободы волеизъявителя приобретают правовые границы.

Свобода волеизъявления объективно зависит от коалиционной (партийной) позиции, закрепленной в программных документах либо сформулированной в соответствии с возникшей ситуацией. Анализ работы современных парламентов показывает, что волеизъявление депутата парламента, входящего в одну из фракций, должно осуществляться в соответствии с фракционными договоренностями — коллективная воля, согласованная с партийной позицией, становится обязательной для однопартийцев⁵. Партийная дисциплина как категория, влияющая на свободу волеизъявления, по-разному отражается в поведении депутатов парламента в государствах различных политических режимов. В демократическом государстве существует неписаное правило, согласно которому парламентарии идут на компромисс со своими убеждениями в интересах партийного большинства. В отдельных случаях допускается свободное голосование, когда воля парламентария не подчинена партийной дисциплине.

Пределы свободы волеизъявления субъекта правотворчества зависят от социальной значимости разрабатываемого законопроекта. Их масштабы и направленность разнятся и для коллективных, и для индивидуальных субъектов правотворчества. Социальная обусловленность и многогранность задач, продиктованных целым рядом проблем, возникающих перед законодателем (начиная с выявления общественного мнения относительно целесообразности принятия нормативного документа), определяют доминанту границам воления и пределам свободы волеизъявления. Правотворческая воля, положительно ориентированная на решение проблем жизнедеятельности, ожидаемых обществом, на реализацию общенациональных проектов, на декларированные, но своевременно не реализованные обещания, воспринимается без отторжения и скептицизма. Наблюдается своеобразное раскрепощение свободы воления субъекта правотворчества.

Каковы же тенденции развития учения о правообразующей воле — феномене правотворчества как явлению всего процесса правообразования, где формируются не только образы будущего закона, но и конструируется система

⁵ Так, например, депутат Государственной думы РФ Е. Е. Марченко (партия «Единая Россия») был исключен из фракции и партии из-за нарушения фракционной дисциплины при голосовании по бюджету 2022 года: существовало солидарное решение фракции о безусловной поддержке документа (См.: Веретенникова К., Макутина М. От укола до выстрела. Закрыта первая сессия Госдумы восьмого созыва // Коммерсантъ. 2021. № 234).

пределов свободы самого волеизъявления? Они лежат в рамках развития пост-неклассической научной рациональности, в композиции которой обозначено изменение структурно-функциональной направленности человеческой индивидуальности. Появление новелл в комплексе психологических, биологических и социальных составляющих человека привело к изменению их функций и поведения людей. Здесь наблюдается симбиоз геополитических, общественно значимых и личных факторов, которые конструируют новые интересы, побуждения, ожидания, и в первую очередь относительно правоустановления. Правообразующая воля становится феноменом правотворчества, той реальностью, без познания и защиты которой правотворчество может потерять свою душу (это пока еще человекотворение) и превратиться в чисто техническое действо. Назовем основные тенденции.

1. Наблюдается более обстоятельное изучение роли волевого фактора в правотворчестве в связи с изменившейся динамикой жизни.

2. Познание причин усиления примата воли над целым рядом воздействий, определяющих пределы свободы волеизъявления творца права, становится новой областью научной культивации в правоведении.

3. Возникшая дискуссия о роли искусственного интеллекта в правотворчестве диктует необходимость переосмысления процесса воления субъекта правотворчества и наделения его статусом. Правообразующая воля становится определяющей категорией в эпоху внедрения в правотворчество роботов.

Субъективные аспекты меры свободы волеизъявления охватывают широкий спектр факторов, касающихся жизненного опыта, профессиональной практики, образовательного уровня, принадлежности к научной школе, религиозных суждений, бытовой обстановки и др. Пределы свободы изъяснения своей воли вовне могут формироваться и под воздействием психологических установок, имеющих широкую биологическую платформу и способных влиять на мыслительные аргументы путем конструирования предостережений и запретов.

Субъективные мыслительные поиски, сопоставление имеющихся вариантов решения правотворческой задачи и выбор из них приоритетного, учет различных интересов, борьба желаний и возможностей тесно связаны с правосознанием субъекта правотворчества. По мнению Г. В. Мальцева, именно границы сознания конструируют пределы волевых действий [5, с. 202]. Уровень правосознания регламентирует направления волевого процесса, позволяет установить меру воления, определить пределы свободы волеизъявления. В научных кругах справедливо считают, что такая мера зависит от уровня правосознания, который указывает на степень развитости, значимости рационально-идеологических, социально-психологических и поведенческих компонентов правосознания субъекта юридической деятельности. При этом важную роль играют такие специфические свойства, как уникальность, изолированность, функциональность, прикладной (обеспечивающий) характер [12, с. 116]. Действительно, правовая идеология связана с образованием логически обусловленных представлений о праве на основе определенных

знаний о нем, что достигается с помощью правового просвещения. Правовая психология как продукт чувственно-эмоциональной сферы способствует формированию индивидуальных личностных особенностей восприятия правовых норм [7, с. 19]. И правовая идеология, и правовая психология существенным образом обуславливают как логику и содержание мыслительной деятельности, так и траекторию правообразующей воли, а также пределы свободы волеизъявления результатов правотворческой деятельности.

Пределы свободы субъекта правотворчества не зависят непосредственно от воли контрагента (такowymi могут быть названы все субъекты, у которых в силу различных обстоятельств может возникнуть потребность реализовать правовую норму). Если в гражданском праве волеизъявление служит исключительно цели объявления воли контрагенту, то в правотворчестве преследуется иная цель: создание нормативного акта для потенциальных потребителей норм права, указанных в самом документе. Тем не менее, например, воля народа должна учитываться при подготовке общегосударственных законов с момента зарождения идеи до подписания закона главой государства. Для этого могут служить опросы населения; результаты статистических исследований; обращения, заявления, указы жителей, направляемые в адрес депутатов на территории избирательного округа и др. Таким образом, волеизъявление в правотворчестве носит односторонний характер, но, в отличие от цивилистики, волеизъявление субъекта правотворчества не порождает возникновения правоотношений. Так, например, проект закона — как продукт волеизъявления субъектов права законодательной инициативы — предназначен исключительно для парламента, который обязан его рассмотреть⁶. При этом между субъектами права законодательной инициативы и парламентом предусмотрены лишь процедурные отношения, возникновение взаимных прав и обязанностей не предполагается.

Изучение мотивации в правотворчестве показывает, что она обусловлена интересами государства, стремящегося посредством принятия нормативного документа обеспечить урегулирование общественных отношений. Вместе с тем нельзя исключать и то обстоятельство, что мотив может формироваться и под влиянием других интересов, выходя за рамки державных. Среди таких, например, могут быть личные, узкогрупповые, массово стихийные. Мотив содержательно моделирует границы волеизъявления, так как вызревание правообразующей воли непосредственно касается объекта и предмета правотворчества. Нередко в процессе мотивации правотворческих действий возникают противоречивые ситуации, вызванные существующими реалиями политического, экономического, социального характера, порожденные прогнозом появления коллизий, а также субъективным толкованием самой правотворческой идеи. Более того, противоречия могут порождать борьбу мотивов, которая влияет на формирование содержания целевой установки.

⁶ В Российской Федерации такие действия предусмотрены статьей 104 Конституции РФ.

Конструирование правотворческой воли посредством осмысления таких мотивов ограничивает свободу воли и очерчивает пределы свободе волеизъявления, так как окончательное мыслительное решение основывается либо на компромиссе, либо путем исключения неудобного мотива. Справедливо утверждение, что свобода воли подразумевает возможность лица уклониться от соблюдения некоего усредненного стандарта поведения [10, с. 12]. Однако всякое усреднение — это своего рода компромисс, где обязательно присутствуют ограничения.

Заключение

Природа и детерминанты формирования пределов свободы волеизъявления в правотворчестве многолики. Специфика правотворчества, статус его субъектов, многостадийность самого процесса указывают на наличие факторов, влияющих на меру свободы волеизъявления, которые представляют собой целый ряд объективных и субъективных воздействий. Среди них существенную роль играет право как объективный фактор, с его обязываниями, ограничениями, дозволениями, предписаниями и т. д. Тем не менее в процессе волевого действия поведение субъекта правотворчества ограничено определенными рамками сообразно с его правовым статусом. И целеполагание, и борьба мотивов, и принятие волевого решения, и его изъяснение предполагают соизмерение каждого шага волевого действия с заранее установленными условиями, определяющими пределы свободы волеизъявления. Под пределами свободы волеизъявления в правотворчестве предлагается понимать границы возможного и обязанного (должного) волевого действия субъекта правотворчества, а также меру его ограничения при формировании правотворческой воли и изъяснении ее в виде нормативного материала.

Список источников

1. Залоило М. В. Современный законодательный процесс: от правовых тенденций к прогнозируемым сценариям развития // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 2. С. 39–48.
2. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Аванта+, 2001. 560 с.
3. Крупнова Т. Б. Свобода волеизъявления как категория теории правотворчества // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина): сборник научных статей / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, В. Р. Авхадеев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 112–117.
4. Малая Т. Н. Пределы свободы волеизъявления завещателя по распоряжению земельным участком // Экологическое право. 2006. № 4. С. 7–8.
5. Мальцев Г. В. Социальные основания права: монография / Г. В. Мальцев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 800 с.

6. Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.
7. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2022. № 1. С. 16–22.
8. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Путило Н. В. Вековая история развития научной школы правотворчества Института // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11. С. 127–139.
9. Певцова Е. А., Пашенцев Д. А. Правовая культура постиндустриального общества: методологические основы исследования // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 8–16.
10. Политова И. П. Воля и волеизъявление: монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.
11. Сорокин В. В. Дух права — фундаментальная категория юридической науки // Государство и право. 2021. № 12. С. 164–167.
12. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 398 с.
13. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
14. Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 5–13.
15. Zezekalo A. Y. “La Trahison des Images”: Intentional discrepancy between individual will and its declaration // Правоведение. 2023. Т. 67, № 3. С. 305–313.

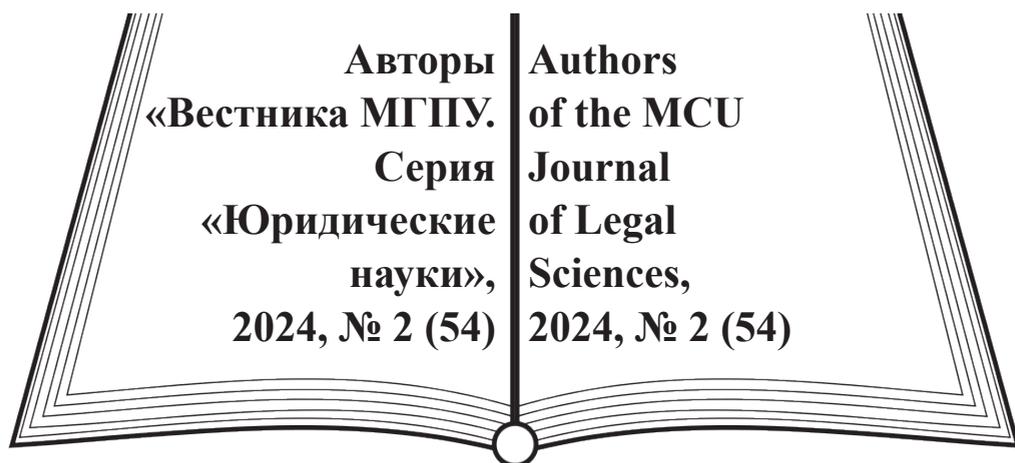
References

1. Zaloilo M. V. Sovremennyy`j zakonodatel`ny`j process: ot pravovy`x tendencij k prognoziruemy`m scenariyam razvitiya // Rossijskij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2023. T. 10, № 2. S. 39–48.
2. Kerimov D. A. Metodologiya prava: predmet, funkicii, problemy` filosofii prava. M.: Avanta+, 2001. 560 s.
3. Krupnova T. B. Svoboda voleiz`yavleniya kak kategoriya teorii pravotvorchestva // Pravotvorchestvo v XXI veke: e`voluciya doktriny` i praktiki (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pigolkina): sbornik nauchny`x statej / T. Ya. Xabrieva, V. V. Lazarev, V. R. Avxadeev i dr.; otv. red. V. V. Lazarev. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2022. S. 112–117.
4. Malaya T. N. Predely` svobody` voleiz`yavleniya zaveshhatelya po rasporyazheniyu zemel`ny`m uchastkom // E`kologicheskoe pravo. 2006. № 4. S. 7–8.
5. Mal`cev G. V. Social`ny`e osnovaniya prava: monografiya / G. V. Mal`cev. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 800 s.
6. Ojgenzixt V. A. Volya i voleiz`yavlenie (ocherki teorii, filosofii i psixologii prava). Dushanbe: Donish, 1983. 256 s.
7. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1. S. 16–22.
8. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Putilo N. V. Vekovaya istoriya razvitiya nauchnoj shkoly` pravotvorchestva Instituta // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27, № 11. S. 127–139.
9. Pevczova E. A., Pashencev D. A. Pravovaya kul`tura postindustrial`nogo obshhestva: metodologicheskie osnovy` issledovaniya // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 3. S. 8–16.

10. Politova I. P. Volya i voleiz''yavlenie: monografiya. M.: Prospekt, 2016. 112 s.
11. Sorokin V. V. Dux prava — fundamental'naya kategoriya yuridicheskoy nauki // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 12. S. 164–167.
12. Tixomirov Yu. A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. M.: Formula prava, 2010. 398 s.
13. Uznadze D. N. Psixologiya ustanovki. SPb.: Piter, 2001. 416 s.
14. Xabrieva T. Ya. Sovremennoe pravotvorchestvo i zadachi yuridicheskoy nauki // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 8. S. 5–13.
15. Zezekalo A. Y. “La Trahison des Images”: Intentional discrepancy between individual will and its declaration // Pravovedenie. 2023. T. 67, № 3. S. 305–313.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024;
одобрена после рецензирования: 20.02.2024;
принята к публикации: 28.02.2024.

The article was submitted: 12.02.2024;
approved after reviewing: 20.02.2024;
accepted for publication: 28.02.2024.

Абдиева Даткайым Акылбековна — младший научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Abdieva Datkaiym Akylbekovna — Junior Researcher at the Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: abdieva.izisp@mail.ru

Васильев Павел Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Vasiliev Pavel Vyacheslavovich — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Газгиреев Нажмуди Шамсудиевич — аспирант Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Gazgeriev Nazhmudi Shamsudievich — Postgraduate Student of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: gazgireevns273@mgpu.ru

Демкина Елена Анатольевна — старший преподаватель кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии.

Demkina Elena Anatolyevna — Senior Lecturer at the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy.

E-mail: elenadyomkina@yandex.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Dorskaya Aleksandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, The Northwestern Branch of the Russian State University of Justice.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorsky Andrey Yuryevich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Mass Communications Management, Saint-Petersburg State University.

E-mail: dorski@yandex.ru

Зарубина Кристина Александровна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета.

Zarubina Kristina Alexandrovna — Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University.

E-mail: kris1996z@mail.ru

Костина Кристина Алексеевна — аспирант кафедры частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Kostina Kristina Alekseevna — Postgraduate Student of the Department of Private Law Disciplines, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: kostina.kristina2014@yandex.ru

Крупнова Татьяна Борисовна — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Krupnova Tatyana Borisovna — Postgraduate Student at the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: black_rose_1994@mail.ru

Куракина Юлия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Kurakina Yulia Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: kurakinauv@mgpu.ru

Львов Алексей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Lvov Aleksey Vitalievich — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: lvovav@mgpu.ru

Степанов Михаил Михайлович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stepanov Mikhail Mikhailovich — Candidate of Law, Leading Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: stepanovtao@mail.ru

Чапчиков Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета.

Chapchikov Sergey Yuryevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University.

E-mail: tgpSTU@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
- инициалы и фамилия автора (полуужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
- заголовок (полуужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).
- благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2024, № 2 (54)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

М. С. Голяндина

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 11.06.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 7,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.